

Архипов А.С.

СКВОЗЬ ЛЁД И СНЕГ

Алексей Сергеевич Архипов

Сквозь лёд и снег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510354

SelfPub; 2024

Аннотация

Уважаемые читатели, представляю вам первую вводную часть из шести моего романа, которая является по сути дебютным этюдом, поэтому конечно особой критики не заслуживает, т.к. она в данном случае не принципиальна, но, к сожалению читать наиболее успешные по моему мнению части 4,5 и 6 будет немного затруднительно без первых трёх. Ко всему могу обещать отличную быструю читаемость текста. Каждую часть можно осилить за 6 часов, итого одна неделя чтения. Роман писался как аннотация к изобретению новой детской игрушки в основной позиции и виду транспорта в косвенном отношении, не имеющим под собой реальных разработок. Каждая часть писалась не более двух месяцев (чтобы подчеркнуть уровень автора) и в целом творческая стратегия была ориентирована на захват ресурса в медиа среде. Желая приятного и интересного прочтения. С уважением, Архипов Алексей.

Алексей Архипов

Сквозь лёд и снег

ПРОЛОГ

В крошечной тьме раздался монотонный звук работы электрогидра-влических агрегатов шлюза. Перед глазами замигали огни подсветки приборов и обозначений параметров загрузки системы управления. Искусственный электронный голос то и дело сообщал о завершении этапов проверки технического состояния систем. Внезапно начал раздаваться ритмично повторяющийся короткий и резкий звук сирены, что-то громыкнуло, и впереди в разные стороны поползли ворота стартового шлюза. Вертикальная полоска ярко-белого света между ними становилась все шире и интенсивней, ослепляя глаза. Кай Волков включил светозащитное затемнение ветрового стекла кабины. Прошло разрешение на старт, Кай запустил двигатели, послышался нарастающий шум. На экране системы управления красным цветом быстро замигали символы с характерным предупреждающим звуковым сигналом. Они информировали пилота о том, что двигатели максимально разогреты и готовы к старту. Кай перевел рычаг управления тягой вперед и начал постепенно ускоряться, покидая шлюз.

Вокруг был снег и лед, скорее больше льда, чем снега. Лед и трещины во льду, трещины и огромные разломы.

– Кай, говорит База. У тебя в распоряжении есть шесть часов, а также тот самый сюрприз, который мы тебе уже обещали, – звуковой файл, всего несколько мегабайт информации. Сообщение было сделано около года назад, причем именно для тебя. Ты будешь одним из немногих, кто его услышит. Файл уже загружается, только будь внимателен, – не отвлекайся от общей обстановки пилотирования.

– Очень интересно, – подумал Кай, сохраняя хладнокровное спокойствие и контроль над управлением.

В динамиках кабины, послышался чей-то уставший старческий голос:

– Здравствуй, человек! Если ты сейчас слушаешь эту запись, значит меня уже нет среди живых, но все что я сделал, получило свое великое продолжение. Я – Архип Великий. Да, я тот самый человек, который изобрел машину под названием «Сновигатор» и долгие годы возглавлял программу «Полярной навигации», и если ты слышишь это, значит мои надежды оправдались, и то, над чем мы работали столь долгие годы послужило человечеству в будущем.

Не имеет никакого значения, ни твой пол, ни национальность, ни вероисповедание, ни гражданство, самое главное – это то, что ты сейчас чувствуешь и переживаешь, управляя той машиной, которую мы создали в начале двадцать первого века. Я желаю тебе счастья и удачи, пилот! И надеюсь, что благодаря тебе в том числе, человечество проложит далекий путь в будущее!»

Кай был ошеломлен, он, конечно же понял, кто только что передал ему это напутственное послание из прошлого. Но еще больше он был поражен тем, что по сути оказался единственным человеком, кому оно было адресовано. Несмотря ни на что он продолжал очень внимательно пилотировать машину. Вокруг было очень светло, но солнца не было видно. Здесь вообще было не понятно день это или ночь, но красота всё же была непревзойденная. Справа в небе раскинулась избитая кратерами поверхность огромной планеты, слева красовались еще два небольших спутника, похожих на Луну, только светло стального цвета. Сновигатор шел на скорости двести узлов по абсолютно гладкой ледяной поверхности, периодически пересекая глубокие ледяные трещины. Температура за бортом была минус сто девяносто восемь градусов по Цельсию. Земное время суток не имело значение, его просто здесь не существовало, шел 2072 год от Рождества Христова, отдаленный участок Солнечной системы, неизведанное космическое тело под названием Европа, шестой спутник Юпитера, третий фазис миссии «JUPITER ICY MOON EXPLORER».

ГЛАВА I. БЕЛЛИНСТАУЗЕН

7 февраля 2031 года Арктический Научно Исследовательский Институт

Российской Федерации основал элитную школу пилотов высокоскоростных

полярных челноков Полярной Навигации. Целью этой школы было обучить

пилотов преодолевать маршрут между полярными

станциями и опорными пунктами платформы Антарктического материка с учетом сложного рельефа поверхности и времени прохождения из-за постоянно меняющихся погодных условий. Эту небольшую группу можно с уверенностью было назвать лучшими пилотами Полярной Навигации в мире, и они доказали это на практике. Сегодня ассоциация Арктических Научных Институтов называет ее «Polar Navigation», а пилотируемый челнок получил название «Snowigator».

База №7 «Беллинсгаузен» (Bellingshausen) Россия 62° ю.ш. 58° з.д. является самой северной, то есть самой близкой к экватору, российской антарктической станцией. Располагается на острове Ватерлоо в районе Шетландских островов. Основана 22 февраля 1968 года Советской Антарктической экспедицией. Названа в честь Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, русского адмирала первооткрывателя Антарктиды, балтийского немца по происхождению. Позже достроена и модернизирована под стандарты программы Высокоскоростной Полярной Навигации и являлась отправной точкой экспедиции первой миссии программы «Polar Navigation», протяженностью десять тысяч двести пятьдесят миль сквозь ледяные пустыни и снежные ландшафты Ан-

тарктиды.

В жёлто-оранжевом свете небосвода ещё не взошедше-

го в зенит Солнца взвивались сполохи снега, поднимаемого лёгкими порывами холодного антарктического ветра. На стартовом полигоне суетливо туда-сюда ходили люди в гермошлемах и лётных термокомбинизонах. Это были пилоты сновигаторов и механики группы технического сопровождения программы «Polar Navigation». Пять из семи машин типа HSPS (High Speed Polar Shuttle,

Высокоскоростной Полярный Челнок) стояли под испытательной нагрузкой, ещё два заканчивали заправку и дозаряд. Сквозь пульсирующий низкочастотный гул ионных двигателей периодически раздавался нарастающий свист различных тестовых режимов. Внезапно в гермошлемах прозвучал короткий шипящий звук включения радиосвязи и строгий женский голос сказал: «Команде пилотов пройти для проведения предрейсового инструктажа!»

Семь человек, большая часть из которых были военными офицерами различных родов войск, проследовали внутрь станции. Сняв шлемы, они прошли в небольшую комнату раскомандировки, похожую на класс стандартной американской школы.

– Садитесь, пожалуйста! – сказала тем же голосом женщина, стоящая у огромной сенсорной панели, как учительница у классной доски. Она была одета почти в такой же, как и у всех остальных профессиональный лётный термокомбинизон, только выполненный в другом стиле для сотрудников высшего руководства. Нашивки и знаки отличия говорили о

том, что она не просто старший офицер, а имеет отношение непосредственно к кабинету высшего управления программы Полярной Навигации.

– Я хочу, чтобы вы хорошо понимали, – начала она, не делая лишних пауз для вступления, – что на вас возлагается большая ответственность за жизнь и здоровье своих товарищей, за собственную жизнь и за выполнение поставленных перед экспедицией задач в целом. Вам предстоит пройти четырнадцать маршрутов, различной протяженности и сложности пилотирования. Средняя скорость прохождения составит сто пятьдесят узлов, при учёте максимально развиваемой скорости ваших сновигаторов на форсаже до двухсот десяти узлов. Общее время прохождения без учёта перерывов на отдых составит от семидесяти до ста часов. При этом приоритетом миссии является как раз сокращение времени за счёт более высокой скорости прохождения дистанций, учитывая, что навигационное оборудование ваших сновигаторов будет рассчитывать маршрут на местности практически мгновенно с учётом структуры ультразвуковой матрицы ландшафта на несколько километров вперёд. Это достаточно экстремальное приключение – двигаться на скоростях, близких к крейсерной скорости пассажирского самолета среди шельфовых ледников и заснеженных горных хребтов, учитывая снежные трамплины, сдвиги пластов, провалы и тому подобное, поэтому вас и отобрали специально из элитных подразделений. В любом случае вы должны пом-

нить, что вы – единственные в своём роде и от вашей работы будет зависеть будущее целой индустрии в сфере науки, техники и полярных путешествий! Далее по назначению на маршрут: ваша первая опорная точка – станция «Тайшань», дальность девятьсот тридцать одна и семь десятых мили, приблизительное время следования от шести до девяти часов. Вы проходите эту дистанцию через шельфовый ледник Ларсена, огибая шельфовый ледник Георга VI. На «Тайшане» к вам присоединится китайский пилот Лу Цзин Лао, позывной «Лу», его сновигатор был отправлен два месяца назад, так что у него было время для тренировок. Остальные инструкции вы будете получать от капитанов ваших групп Фрей и Зордакса. У меня всё, если у капитанов есть к команде вопросы, прошу их задать. Желаю вам приятного полёта, удачного окончания миссии и незабываемых ощущений от путешествия! – сухо и хладнокровно закончила она свою речь с некоторым как бы тонким и интригующим смысловым сарказмом, после чего спокойно покинула кабинет. Вообще люди её уровня в таких организациях, да ещё и в военном звании не вели долгих рассуждений, всё делали быстро и четко без лишних сантиментов.

– Я хочу напомнить, – начала Фрэй, – весь маршрут нас будут вести диспетчеры, они же будут контролировать наше местоположение и принимать решения об эвакуации в случаях аварий и трезвычайных происшествий. Не забывайте, при возникновении чрезвычайных ситуаций не спешите по-

кидать челнок, – средняя температура воздуха за бортом в это время года колеблется от -40^0 до -60^0 цельсия. Заряда ваших термо-комбинизонов после выхода из сновигатора хватит на шесть часов. При транспортной катастрофе, сразу же выкидывайте аварийный маяк, чтобы в вас не врезались следующие за вами пилоты. В системе каждого сновигатора есть баллон форсажной смеси, так что хороший взрыв при столкновении на скорости ста пятидесяти узлов вам обеспечен. Да, и маяк выстреливает вверх, так же как и кресло при катапультировании, поэтому следите за траекторией и позицией его выхода. При попадании в открытый океан, не паникуйте и не спешите катапультироваться, у вас для этого присутствует большая красная кнопка на центральной панели «Sea Threat», она надует вам аварийные буи и не придется топить дорогостоящую машину. Ну, в общем, вы это уже и так все проходили. Зордакс, тебе есть, что добавить?

– Всё в порядке, если будет необходимо, я добавлю в пути, а пока для особо искушённых я хотел бы напомнить, что своё музло на первом маршруте я настоятельно не рекомендую включать, и свои рации всё это время держать активными без автоглушений допканалов, а эфир – чистым. Все понятно?! – строго и громко спросил он, обращаясь к Вэндэру и Хелбоксу.

– Да всё в порядке, мы поняли! – вальяжно ответил ему Вэндэр.

– Люблю понятливых, – уже более спокойно сказал Зор-

дакс, – выходим двумя группами одна за другой, интервал десять минут. Первыми идём мы, о любой лаже по ходу маршрута сразу докладываем. Сразу!!! – долго не тормозим, особенно в «ландшафтных коридорах». Если не понимаешь чего-то, если что-то не нравится – немедленно корректируй вектор движения и уходи другим маршрутом! Контрольные точки прохождения заданы в картах штурман-локации. На частых резких маневрах стараемся педалировать, а не крутить тупо штурвалом влево-вправо: сбрасываем скорость, переводим двигатели на педали и работаем ногами. Работаем, чтобы не улететь или не перевернуться в самом начале миссии!

– Всё ясно, сэр! – понятно отшутился Вэндер.

– Это когда до Амундсен-Скотт дошутишь, будешь сэрать! – строго ответил Зордакс, – а пока по машинам!

– Пилотам первой группы занять свои места в сновигаторах, – скомандовала своей группе Фрэй, – сохранять первую готовность к вылету пять минут после старта второй группы!

– Девять часов без музла, – жаловался Хэбокс Вэрдэру, уже следуя по коридору станции на выход к стартовому полигону, – я со скуки умру с таким режимом.

– Да ладно, не переживай! Может дойдем за шесть часов, время пролетит – и не заметишь, – отвечал ему Вэндэр, надевая свой гермошлем.

На полигоне уже все было готово. Стартовые огни мигали в рабочем режиме первой готовности. Из техперсонала на

векторе направления вылета оставались трое сигнальщиков: два боковых, один фронтальный с ярко зелёными маяками в руках.

Экипажи заняли свои места в машинах, крышки кабин медленно опустились с приглушенным шипением герметизации, щёлкнули механизмы замков.

– «Пш-ш-ш», – опять включился радиоканал в гермошлемах.

– Всем экипажам, общая проверка связи! – прозвучал голос диспетчера.

По-очереди, начиная с капитана первой группы, начали доноситься позывные пилотов в эфир, – Фрэя, Хэлбокс, Ак-

сель, Джонс, Зордакс, Кэтрин, Вэндэр.

– Всё, ребята, поехали! Обратный отсчёт! – прозвучал голос диспетчера.

Включился автоматический штурманбот и приятный женский электронный голос робота начал отсчитывать:

– THREE, TWO, ONE, ZERO, START!

Зордакс плавно перевёл левый рычаг управления тягой двигателей вперёд. Его сновигатор «Strict Supressor» чёрный с ярко красными элементами начал динамично набирать скорость с увеличением частоты звука. Вслед за ним с таким же нарастанием подхватывающего на средних частотах звуком двинулся вперед сновигатор Хэлбокса «Progressor». Практически без пауз одновременно вышла и Кэтрин на «Phaeton Prince».

Ярко синие огни, переливаясь от зелёного до бирюзового, оставляли красивые полосы за быстро уходящими вдаль тремя сновигаторами с свистящим шумом ионных двигателей при полной нагрузке. Это зрелище оставляло неизгладимое впечатление даже у тех, кто не раз видел происходящее на тренировочных заездах.

– Вторая готовность к выходу первой группы, – прозвучало в рации, – пять минут до обратного отсчёта.

– Джонс! – прозвучал в рации голос Фрэй, – держись строго за мной, не отставая.

– Не беспокойтесь, капитан, – ответил Джонс.

Джонс был новичком. Его ввели в состав группы несколь-

ко месяцев назад. Тридцати летний офицер ВВС РФ, младший лейтенант Евгений Громов был прикомандирован к группе пилотов программы «Polar Navigation» как самый результативный пилот морской авиации в своей возрастной категории. Прекраснейший вертолетчик, участник нескольких боевых операций в пограничных районах страны. Молодой, симпатичный, невысокого телосложения он сразу понравился Фрэе. Впрочем, и он сам, впервые увидев ее, почему-то стал постоянно думать о ней, выискивая удобные моменты, чтобы лишний раз посмотреть на неё, ловил на себе её взгляд и с увлечённым постоянством стремился попасть в круг её общения. Бесспорно, с момента их знакомства между ними возникла какая-то тонкая сближающая связь, но военный протокол и субординация не позволяли расслабиться, да и дело было не только в этом. С некоторых пор капитан второй группы Зордакс, он же Борис Зордин, майор в отставке, тридцати пяти летний командир взвода отдельного десантно-штурмового батальона ВС РФ, неоднократный участник боевых действий, награждённый медалью за отвагу, высокий, плотного телосложения, постоянно выбритый наголо, откаченный подтянутый боец, ухаживал за Фрэйей, и даже в группе поговаривали, что у них некогда была близкая связь. Всё это, учитывая статус и должностные положения, мешали Джонсу чисто по-человечески пойти навстречу своим чувствам, у него не было уверенности в своей правоте перед лицом своих коллег, да и времени прошло ещё слишком ма-

ло, чтобы понять ситуацию до конца. Всё это вперемешку с ответственностью перед поставленными задачами миссии слишком отвлекало его, поэтому он принял решение не торопиться с чувствами. Но мысли и ситуации все чаще и чаще намекали на то, что всё это было больше, чем просто симпатия.

– Первой группе обратный отчёт до старта, – коротко прозвучал голос диспетчера.

Опять включился отсчёт штурманбота. Четыре сновигатора, постепенно набирая интенсивность звука двигателей, поочередно вылетали друг за другом: «Space Shark» – Фрэнк, «Fast Vector» – Джонс, «Gipper Scrunder» – Вэндэр и «Spector» – Аксель.

Так начинался еще один новый июньский день две тысячи тридцать второго года. На часах было девять сорок пять утра, западная точка Антарктиды.

ГЛАВА II. ЛЕДНИК ЛАРСЕНА

Следующие два часа в эфире стояло полнейшее безмолвие, лишь электронный голос штурманбота сообщал каждому пилоту о прохождении контрольных точек дистанции. В двенадцать часов по полудню солнце уже светило своим ярко-желтым ослепляющим светом, все вокруг было белое и чистое, огромная снежная саванна ослепляющего света. Пилоты включили режим солнцезащитного затемнения плаз-

менного нано-стекла в своих шлемах, и весь кристалльно прозрачный защитный купол шлема плавно окрасился в коричнево-золотистый зеркальный фон, как если бы в кофе растворяли сливки, медленно перемешивая их ложечкой. Одна из последних российских нано-разработок позволяла практически мгновенно выстраивать жидкие прозрачные кристаллы в любой плоскости, геометрии и структуре поверхности слоя, а также фиксировать состояние твёрдости слоя. Получалось, что стекло могло не только менять свой цвет и свойства прозрачности, а просто удалялось при выключении, превращаясь в жидкую плазму в отдельной ёмкости внутри корпуса шлема.

Повсюду в белоснежной солнечной равнине стояло абсолютное спокойствие и тишина, как вдруг откуда-то издали начал доноситься неизвестный свистящий шум, постепенно нарастая всё сильнее и сильнее. Внезапно раздался резкий мощный удар, и небольшая дюна полностью разлетелась огромным белым облаком снега! Из неё, подпрыгнув как на трамплине, со скоростью молнии вылетел «Strict Suppressor» Зордакса. Он пролетел над поверхностью метров двадцать и чётко приземлился на снег обеими лыжами с характерным звуком от плоского удара, продолжая двигаться на высокой скорости вперёд. Звук двигателей не долго удалялся, он смешался с новым, похожим на предыдущий, только более высокой частоты. Через мгновение то же самое повторил «Progressor» Хэлбокса, а за ним и Кэтрин

на «Phaeton Prince». Электронно управляемая пневмогидравлическая подвеска сновигаторов работала просто превосходно. Вторая группа подходила к Шельфовому леднику Ларсена. Вдали уже виднелись неровности и выбоины поверхности, частичные сдвиги и провалы пластов, петляющие «коридоры», образованные структурой неравномерного таяния ледяных массивов, в общем – целый лабиринт приключений из снега и льда. Пилоты сбросили скорость.

– Давай я пойду первым, – сказал Хэлбокс Зордаксу по радиации, – у меня выше маневренность в ограниченных пространствах.

– Отставить! – ответил Зордакс, – у меня меньше шансов провалиться в скрытые талые карманы.

– С чего это ты так решил? – спросил Хэлбокс с некоторым упрямым возмущением в голосе.

– С того, что у меня носовая часть шире твоей на один метр и общая длина фюзеляжа больше. К тому же мой сновигатор единственный из всех, корпус которого выполнен из титанового сплава, а не из карбона, и в такелаже присутствует лебедка, – утвердительно и досканально пояснил Зордакс с вальяжной интонацией авторитетного преподавателя на кафедре.

– Какие мы крутые! – с сарказмом передразнила Зордакса Кэтрин.

– Тебя не спрашивали, помолчи, – меняя тон, ответил Зордакс.

– Грёбанный крейсер! – снова перерезала его Кэтрин.

– Плохо, что скорость не получается поднять выше сорока узлов, – сказал Зордакс после небольшой паузы, – в таком темпе мы этот ледник будем часов пять проходить.

– У вас там что, всё плохо? – прозвучал в рацию голос Фрэя, – а то мы на подходе, уже практически подошли.

– Не сильно торопитесь, здесь плохие скоростные условия! – ответил Зордакс.

Прошло тридцать минут после того, как команда Зордакса въехала в зону ледника. Первая группа следовала за ними на расстоянии примерно пяти миль, пока вдруг в рации не раздался тревожный голос Зордакса.

– Второй группе полная остановка! Сушите вёсла ребята, у нас возникла серьёзная проблема!

– Что там такое, Зордакс?! – встревоженно спросила Фрэй.

– Вы тоже пока можете стоять, чтобы не тратить лишнюю энергию, – ответил Зордакс, – здесь у нас на пути по всей длине горизонта довольно широкий разлом в леднике, я подойду ближе – прикину, что к чему.

– Да о чём ты говоришь?! Тут уже осталось несколько миль! Короче мы подходим! – ответила Фрэй.

Хэлбокс и Кэтрин остановились, черно-красный «Strict Suppressor» медленно, как крокодил, двигался дальше к краю разлома. Прошло пятнадцать минут, команда Фрэя подошла ко второй группе, вдали было видно, как сновигатор Зордакса медленно двигается вдоль разлома по краю.

– Ну что там?! – нетерпеливо спросила Фрэя.

– Да ничего особого! – ответил Зордакс, – ширина двадцать метров, глубина пятнадцать, уровень сдвига краёв относительно друг друга нулевой, край твердый, можете готовиться к прыжку.

– Ты уверен?! – тревожно переспросила Фрэя.

– Абсолютно! – утвердительно ответил Зордакс, – отходим на пол мили, разгоняем движки на полную, за сотню метров включаем форсаж и резкое руление на себя, остальное сделает механизация заднего антикрыла.

– О.к.! – ответила Фрэя, – второй группе отойти назад на две мили!

– Ну давайте, поехали – поехали, вторая группа!!! – нервничал Зордакс.

Хэлбокс и Кэтрин медленно развернули свои сновигаторы и начали удаляться от разлома для того, чтобы взять разгон.

– Кто первый? – спросила Фрэя, как бы обращаясь всё-таки к Зордаксу.

– Да всё равно, главное делаем всё правильно и чётко! На максимальной скорости я бы этот разлом и без форсажа про-

шёл! – ответил Зордакс, – буду пока стоять здесь для подстраховки на всякий случай! Если что, сразу выкину вам лёд-бёдку. Поехали!

– Хэлбокс, давай, ты у нас самый главный «псих»! – сказал Вэндэр.

– Не вопрос! – ответил Хэлбокс и сразу же придал своему сновигатору максимальное ускорение.

Динамика разгона у «Progressor» была просто сумасшедшая. На стаметровом остатке Хэлбокс нажал большую красную кнопку на штурвале сверху и резко рванул его на себя правой рукой. «Progressor» просто взметнулся с места, реактивный форсаж взвизгнул с резким громким хлопком. Ну что и говорить... – Хэлбокс перелетел двадцати метровый разлом, приземлившись от края еще метров на пять.

– Сколько? – спросила Фрэя.

– Сто девяносто узлов! – ответил Хэлбокс.

– Красавчик! – похвалила Фрэя.

– Теперь я! – сказала Кэтрин.

«Phaeton Prince» начал ускоряться, два мощных ионных двигателя создавали внушительный шум, оставляя позади две бирюзовые длинные полосы. Послышался хлопок включения форсажа, ещё мгновение и сновигатор Кэтрин как вихрь оторвался от одного края разлома и, перелетев его, приземлился на другом, ударившись плоскостью лыж о твёрдую поверхность заснеженного льда.

– Поехали дальше! – скомандовала Фрэя, – надо эконо-

мить время, неизвестно, что ещё нас ждёт впереди.

Остальные члены команды друг за другом по-очереди совершали один и тот же, отработанный на тренировочных заездах, маневр. Сновигаторы один за другим совершали скачки через разлом с огромной скоростью, используя форсажную смесь. Завершала группу Фрэй, после чего перепрыгнул и Зордакс.

– Продолжаем движение! – скомандовал Зордакс в рацию, интервал между группами пять минут, я иду первый.

Обе группы шли достаточно быстро, огибая области разломов и трещин в ледяном массиве. Пейзаж постоянно менялся с заснеженных ледяных скал на широкие равнины, покрытые снежным настом. Команда то и дело проходила короткие лабиринты коридоров между ледниковыми пластами, выступающие над уровнем поверхности на высоту до пяти метров. Иногда они разделялись и шли разными маршрутами, пока, наконец, голосовые штурманботы сновигаторов не стали сообщать о контрольной точке прохождения дистанции шельфового ледника Ларсена. До полярной станции Тайшань оставалось пятьсот миль, путь следования не предвещал особых препятствий, сновигаторы один за другим меняли скоростной режим и тактику прохождения маршрута, расходясь на боковые дистанции в разные стороны и следуя каждый по своему курсу. Время следования составляло четыре часа.

– Мы потеряли сорок минут на разломе, – послышался

голос Зордакса, – если будем постоянно удерживать максимальную скорость на этой дистанции, и не возникнет проблем, дойдем до станции Тайшань за три часа. Этого будет достаточно для удачного завершения первого маршрута.

ГЛАВА IV. СТАНЦИЯ «ТАЙШАНЬ»

Станция №76 «Тайшань»(Taishan, Китай) 73° ю.ш. 76° в.д. Высокогорная антарктическая станция, расположенная на высоте 2621м над уровнем моря. Официально открыта в 2015 году между Землей Пальмера и шельфовым ледником Роне. Основной модуль выполнен в форме традиционного китайского фонарика.

Солнце ещё не вышло из зенита, команда шла в разной бой с боковой дистанцией около мили почти нос в нос, периодически обгоняя друг друга. В эфире было тихо, только сообщения о контрольных точках маршрута периодически разрывали эту тишину и завораживающую гармонию скоростного полета в снежной пустыне, подвески у сновигаторов работали идеально, что добавляло некоторого пространственного гипнотизма всему происходящему. На часах было шестнадцать часов семнадцать минут, когда штурманбот сообщил о последней точке прохождения и приближении к станции Тайшань.

– Выстраиваемся по двое, – сказала Фрэй, – скорость сбра-

сываем до шестидесяти узлов, на дистанции в две мили – до сорока узлов, боковая дистанция пятьдесят метров, интервал – пол-мили!

– О.к.! – поочередно прозвучали несколько голосов пилотов в рацию.

Команда оперативно сгруппировалась. Через пятнадцать минут вдали показались мигающие огни стартового полигона станции Тайшань. Ярко красные огни маяков сменялись на синие, а потом на зелёные. Это позволяло легче распознавать их в достаточно светлое время на абсолютно белой поверхности снега, благодаря резкой смене цветовых спектров.

В эфире прозвучал незнакомый чёткий голос с хорошим русским произношением и китайским акцентом:

– Команда Полярной Навигации! Я – диспетчер станции Тайшань! Как слышите меня?

– Тайшань! Я – Зордакс! Слышим вас хорошо, приём.

– Приветствую вас, Зордакс! Вижу вас на радаре! Все отлично, мы готовы вас принять, финишируйте! – ответил тот же голос.

Сновигаторы парами заезжали в область стартового полигона, ограниченного яркими мигающими огнями по коридору, выделенному огнями, мигающими в другом режиме с другой частотой. Корпуса станции были выкрашены ярко красным, жёлтым и оранжевым цветами. Габариты были подсвечены оранжевыми маяками. На стенах и над каждым корпусом были черные и красные китайские йероглифы.

Команда медленно парковалась в ряд, разворачивая сновигаторы педальным управлением тягой. В плоскости пола кабины каждого сновигатора было четыре педали: две внутренние – рулевые и две внешние – педали включения механических тормозов. Нажимая левую педаль тормоза, в задней части левой лыжи из нижней её плоскости в поверхность снега выступали угловые упоры, нажимая правую внутреннюю педаль руления двигателями, начинал работать только правый двигатель в соответствии усилием нажатия, левый двигатель при этом снижал свою тягу. Сновигатор разворачивался практически на месте. Такой маневр применялся и при движении в лабиринтах ледниковых коридоров на низких скоростях. Далее включался реверс... Управление тягой снова переводилось с педальирования на ручное. Левый рычаг управления тягой двигателей отводился максимально назад, при этом часть заднего фюзеляжа или бокового аэродинамического крыла отделялась от основного корпуса и механизацией закрывала сопла двигателей с каждой стороны под определенным углом, двигатели набирали максимум тяги, которая перераспределялась вперед. Этот принцип был заимствован в системе торможения при посадке у военных истребителей. Сновигаторы медленно отъезжали назад к парковочной границе, становясь параллельно друг другу. На парковочной площадке уже суежилась команда техников в термокомбинизонах и гермошлемах с тематическими отличительными символами, присущими станции их страны.

«Второй группе покинуть челноки и пройти на базу!» – прозвучала команда Зордакса. Последовала аналогичная команда для первой группы.

Фары сновигаторов переключились в менее яркий режим, послышались поочередные щелчки замков, кабины начали медленно подниматься вверх или отодвигаться вперед с шипением герметизации, свистом газлифтов и приводов механизмов подъема. Группа технического сопровождения подкатила небольшие трапы для удобства и быстроты выхода из кабины. Пилоты отсоединяли основной шнур коммутации бортового управления от гермошлема и покидали свои челноки. «Off-Line Mode!» – прозвучал внутри шлемов электронный голос системы оповещения о включении автономного режима летного термокоминизона.

Команда медленно двинулась к входу на станцию. Когда они зашли

внутри их встретила группа из пяти человек, пилоты начали поочередно отключать режим защитных стекол своих гермошлемов. Навстречу вышел китаец, по-видимому, самый старший из всех остальных.

– Меня зовут Чан, мы рады видеть вас на нашей станции! – продолжил он, – я начальник этой станции, это мои два заместителя, главный инженер и ваш будущий напарник, пилот сновигатора «Red Dragon», инженер связи, старший лейтенант Лу Цзын Лао.

Второй китаец вышел из общей группы и, улыбаясь, сде-

дал поклон в сторону пилотов.

– Очень приятно! – ответил Зордакс, – я капитан Зордакс, ваш пилот приписан к моей группе. Мы очень рады сотрудничеству в целях нашей миссии и надеемся на успешное выполнение общих задач экспедиции «Polar Navigation».

– Это Фрэя, капитан первой группы, – Зордакс уважительно указал в её сторону, – с остальными пилотами команды у вас будет возможность познакомиться по ходу нашего визита.

– Очень хорошо! – ответил Чан, – а теперь прошу вас, – мои помощники проводят вас к комнатам, на дверях вставлены таблички с вашими позывными, через сорок минут я приглашаю вас в столовую на торжественный ужин в честь нашей встречи. К сожалению, на станции по-русски говорю только я и Лу, поэтому, если возникнут сложности, вы можете связаться со мной через диспетчера по радиации в ваших шлемах, а сейчас я должен идти, извините.

– Все отлично! Никаких проблем! – учтиво ответил ему Зордакс.

Группа китайцев, двинулась в сторону жилого корпуса, пилоты проследовали за ними и разошлись по своим комнатам.

Обстановка на станции была позитивная и доброжелательная. Отличное освещение, чистота и приятный цветочный запах. Персонал приветливо улыбался, их внешний вид и интонация выражали абсолютное расположение к себе. В

целом весь этот позитивный настрой предвещал хороший отдых перед завтрашним утренним рейсом.

На ужин была традиционная китайская кухня: лапша, много разных экзотических овощей, салатов, соусов, кусочки белого мяса курицы на пару.

– Если кто-нибудь не наелся, то я могу предложить вам обычных пельменей, – сказал вдруг Чан, обращаясь к членам команды, – у нас на этот случай тоже все предусмотрено, так как не все люди имеют привычку к китайской народной кухне.

– Нет – нет, спасибо! – ответила Фрэн, – все очень питательно, вкусно и необычно!

Остальные члены команды поддержали ее утвердительными кивками и жестами.

– В конце нас ждет традиционная чайная церемония, – продолжал Чан, – вы наверняка знакомы с культовыми именами китайских чайных сортов?

– Конечно же! – ответил Вэндэр, – традиции китайского чаепития давно вошли в повседневный быт русских людей.

– У нас на станции хороший выбор, – продолжал Чан, – но я хотел бы остановиться сегодня всего на четырех сортах: двух видах Да Хун Пао и двух Те Гуань Инь. Также есть и несколько сортов Пуэра, но его я не рекомендовал бы пить на ночь, лучше с утра.

– Конечно – конечно! – подтвердил Хэлбокс, – чашка Пуэра перед долгой дорогой – это то, что нужно!

– Тогда вам придется встать на час раньше, – продолжал Чан, – я лично буду ждать вас здесь же и проведу церемонию, захватите с собой свои термосы, я думаю, что у вас будет минутка, чтобы глотнуть чайку по дороге.

– Это великолепное предложение, – сказал Аксель, – мы так и сделаем!

– В любом случае, даже если завтра кто-то не захочет рано вставать, то у Лу с собой будет достаточный запас разных сортов для вашей команды на время всей миссии, так что это не последняя ваша чайная церемония в течение всего нашего общего долгосрочного сотрудничества.

– Это просто восхитительно! – добавила Фрэн в самом конце.

Чайная церемония длилась чуть больше часа. Все это время Чан и Лу общались с командой пилотов, задавали разные вопросы о подробностях уже пройденного маршрута и нюансах пилотирования, рассказывали разные истории, делились полученным опытом. В конце ребята поблагодарили китайских друзей за ужин и гостеприимство и начали расходиться по своим комнатам, готовясь ко сну.

– Подъем в 8:00, завтрак в 8:30! – громко предупредила Фрэн.

– Вас понял, командир! – ответил Вэндэр.

Все остальные утвердительно промолчали, разошлись. Кэтрин и Аксель пошли спать вместе. Аксель давно уже встречался с Кэтрин. Они познакомились еще задолго до

экспедиции, и перед самым ее началом он сделал ей предложение. Вся команда давно была в курсе этих отношений, поэтому никто даже не обращал особого внимания на их близость.

– Приятных сновидений, Аксель, – шутливо подколот его Вэндэр, – не забудь выспаться.

– Отстань, – улыбнувшись, ответил он.

Его абсолютно не трогали посторонние шутки, они с Кэтрин любили друг друга и оба были счастливы.

Что касается Фрэй, Джонса и Зордакса, то этот любовный, если можно так выразиться, треугольник только набирал обороты. Зордакс начинал

потихоньку догадываться о чувствах Фрэй, хотя скорее уже серьёзно подозревать. Ее отношение и поведение изменилось после появления в ее группе нового пилота Джонса и ему это очень не нравилось, но прямых бесед он пока не заводил. Все трое не стремились превращать цели и задачи миссии в любовную драму, тем более, что двое капитанов несли особую ответственность за происходящее в группах, а Джонс держался скромно как новичок. Но все это, несомненно, могло иметь в будущем очень серьезные последствия для них.

ГЛАВА V. ЗЕМЛЯ МЭРИ БЭРД

Земля Мэри Бэрд – часть территории Антарктиды, лежащая на побережье тихоокеанского сектора Южного океана между Шельфовым ледником Росса на Востоке и Землей Элсуорта на западе (примерно между 103-м и 158-м градусами западной долготы). Толщина льда в среднем 1000 – 2000 метров, местами до 4000м. Основание ледникового покрова часто лежит ниже уровня моря. Высочайшая точка – гора Сидли (4181 м). Земля Мэри Бэрд омывается морем Амундсена.

Земля получила свое название в 1929 году в честь жены Ричарда Бэрда, американского авиатора и полярного исследователя, который в 1929 году первым пролетел над Южным полюсом и руководил четырьмя крупными антарктическими экспедициями.

На часах было 8:20 утра, когда члены команды начали выходить из своих комнат. «Доброе утро!» – поприветствовал Чан пилотов в столовой. Он сидел вместе с Лу и Хэлбоксом и разливал по чашкам черную жидкость с резким характерным ароматом Пуэра.

– Хэлбокс, хитрюга, ты не мог меня разбудить? – с разочарованным упреком спросил Вэндэр.

– Ну уж извини, ты знал всё заранее, надо было вставать самому, – ответил Хэлбокс.

Троица сидела в сторонке и медленно поглощала чай, аро-

мат которого простирался по всему корпусу.

– Я сейчас к вам присоединюсь, – сказал Вэндэр.

Когда в 7:00 Хэлбокс пошел умываться, чтобы попасть на чайную церемонию, как и договаривался с Чаном, Лу уже не спал и занимался ушу прямо в столовой. Выглядело это как медленный плавный танец. Как позже выяснилось, Лу Цзын Лао оказался очень непростым китайцем. Он исповедовал Буддизм, изучал Конфуцианство и каждое утро занимался упражнениями ушу, а в свободное время периодически медитировал в состоянии глубокой релаксации. Поговаривали, что он даже иногда спал в позе Лотоса. Он был не особо разговорчив, но в тоже время всегда открыто шёл на контакт и говорил строго по существу.

– Наш следующий пункт назначения – станция «Конкордия», – начала предстартовый инструктаж Фрея после завтрака, – шестьсот две и девять десятых мили, время в пути от четырех до шести часов, средняя скорость сто – сто пятьдесят узлов. Мы пройдем эту дистанцию через землю Мэри Бэрд. Сначала стартует первая группа с интервалами пять минут. Далее на дистанции движемся в разноразной независимо друг от друга, маршруты выбираем сами, требования безопасности те же. Вопросы есть?

Никто из команды ничего не ответил.

– Тогда вопросов нет! – продолжила она, – сновигаторы готовы, прошу пилотов занять свои места в машинах!

Команда двинулась к выходу, надевая на ходу гермошле-

мы. Первая группа начала стартовать в 9:05. Через двадцать минут со стартовой позиции начали выезжать сновигаторы второй группы. Погодные условия были превосходные, солнце медленно начинало свой световой цикл, в светло-коричневом рассвете сновигаторы уходили друг за другом вдаль через стартовый коридор пульсирующих ярко-зеленых маяков, оставляя красивые сиреневые, бирюзовые и синие полосы от ионных двигателей, завихряющиеся вместе со сполохами снега при ускорении в турбулентных потоках ионных рабочих масс. Штурманбот сообщил о выходе из зоны станции «Тайшань».

Пилоты шли по снежной равнине уже больше часа, когда в рациях прозвучал голос Вэндэра.

– Ребята, я в ста восьмидесяти пяти милях удаления, моя ультразвуковая локация рельефа местности определяет высокую холмистость поверхности, сбросил скорость до ста узлов, будьте осторожны, я уже устал постоянно подпрыгивать.

– Сейчас поскачем от души! – произнёс Хэлбокс.

– Что там у тебя, Фрэя? – опять прозвучал в рации голос Вэндэра.

– Ситуация та же, переключила работу пневмогидравлики подвески в режим «Very Softly», скорость не сбрасываю, иду пока на ста двадцати узлах. Джонс, у тебя что?

На этом месте некоторым членам команды показалось, что Фрэя как-то переживает именно за Джонса, хотя по принципу переключки пилотов все выглядело достаточно ло-

гично. Особенно это не понравилось Зордаксу.

– Я изменил продольный крен, опустив заднюю часть корпуса, тем самым получил хороший угол прохождения трамплинов, скорость не сбрасываю пока, иду на ста двадцати, но подскакиваю как сайгак, – ответил Джонс.

– О-о! Началось! – раздался в рации голос Хэлбокса.

«Progressor» Хэлбокса на скорости почти сто сорок узлов наехал на холм снега и подпрыгнул на высоту почти пяти метров, пролетев еще двадцать метров вперед, а затем серьезно ударился плоскостью лыж о поверхность. В воздух поднялся огромный столб снега. Все это с шестью круглыми ксеноновыми фарами, горящими в максимальном режиме и четырьмя ионными следами от двигателей в снежном тумане, было похоже на световое клубное шоу.

– Не слабая иллюминация, Хэлбокс! – сказал Зордакс по рации, – я вижу тебя за две мили!

– Рад, что тебе понравилось! – бодро ответил Хэлбокс.

«Strict Suppressor» Зордакса шел тяжело как танк на ста десяти узлах, подпрыгивая на несколько метров и тяжело ударяясь при приземлении. Такую машину было тяжело разогнать в режиме плотной холмистости, но также практически невозможно перевернуть. На скорости в сто пятьдесят узлов она скорее врезалась и разбивала холм, чем подпрыгивала на нем. Зордакс попытался перевести управление диагональным креном фюзеляжа с автоматического на ручной и прибавить скорости, чтобы нагнать своих товарищей, но к

успеху это не привело. Он даже пробовал подразогнуть свой сноувигатор форсажем на более свободных участках, но при первом же холме скорость падала из-за тяжелого удара на завершении прыжка, а ручное управление креном без скоростной динамики абсолютно ни к чему не приводило. Оставалось только ждать окончания этого участка, чтобы войти в интенсивный скоростной режим.

Кэтрин и Лу шли практически бок о бок с расстоянием чуть меньше мили друг от друга, подпрыгивая вверх по очереди, как лягушки наперегонки. Зрелище было довольно таки веселое.

– Как тебе такой аттракцион, Лу? – спросила Кэтрин

– Да я уже проходил этот маршрут. Мои тренировочные заезды были в этом радиусе, – ответил он.

– Отлично! – сказал Хэлбокс, – а как скоро это закончится?

– Холмистость протяженностью сто миль, – ответил Лу.

– Сколько?! – громко с недоумением и возмущением переспросил Хэлбокс.

– Сто – сто тридцать миль, – повторил Лу, – все зависит от траектории выбранного маршрута.

– Я уже достаточно наскакался, прямо как ковбой на родео! – громко заявил Хэлбокс.

– Хэл! – спросила Фрэн, – может тебе тогда не гнать так сильно, и вообще давайте снизим скоростной режим! Подвеска работает в максимальной интенсивности, бортовой

компьютер показывает высокую температуру работы гидравлического насоса, так мы точно без ремонта не обойдемся!

– Не рекомендовано терять время! – ответил Зордакс, – основным приоритетом является скорость прохождения дистанций, поэтому

продолжаем движение в прежнем режиме!

Команда шла так еще около часа, периодически переговариваясь в эфире и подшучивая друг над другом, пока, наконец, не вышла из зоны плотной холмистости. Штурман-бот сообщил о прохождении очередной контрольной точки маршрута. Зордакс вышел с опозданием в двадцать минут от своей группы. Выйдя на свободную плоскость равнины, он перевел рычаг управления тягой в максимальное переднее положение. «Strict Suppressor» начал стремительно ускоряться. Набрав двести узлов, он подал рычаг штурвала чуть вперед, таким образом, придавив заднюю часть фюзеляжа книзу механизацией заднего антикрыла и включил форсаж. Сновигатор с ревом рванул вперед, спидометр начал выдавать постепенно нарастающие показания скорости. Вся команда наблюдала на экранах своих радаров, как к группе ярких координатных точек их сновигаторов, достаточно быстро приближается еще одна такая же точка сновигатора Зордакса.

– Смотри осторожней, без фанатизма, – сказала Фрэн, – долго удерживать на такой скорости сновигатор очень тяжело, даже такой, как твой «Suppressor».

– Все под контролем! – коротко ответил Зордакс.

Показания спидометра достигли предельного значения в двести узлов. Одно неверное движение штурвалом и сноवि-гатор Зордакса ушел бы в занос с максимальным попереч-ным закручиванием. Форсажная смесь постепенно уходила из бака, синяя неоновая полоска рабочего аргона на цифро-вом манометре тоже постепенно падала, плавно меняя цвет с синего на сиреневый, потом на бирюзовый и так далее, по-ка в самом нижнем пределе она не становилась ярко-крас-ной. Через двадцать минут машина Зордакса с диким сви-стом обогнал сновигаторы Лу и Кэтрин в полумиле боковой дистанции. Зордакс отключил форсаж, смеси при таком ко-варном расходе оставалось еще на десять минут.

– Это было действительно круто! – незамедлительно по-делилась Кэтрин своими впечатлениями в эфире.

– Именно так и никак иначе! – утвердительно отрапорто-вал Зордакс, с глубоким воодушевлением.

Таким образом, он догнал свою группу, вновь подтвер-див лидерские качества в команде. До Конкордии оставалось чуть меньше пройденного пути.

ГЛАВА VI. СТАНЦИЯ «КОНКОРДИЯ»

Станция №34 «Конкордия»(Concordia) Франция – Италия 75° ю.ш. 123° в.д. является совместным предприятием французского полярного геофизического института и итальянской национальной программы исследования Антарктиды. Располагается станция в регионе с чрезвычайно суровыми погодными условиями – температура окружающей среды здесь порой достигает -80° . В зимний период Солнце в этих местах не встает из-за горизонта, а в летний – не садится ниже его линии.

В 13:30 группа сновигаторов начала подходить к станции. После оповещения штурманбота о входе в её зону, пилоты сбросили скорость до пятидесяти узлов и начали подходить к парковочной зоне. В эфире прозвучало стандартное приветствие диспетчера. В ответ серьёзный голос Фрей произнёс: «Команда Полярной Навигации приветствует вас!»

Обе группы начали парковочные маневры, несколько человек из технической службы начали распределение челноков на площадке перед станцией.

– Капитан первой группы вызывает начальника техслужбы, – прозвучал в эфире голос Фрей.

– Начальник техслужбы слушает, – послышалось в ответ.

– Необходимо тщательно проверить механизмы подвески, нас сегодня серьезно потрясло, – продолжила Фрэй.

– Хорошо, – ответил тот же голос.

– Мы выдвигаемся завтра утром, поэтому для ремонта у вас есть весь сегодняшний день, – уточнила Фрэй.

– Вас понял, – повторил начальник техслужбы.

На станции пилотов встретил диспетчер по имени Ренард. Он выполнял функции одновременно диспетчера и администратора станции Конкордия.

– Как вы доехали? – спросил он.

– В целом неплохо, несмотря на то, что часть дистанции пришлось пройти с интенсивными ходовыми нагрузками, – ответила Фрэй, – к тому же капитан Зордакс израсходовал при этом максимальный запас аргоново-форсажной смеси,

чтобы нагнать отставание.

– Зато вас можно поздравить, вы абсолютно уложились по времени и темпу! – ответил Ренард.

– Спасибо! – поблагодарила Фрэя.

– Значит, у вас будет больше времени на отдых перед завтрашним достаточно продолжительным и сложным маршрутом, – добавил он.

– Несомненно, это так! И я также надеюсь, что с машинами тоже ничего серьёзного не произошло! – ответила Фрэя.

– Я провожу вас к вашим комнатам отдыха, у вас будет сорок минут на то, чтобы переодеться и принять душ, после чего я зайду за вами, и мы пройдем на обед, – объяснил Ренард.

– Что ж, превосходно, – ответила Фрэя.

Пилоты отправились за ним.

Уже во время обеда Фрэя спросила:

– Скажите, Ренард, почему руководство вашей станции не создает техническую базу для проекта «Полярной Навигации» и не занимается развитием станции Конкордия в этом направлении?

– На самом деле причин несколько, – без тени смущения начал он свой ответ, – и все они абсолютно естественны. Дело в том, что руководство нашей станции в основном ориентирует внедрение проекта на экстремальный туризм. Для этого необходимо строительство нового туристического комплекса, а внешний вид Конкордии, по их мнению,

не очень подходит для реализации этой цели в креативном смысле. К тому же мы не уверены, будет ли являться приемлемым нахождение посторонних лиц вблизи научно-исследовательского центра. Сегодня мы активно сотрудничаем с нашими партнерами из Германии и США, и все тренировки можем проводить на их технических базах, здесь и возникает вторая причина... Конкордия слишком удалена от всех основных полярных станций, а также у нас нет результатов прохождения вашего следующего маршрута в область их основного расположения. Поэтому мы не можем сделать однозначных выводов о целесообразности строительства комплекса в этом секторе материка. А содержание временного полигона с технической оснасткой и дополнительным персоналом – это слишком большие расходы в краткосрочном периоде.

– Все понятно, – ответила Фрэн.

– Когда будет лучше провести предрейсовый инструктаж, после обеда, перед сном или рано утром перед стартом? – спросил Зордакс, обращаясь к пилотам.

– Надо дождаться результатов технического осмотра челноков, – ответила Фрэн, – не думаю, что они будут готовы раньше девяти часов вечера, поэтому предлагаю сегодня лечь пораньше, а завтра утром встать в 6:00, спокойно позавтракать, позже в 7:30 провести инструктаж и стартовать не в 9:00, а в 8:00. Маршрут предстоит действительно протяженный и сложный, один час в запасе нам не помешает.

– Подалуй это действительно хорошее предложение, – ответил Зордакс.

– Ужин в 18:00, – сообщил Ренард, – будут королевские кровати. В центральном зале домашний кинотеатр и спутниковое телевидение, а также бильярд, всех желающих приглашаю.

– Послушайте, Ренард, – внезапно спросил Вэндэр, – а где все остальные, где весь персонал станции, почему никого нет?

– Они сейчас спят, – улыбаясь, произнёс он в ответ, – последние две недели работы на станции ведутся в ночное время суток в отсутствие солнечной радиации, какие-то опыты с бактериями, я в этом, если честно, ничего не понимаю.

– После ужина приглашаю всех желающих к себе на чай, – обратился к присутствующим Лу.

– О.к. – откликнулся Хэлбокс.

– Я тоже буду, – добавил Вэндэр.

– И я, – сказала Кэтрин.

– Я с тобой, – сказал Аксель, обращаясь к Кэтрин.

Члены команды разошлись по своим делам.

– Чем собираешься заниматься до ужина? – спросил Фрэю Зордакс, – может партию на бильярде?

Зордакс определенно хотел добиться расположения Фрэи и провести время с ней, подозревая какие-то изменения в ее отношении к себе и Джонсу.

– Нет, спасибо, я не могу, – уклончиво ответила Фрэй, –

мне надо проконтролировать работы технической службы, – на ходу придумала она, чтобы избежать возможного контакта с ним.

Зордакс угрюмо промолчал. Его подозрения все больше усугублялись, но причин настаивать не было, да и вести себя навязчиво он не хотел. Фрэя не знала, как адекватно дать понять Зордаксу, что не хочет продолжать какие-либо отношения с ним, да и отношений особых не было. Она уважала его как человека, офицера и боялась обидеть его чувства. В то же время она ловила себя на мысли о том, что все чаще и сильнее ее тянет к Джонсу. Ее раздражало, что Джонс ведет себя слишком скромно и не проявляет к ней особых знаков внимания. В то же время она понимала, что все это может быть из-за того, что он новичок в их группе, что она его выше по статусу в миссии и что среди членов группы также ходили слухи об их связи с Зордаксом. Все эти причины в совокупности могли мешать Джонсу раскрыть свое отношение к ней, и поэтому, пользуясь положением капитана, она решила сделать шаг первой.

– Джонс? – сказала Фрэя, обращаясь к нему во время перехода из столовой к жилому комплексу, – я собираюсь проверить как там дела у наших техников, ты не мог бы составить мне компанию, возможно, мне понадобится помощь.

Предложение было на самом деле настолько абсурдным, что не понятно было вообще просьба это или вопрос. Но суть его заключалась в том, что поступить оно могло от капита-

на группы только с характерным намеком, чтобы иметь возможность поближе пообщаться один на один без посторонних лиц и Джонс это сразу понял.

– Конечно, капитан! – сделал он еще более глупым по смыслу их диалог, как бы подыграв Фрэе в её скрытых планах.

Фрэя чуть не рассмеялась прямо в коридоре, осознав всю ироничную наивность происходящего.

– Тогда жду вас через пятнадцать минут у главного выхода, – строго сказала она в свою очередь, продолжая всё это явно наигранное представление.

Переодеваясь обратно в термокомбинизоны в своих комнатах отдыха, каждый из них уже ощущал то тонкое страстное чувство начала новой ниточки романтических чувств, которое возникает у людей в первый момент осознания обоюдной симпатии, любовной интриги и счастья.

Через пятнадцать минут они встретились у главного входа.

– Пойдём Джонс, – сказала Фрэя, опустив глаза вниз.

Они надели гермошлемы, и вышли со станции. Температура снаружи была минус шестьдесят градусов по Цельсию. Яркий солнечный день, легкий ветер, повсюду изрезанный следами гусениц снег вдоль и поперек, местная, незатейливая инфраструктура с техническими коммуникациями, – всё это не имело значения. Не было желания даже куда-то идти, кого-то искать и о чем-то спрашивать, да и смысла в этом то-

же особого не было. Узнать, как продвигается осмотр, на самом деле, можно было и по радиосвязи, не покидая пределов станции, но они шли вместе рядом и оба были рады, что сейчас происходит именно так, понимая, что вместе им хорошо и они счастливы. К тому же любой пилот, любой член группы в дневное время, когда солнце вперемешку с белизной снега слепит на каждом шагу, обязательно бы включил режим солнцезащиты гермошлема. В этом случае лица обоих были бы полностью скрыты за золотисто зеркальным слоем, они же, напротив, шли, периодически встречаясь взглядом друг с другом, потому что этот романтический взаимный порыв был бы не возможен сейчас без визуального контакта и они оба это понимали. Джонс не был застенчивым человеком, о какой застенчивости вообще можно было говорить в обществе военных офицеров, поэтому он просто взял Фрэю за руку. Она с несколько смущённой улыбкой, опустила голову вниз, затем остановилась, взяла его левую руку, протянула к себе и изменила частоту радиосвязи на кибер-панели его термокомбинезона, затем повторила те же действия со своей системой радиосвязи.

– Джонс, – давай техслужбе не будем ничего демонстрировать, это выглядит не очень серьезно, понимаешь? – сказала Фрэя.

В ее голосе теперь однозначно ощущалась нотка женской нежности, он был совершенно другим, спокойным и ласковым, и это придавало Джонсу еще больше счастливой уве-

ренности в своих чувствах.

– Хорошо, – также спокойно ответил он ей.

Они подошли к группе техников возле припаркованных сновигаторов. Те в свою очередь были удручены работой, выполняя различные технические процедуры. Фрэя вернула частоту радиосвязи и спросила:

– Капитан группы «А» начальнику техслужбы, как проходят работы?

– Очень рад, что вы озадачили себя визитом, – с некоторым удивлением ответил один из присутствующих, повернувшись к Фрэе и Джонсу, – за три часа мы успели проверить три машины, плохих новостей пока нет. Алгоритм заправки запущен в соответствии с регламентом. Ваш «Suppressor» подключен к станции газового синтеза, так что без форсажа он не останется. По остальным челнокам доложу по мере поступления информации, закончим часам к одиннадцати вечера, если все будет нормально, нам еще ведь поужинать надо.

– Хорошо, – сказала Фрэя, – продолжайте свою работу.

Фрэя и Джонс пошли обратно к жилому корпусу. По пути Фрэя опять сменила частоту радиосвязи.

– Джонс, – сказала она, – я бы хотела остаться с тобой наедине в нормальных условиях, но Зордакс...

На этом месте она сделала неловкую паузу.

– Понимаешь, некогда у нас с ним было что-то наподобие короткого романа или даже начала отношений, и теперь я

чувствую себя неловко по отношению к нему, да и в коллективе лишние сплетни мне, как капитану группы, абсолютно не нужны.

– Хочешь, я поговорю с ним? – спросил Джонс.

– Не думаю, что это самая лучшая идея, – ответила она, – особенно сейчас перед следующим рейсом. Давай отложим это все, я сильно беспокоюсь за его реакцию, это может негативно отразиться на ходе миссии в целом, а мы как ты знаешь здесь именно за этим, и спрашивать будут с нас очень строго по всей форме. Деньги в программу заложены такие, что я даже представлять не хочу, что будет, если мы провалим ее из-за возникновения каких-либо проблем на фоне личных отношений.

– Я понял, – твёрдо ответил Джонс.

Он действительно хорошо понимал переживания Фрэй и теперь, вдобавок ко всему, еще и не хотел нанести ей какой-либо ущерб, ведь в случае возникновения конфликта основной удар пришелся бы на двух капитанов, её и Зордакса, а он в этом случае выходил бы виновником всего этого. Ситуация была действительно не простая, хотя Зордаксу, по большому счёту, никто ничем обязан не был, но и идти вот так вот открыто напролом было бы совсем не серьезно.

– Давай будем действовать по ситуации, – предложил Джонс.

Хотя прозвучало это несколько нелепо.

– Отлично! – обрадовалась Фрэй и взяла его за руку.

Придя на станцию, они разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться и вернуться к команде. Когда Фрэя вошла в центральный зал, Джонс уже был там с остальными. Кэтрин и Аксель развалились на большом кожаном диване в обнимку и незатейливо смотрели какие-то новости из мира моды на французском языке перед огромным плоским экраном телевизора, периодически о чем-то между собой перешептываясь. Вэндэр и Хэлбокс азартно играли на бильярде, Джонс собирался присоединиться к ним, отсутствовали только Зордакс и Лу.

– Фрэя, ты будешь играть? – спросил Джонс.

– Нет, спасибо! – ответила она, – я лучше просто поваляюсь на диване, может быть позже. А где остальные? – добавила она и бухнулась на диван рядом с романтической парочкой.

– Лу ушёл к себе медитировать. После ужина он ждет нас на чайную церемонию, – сказал Вэндэр, прицеливаясь для очередного удара.

– Ты пойдешь? – спросил Хэлбокс, обращаясь к Фрэе.

– Не знаю пока, – ответила Фрэя с печальной задумчивостью в голосе, – я достаточно утомлена сегодняшним путешествием, хотелось бы пораньше лечь, чтобы выспаться, к тому же мне в любой момент могут доложить о возможных неполадках, и я лучше буду все время наготове у себя в комнате, чем потом сломя голову куда-то срываться.

– Проблемы-то всё равно будут общие, если что, – сказал

Хэлбокс.

– Общие проблемы означают лишь то, что никто никуда не поедет, а ответственность за принятие решений всё равно стаётся на мне. К тому же необходимо срочно докладывать об всём в «ЦС» (ЦРСВ – Центр Радиолокационной Связи станции «Восток») и вообще существуют определенные правила соблюдения дисциплины при проведениях таких действий, поэтому давай не умничай, а играй! – ответила ему Фрэя с некоторой наигранной шутиливой строгостью.

Ей нравилось иметь приоритетное право голоса в обществе серьезных крутых парней, поэтому она использовала свои лидерские возможности, чтобы иногда самоутверждаться среди них, хотя все понимали, что всё это не совсем всерьез, и она просто так шутит.

– А что Зордакс, почему он не может сделать это за тебя? – спросил вдруг Джонс.

– Это не его капитанская смена, – ответила Фрэя, – мы сменяем друг друга каждые сутки с утра перед предстартовым инструктажем, точнее инструктаж можно провести и с вечера, но проводит его вновь заступающий, а все плановые процедуры выполняет действующий вахтенный капитан. Его же команда стартует первой с утра.

– Подожди, а почему в первый маршрут стартовала вторая группа, а не первая? – внезапно спросил Аксель, повернувшись к Фрэе.

– Существует определенный свод инструкций, – продол-

жала она, – для взаимодействия между высшим командным составом, в том числе капитанами групп, начальниками технических бригад, главными диспетчерами и вышестоящим руководством. К ним относятся начальники полярных станций и непосредственно руководители нашей экспедиции в корпорации «Polar Navigation». Эти протоколы содержат порядок работы всех служб и бригад, входящих и участвующих в нашей миссии, в том числе авиационно-спасательной и медицинской при возникновении сложных экстренных ситуаций, – продолжала Фрэй.

– Так-так, подожди, – уже теперь с более серьёзным интересом её перебил Хэлбокс.

Вся команда отвлеклась и уставилась на нее.

– А почему этого не было в теоретическом курсе прохождения нашего обучения?

– А потому что все подробности данного протокола вам знать не обязательно! – ответила она ему.

– Подождика-подожди! – с ещё большим негодованием продолжал свой допрос Хэлбокс, – а к чему такая секретность?!

Он даже выпрямился, изменив позицию для очередного удара и сделав подозрительно злую гримасу, полную недоумения. Все продолжали смотреть на Фрэю.

– Да расслабься ты! – легко и весело ответила ему Фрэй, – каждая станция принадлежит разным государствам и напичкана оборудованием на миллиарды долларов, к тому же на-

учный персонал станций может включать самых разных выдающихся ученых, профессоров, короче людей, от чьей безопасности зависят успехи целого ряда серьезных открытий в мировой науке. Здесь расположены засекреченные лаборатории, военно-космические объекты радио-цифровой связи. А мы в свободном режиме прокладываем маршруты на скоростях близких к рабочим скоростям пассажирских лайнеров. Ты хотел, чтобы вот так вот просто всё было, без подробностей? Мы все здесь военные инженеры и у нас полностью офицерский состав, только без оружия и военной субординации. Мы здесь, можно сказать, исследовательский эксперимент проводим мирового уровня с серьёзными международными интересами в прогрессивном технологическом развитии Антарктиды.

Команда молча расслабилась, Хэлбокс просто стоял, переваривая её ответ с детской грустью на лице. Потом он резко повернулся к столу и продолжил игру, как-будто ничего и не спрашивал.

– И всё-таки... – отметил Хэлбокс, – существует некоторая странность в том, что ты нам сейчас рассказал, – ну ладно Зордакс, он – капитан, а как же Лу, он ведь ничего не знает про этот протокол.

– Он всё знает, – спокойно ответила Фрэя, – точнее может и не все, но достаточно для того, что ему положено знать. Он – гражданин другого государства, причём тоже военный. Его руководство само решает, насколько он должен быть проин-

структурирован. В любом случае у вас ещё будет сегодня возможность пообщаться с ним на эту тему.

– Ладно, я понял, – недовольно буркнул Хэлбокс.

– Послушай Фрэй? – продолжил Аксель, – ты так и не ответила, почему с Беллингаузена сначала стартовала вторая группа?

– Да это не имеет особого значения, – ответила Фрэй, – между группами не существует приоритетных предписаний, просто есть фактическая разница вот и все.

Время подходило к ужину. В зал вошёл Ренард и вежливо пригласил всех присутствующих пройти вместе с ним. Ужин представлял собой достаточно экзотический салат, сырный супчик и огромную кастрюлю свежесваренных больших королевских креветок, которых не сервировали, а просто подали к ним французский соус, наподобие майонеза «Тар-Тар».

– Я прошу извинить нашего повара, – уточнил Ренард, – но мы решили не сервировать второе блюдо, так как не знали, какое количество креветок необходимо почистить, чтобы вы наелись досыта. К тому же вас завтра ожидает очень длинный и сложный маршрут, и в целях однозначного насыщения всех членов вашей группы мы решили подать их к столу просто свареными в одной большой кастрюле. Там собственно кроме соуса при сервировке добавляются листья салата, я думаю, вас не сильно огорчит их отсутствие?

– Да нет, что вы – что вы?! – промолвил Вэндэр, – коли-

чество креветок это именно то, что для нас так важно в данный момент!

– Тогда приятного аппетита, – добавил Ренард, – а мне придётся вас покинуть, необходимо проконтролировать приготовление ужина для вашей технической бригады, приятного вечера и спокойной ночи!

– Спасибо вам большое! – поблагодарила его Фрэя на прощание.

Большая блестящая кастрюля из нержавеющей стали источала приятнейший креветочный аромат. Хэлбокс приоткрыл крышку, и огромный столб креветочного пара распространился на всю столовую комнату, усиливая аппетит присутствующих.

После ужина Хэлбокс, Вэндэр, Аксель и Кэтрин отправились к Лу наслаждаться чаем высокогорных китайских плантаций в уютной компании при тихом свете и звуках Ханги, а Фрэя и Джонс вместе покидали столовую, без каких-либо преждевременных договорённостей подозревая, что сегодняшний вечер вдвоём. Зордакс сидел за столом, откинувшись на стуле, руки его были раскинуты по сторонам на спинки стульев, стоящих побокам. Такая его смелая и достаточно нагловатая позиция показывала, что он не собирается вести себя спокойно и скромничать в манерах.

– Фрэя! Ты не останешься со мной?! – вдруг громко произнес он.

Раздалась глубокая тишина. Основная часть команды шла

впереди, и они были уже в коридоре на выходе из столовой. Фрэй и Джонс шли рядом позади всех. На небольшое мгновение все остановились и обернулись, но сразу же пошли дальше, осознав, о чем идет речь, и не придав этому какого-либо участия. Фрэй и Джонс остались стоять на месте, и это возможно было ошибкой в сложившейся ситуации, а Зордакс так и продолжал надменно смотреть на недоумевающую парочку, сидя на стуле.

– В каком смысле, Зордакс? – спокойно спросила Фрэй.

– Не притворяйся, Фрэй! – продолжил он, – ты прекрасно понимаешь, в каком я смысле!

– Ты что пьян?! – с недоумением спросила Фрэй.

Фрэй сделала несколько шагов в его сторону. За ужином Зордакс не проронил ни слова, но никто из команды не обратил на это внимание.

– Остайся со мной, – продолжал он с какой-то безмятежной грустью внутреннего осознанного отчаяния, – посидим, попьём пива. Я думаю, нам с тобой найдется, о чем поговорить.

– Какое пиво, Зордакс? Ты о чём?! Это грубое нарушение правил внутреннего распорядка! У нас завтра запланирован ранний подъём, плюс тяжёлый маршрут, ты заступаешь на капитанскую смену, у тебя инструктаж, тебе стартовать в девять утра, вести свою группу, где ты взял пиво?! Как ты вообще сновигатор поведёшь?

Фрэй была явно напугана и встревожена, её опасения по

поводу отношений с Зордаксом начали проявляться наружу. Зордакс сидел откровенно захмелевший, и это было видно только сейчас, к тому же даже если бы кто-то и заметил это ранее, то навряд ли бы стал спрашивать об этом у капитана. Джонс спокойно стоял и смотрел на происходящее.

– Я раздобыл его в барном холодильнике, – спокойно отвечал Зордакс. Там есть еще! Давай посидим немного. Пожалуйста! Ничего страшного ведь не произойдёт. Только ты и я. Если не хочешь, не пей, просто посидим вдвоём, как раньше. Вспомним о прошлом, нам ведь есть, что вспомнить, не правда ли?!

Фрэю затрясло, но уже не от страха перед последствиями происходящего, а от злости.

– Извини, я уже все забыла! – резко ответила она со злостью и разочарованием, – а теперь, капитан Зордакс, пройдите немедленно в свою комнату и лягте спать, иначе в соответствии с правилами я обязана буду немедленно доложить о вашем поведении командованию! Вам понятно?!

– Ух-ух-ух!.. – вы посмотрите, какие мы стали строгие и ответственные!.. – ехидно произнёс Зордакс.

Его наглое поведение в тоже время сопровождалось абсолютным спокойствием, непоколебимостью и некоторой безысходностью. Эта безысходность, явно выраженная в его настроении, как раз и убивала Фрэю больше всего. Она понимала, что он догадался об их чувствах с Джонсом и специально спровоцировал эту ситуацию, чтобы проверить свои

подозрения. Больше ему ничего не было нужно, он и так всё понимал, но не хотел смиряться с этим до конца. Как настоящий профессионал, он осознал, что его прекрасные мечты и надежды рухнули, и он остался ни с чем в одночасье, но любящая возможность взять реванш в отношениях толкала его на решительные действия, и он решил не отступать, а напасть первым. Он сразу выработал стратегию, и для начала ему надо было подействовать на внутренние чувства Фрэй, поэтому он и повёл себя именно таким образом.

– Джонс! – обратилась она к нему, – иди, не беспокойся, я догоню.

– Нет, уж лучше я постою! – настойчиво ответил Джонс с интонацией упорного возражения.

– Оставь нас одних, пожалуйста, – сказала Фрэй, – нам, по-видимому, надо поговорить с капитаном Зордаксом.

– Ладно, хорошо, – ответил Джонс и спокойно стал удаляться по коридору.

– Я зайду к тебе через пятнадцать минут! – крикнула ему вслед Фрэй.

– Договорились! Я буду ждать тебя! – строго ответил он.

– Ну и что тут происходит?! – уже совсем в другом тоне продолжала она, повернувшись к Зордаксу, – мачо разбили сердце, он напился и устроил истерику посреди экспедиции? Тебе всё равно, что из-за твоих капризов мы оба можем провалить миссию и потерять эту работу.

– Меня больше интересуешь ты! – спокойно сказал Зор-

дакс.

– Да пошёл ты!!! – крикнула ему в ответ Фрэя, – ничего такого между нами не было! Если ты себе что-то выдумал, то это только твои проблемы! На общие цели и интересы нашей команды это не должно оказывать никакого влияния! Поэтому или ты немедленно идешь спать и завтра продолжаешь выполнять свои обязанности капитана или я сейчас же докладываю о твоём поведении, и ты знаешь, чем это для тебя закончится! Не я здесь напилась перед утренним рейсом! И оставь меня уже в покое, пожалуйста! Серьезных поводов я тебе не давала.

– Уйди отсюда! – с ненавистью пробормотал Зордакс.

Сейчас он был зол как никогда.

– Вообще дело твоё, ты не маленький мальчик, и ты все понял, а меня ещё ждет отчёт техбригады! – Фрэя развернулась и быстро удалилась по коридору в сторону жилого корпуса.

Зордакс остался сидеть один с угрюмой гримасой на лице.

Джонс спокойно сидел у себя в комнате, когда в его дверь коротко постучали один раз.

– Да-да, войдите! – ответил он.

Фрэя молниеносно залетела в комнату и, не сказав ни слова, обхватила шею Джонса, плюхнувшись на диван, тем самым принудительно уложив и его. Джонс обнял её. Он почувствовал дрожь в её теле и дыхании, было件нятно, что она сильно взволнована и потрясена случившимся.

– Может тебе самой сделать глоток виски и успокоиться, – предложил Джонс, – давай я принесу, никто не узнает.

– Ты что, с ума сошёл, мне ещё общаться с начальником группы технического ремонта, я ещё отчёт не приняла, – ответила ему Фрэя, – до назначенных двадцати трёх часов ещё два часа, я устала, разбудишь меня если что...

И Фрэя спокойно уснула в объятиях Джонса. Ему было очень приятно и хорошо, он чувствовал приятный запах её волос и был как никогда счастлив и спокоен. Гермошлем лежал рядом на столе включенный и подсоединенный к сети зарядки.

В 23:20 тишину в комнате Джонса нарушило резкое пронзительное шипение рации в гермошлеме, и грубый усталый голос сказал: «Капитана первой группы Фрэю вызывает начальник службы технического сопровождения!»

Джонс открыл глаза и растормошил Фрэю.

– Тебя вызывают, – быстро объяснил он.

Фрэя спросони протёрла глаза.

– Джонс, дай шлем, пожалуйста, – попросила она.

Джонс отсоединил шнур зарядки и протянул ей гермошлем. Та взяла его двумя руками за нижние края, перевернула и поднесла подбородочную часть ко рту, где находился микрофон рации.

– Капитан Фрэя слушает!

– Все готово, время 23:25, отчет сейчас будете забирать или с утра? – сказал тот же голос.

– Отчет сейчас! Обязательно! – послышался её твёрдый ответ.

– Я жду вас центральной рубке! – сказал голос.

Фрея встала, оправилась, посмотрела в зеркало и поправила волосы.

– Ты вернешься? – спросил её Джонс.

– Мне нужно выспаться, – ответила она.

Она, как бы торопясь в суете, подбежала к Джонсу, наклонилась над ним и быстро поцеловала.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил он ей.

ГЛАВА VII. ПЕРВАЯ КАТАСТРОФА

Уже после завтрака, когда команда собралась на предрейсовый инструктаж, Фрея почувствовала, что сегодня произойдет что-то нехорошее. В каждом её движении чувствовалась тревога и беспокойство. К ее удивлению капитан Зордакс вёл себя довольно радостно, уверенно и бодро и это ещё больше усиливало её подозрения. Решив, что это последствия вчерашнего напряжённого вечера, она завершила все окончательные административные процедуры, связанные с отбытием команды и направилась на стартовый полигон к своей машине.

– Если нет вопросов, то можно занимать места в сновигаторах, – продолжал

Зордакс, – мы выходим первыми, всё остальное как обычно.

– У меня есть вопрос, – начал Хэлбокс, обращаясь к нему, и тот час же был перебит.

– Свой вопрос задашь позже, я уже знаю, что ты хочешь спросить! – резко оборвал его Зордакс.

Фрэй, как собственно и все остальные сразу догадались, о чём идёт речь. Дело в том, что по правилам прослушивание музыки в кабине было запрещено на протяжении всей миссии в целях безопасности. Считалось, что это серьёзно отвлекает от выполнения основных задач, к тому же пилот в этом случае не слышит эфир. Но наши ребята, а именно Вэндер и Хэлбокс

вышли из этой ситуации довольно экстравагантным способом. В Центре Управления Программой на станции «Восток», в отделе Сетевого Мониторинга работал один программист, известный Вэндэру ещё со школы, как хакер с сетевым именем «Hamster» («Хомяк»). По личной просьбе своего старого друга он написал безобидную программу взлома системы аудиоконтроля сновигатора, которая позволяла свободно прослушивать любой из аудио-каналов, моментально заглушая его при возникновении переговоров в радио эфире, путём отслеживания голосовых частот. Как только переговоры в эфире прекращались, звук медиа фай-

лов постепенно начинал нарастать и вновь пропадал при возникновении радиоэфира. Правда для загрузки этого несанкционированного плагина необходимо было перед каждым запуском основных систем управления вставить флэшку с софтом в бортовой компьютер. Программа моментально загружалась в память и прослушиваемая музыка глушилась, как только кто-нибудь начинал говорить в эфире. В целом такой способ обхода установленных правил по-своей приемлимости находился где-то между личными отношениями пилота с капитаном группы и его личной ответственностью за происходящее в команде. То, что происходит в кабине пилотов во время рейса, а именно аудио и видео записи полетов фиксировалось только бортовыми самописцами. В реальном времени за ними никто не следил. К тому же это были не единственные приколы внутри команды, ответственность за которые брали на себя капитаны групп. Так, например, двое наших, уже известных не разлей вода экстремальных райдера, – Вэндер и Хэлбокс с ранних пор повадились устраивать между собой что-то вроде чемпионатов по фрирайдингу на открытых дистанциях. Причем здесь уже все фиксировалось спутниковой навигацией и переговорами в эфире, но руководство миссии продолжало молчать, как бы, не придавая этому особого внимания, тем более оставался спорным и вопрос о том, является ли это нарушением или же соответствует задачам и целям миссии.

В любом случае было понятно, что и на этот раз затевается

какая-то заварушка, связанная с риском, а значит снова дополнительным адреналином в крови. Фрэя не особо приветствовала такие развлечения в пути, но мешать этому в данном случае для неё было все равно, что проявлять свою слабость, как лидера, так и члена группы в целом.

Вся команда весело и бодро двигалась по коридору, когда Вэндэр

торопливо обогнал Фрэю уже на выходе со станции. По нему сразу было

видно, что он в приподнятом настроении.

– Куда ты так торопишься? – спросила она, пытаясь хоть как-то поддержать

свой тонус диалогом, – опять с Хэлбоксом что-то мутите?

– Как ты догадалась? – риторично ответил он.

– А у «мамы» разрешение спросить? – продолжала Фрэя.

– Попробуй, догони меня! – саркастично отшутился Вэндэр, при этом

изменив походку, ускоряя шаг и нарочно кривляясь, как клоун.

– Угу... – угрюмо пробормотала Фрэя.

Настроения от этого жеста у неё не прибавилось ни на грамм.

– Ещё раз спросишь меня про свою грёбаную музыку, я вас обоих приговорю к смертной казни, – довольно серьёзно, но в то же время по-свойски говорил Зордакс Хэлбоксу, следуя рядом с ним по коридору вместе с другими членами

команды.

Все шли на выход попарно друг за другом быстрым твердым шагом, справа под локтем держа свои гермошлемы.

– Я уже неоднократно говорил вам, что такие вопросы решаются по пути на старт вне официальных собраний!

– Так на Беллингаузене... – хотел продолжить Хэлбокс, но Зордакс оборвал его на полуслове.

– Ты что вообще дурак?! «Можно» от «нельзя» отличить не в состоянии? Одно дело, когда я запрещаю всем на основаниях общего регламента и совсем другое, когда ты меня компрометируешь. Я же не скажу тебе при всех: «Конечно, слушай наздоровье!» Правильно?

– Ну да, я как-то не подумал, виноват, – начал оправдываться Вэндер.

– Ладно, забей! – продолжал Зордакс, – ты мне вот что лучше скажи, ты

можешь щас сказать Джонсу, чтобы он перешёл на другую радиочастоту,

когда вы там свои перегонки с Вэндэром начнете?

– Конечно могу, а зачем?

– Тогда скажи ему, чтобы перешёл на частоту пятого канала.

Объяснишь, что мол будет о чём пообщаться или ещё что-нибудь в этом

роде. Хочу с ним поговорить наедине, а то на станции всё

времени никак не

хватает. Мне важно, чтобы Фрэя об этом ничего не узнала.

– А-а-а, понятно! – протянул Хэлбокс.

– Ничего тебе не понятно! Давай шевелись быстрее, до старта несколько

минут осталось!

– Слушаюсь и повинуюсь! – выдавил из себя Хэлбокс очередной ребяческий

сарказм.

– Ну-ну... – аналитически буркнул себе под нос Зордакс, надевая у

выхода свой гермошлем.

– Куда подевались мои перчатки!? – засуетился Аксель, активируя режим защитного стекла.

– Вот твои перчатки! Хорошо, что ещё что-нибудь не забыл, – ответила ему

Кэтрин, протягивая пару, – чего такой рассеянный сегодня? Всё я тебе носить должна, как мама.

Команда потихоньку выходила на старт. Погода была отличная: светило

солнце, небо было чистое, никакого ветра, ничего не предвещало беды.

– Бон вояж! – послышалось в эфире радостное восклицание Бернара.

– Счастливо оставаться! – ответила Фрэя, – и спасибо за всё!

– Ладно, мальчики и девочки, поехали! Запускайте «считалку»! – бодро и громко скомандовал Зордакс.

Под «считалкой» подразумевался обратный отсчет штурманбота, который сопровождала вторую стартовую готовность пилота перед вылетом. Команда выдвинулась...

– Только меня замучала вся эта тягомотина на старте? – внезапно произнёс Аксель в эфире через пять минут после вылета.

– Тебе что там поумничать захотелось? – слышался голос Фрэи.

– Нет, ну серьёзно, если разобраться, мы ведь всё равно постоянно

перегруппировываемся во время гонки, какой смысл придерживаться такого строгого выхода друг за другом?

– На самом деле, Аксель, сейчас ты к одному негативному фактору

добавляешь другой, – начала Фрэй, уводя свою машину в плавный манёвр,

медленно и красиво отклоняясь в кабине вместе с штурвалом

управления боковой аэродинамикой в правой руке.

– Изволь тогда объясниться, – продолжил Аксель.

– Ну, смотри! Во-первых, ты невнимательно изучал тео-

рию организации

полета, а именно часть, касающуюся распределения ответственности во

время его проведения. А во-вторых, ты засоряешь эфир, заставляя меня

отвлекаться от пилотирования и объяснять тебе это, потому что я, в свою

очередь, как капитан обязана незамедлительно устранять подобные недочеты

среди подкомандных мне пилотов.

– Фигасе! – промолвил с глубоким удивлением Вэндер.

– И это опять же прописано, только уже в уставе капитанов, – добавила Фрэн.

– Бе-е-а! – послышалось брезгливое отрицание Хэлбокса.

– Так вот... – продолжала она, – в теории безопасности пилотирования есть

пункт регламента стартовых интервалов. В свою очередь при старте

ответственность большей частью лежит на диспетчерах станций. А в пути

всё зависит только от вас, поэтому там строго соблюдается протокол.

– А вы знаете, почему Хомяк выбрал себе такой никнейм? – вдруг внезапно спросил Вэндер.

В его голосе сразу чувствовалась некоторая радость в предвкушении чего-то ещё.

– Кто это вообще? – спросил Джонс.

– Ты не знаешь, кто такой Хомяк?! Я вас обязательно познакомлю после окончания миссии, – весело продолжал Вэндер.

– Ну и в чём там поднаготная? – сомнительно спросила Кэтрин.

– В его комнате на стене всегда висел старый немецкий плакат с надписью «Hamsterin schame dich» («Хомяку стыдно»), с которым он не расстаётся и до сих пор.

Hams

– И всё? – таким же голосом спросила Кэтрин, намекая на некоторую нелепость в рассказе Вэндэра.

В этот момент Вэндэр осознал, что в эфире нарастает пауза всеобщего недопонимая, плавно переходящая в idiotские смешки.

– Послушай, Вэндэр, а что ты вдруг вспомнил Хомяка? – вмешался Аксель, чтобы хоть как-то разбавить ситуацию.

– Просто мы выходим с Земли Мэри Бэрд на Равнину Бэрда и начинаем операцию «Хомяк», – продолжал Вэндэр, – Ты готов, Хэл?!

– Так точно! – с довольной злобой отозвался Хэлбокс.

– Тогда поехали!!!

Два сновигатора начали заметно ускоряться, отделяясь от общей группы. Хэлбокс щёлкнул пару переключателей в кабине. Внезапно в аудиосистеме его сновигатора начала жестко рубить перегруженными низкими частотами композиция легендарного коллектива «Slipknot».

– Щас я задам кому-то жару!!! – крикнул он уже сам себе.

Обстановка была действительно жёсткая. На скорости в сто десять узлов со средней сложностью рельефа Хэлбокс, как паук неторопливо выползал на равнину с явным намерением отжечь здесь не по-детски. Все это вперемешку с каверзной интонацией гитарных вступлений, характерных для репертуара данного коллектива, вызывало в нём шквал эмоций и драйва. Два радио эфира – один основной заглуша-

емый, второй вспомогательный – постоянный, для трепа с Вэндером и пять часов музла и ритмов на сумасшедшей скорости по бесконечной снежной пустыне, с непревзойденными постоянно меняющимися пейзажами.

– Иеес!!! – прокричал Вэндер уже в общий с Хэлбоксом эфир.

– Переключиться не забыл? – спросил его Хэлбокс.

– Всё норм! – ответил довольный Вэндер, – ну что погна-ли?!

– Да наконец-то!!! – удовлетворённо и громко сказал Хэлбокс.

Самое главное теперь для них было переключаться в основной эфир для возможности общения с остальными пилотами, когда возникала такая необходимость. Здесь конечно присутствовало некоторое неудобство, ведь если кто-то начинал общение, музло сразу глохло, поэтому желательно было, чтобы переговоры возникали реже. В остальном же был полный релакс. Вэндер тоже был колбасёром, конкретный аудиал, но с другими предпочтениями. В его динамиках постоянно звучали ломаные ритмы Drum&Bass, в лучшем случае Progressive, реже Techno или Brake. Но вернемся к остальным членам группы.

В тот самый момент, когда Вэндер произнёс «Операция Хомяк», Джонс переключился на пятый канал радиоэфира, в надежде, что там он услышит весёлые «левые» переговоры кого-то из команды, но там его ждало нечто другое.

– Джонс, ты слышишь меня?! Это Зордакс! Я хотел бы поговорить с тобой – слышалось в радиации.

– Слушаю вас, капитан, – спокойно ответил Джонс.

– Давай на «ты», иначе наш разговор усложнится ненужными для нас с тобой предвзятостями. Нет смысла скрывать, что мы оба стали конкурентами не только в профессиональном уровне, так же как и нет смысла скрывать то, что Фрэйв итоге предпочла тебя мне. Скажу более, мы действительно стали соперниками и даже в некотором смысле не по своей воле в глазах остальных членов команды, так как до твоего появления в группе Фрэй несомненно симпатизировала мне и у нас с ней постепенно налаживались серьёзные отношения. Но всё это теперь не имеет значения. Я осознал это и не буду вам мешать. Но всё же одна проблема остаётся, и она упирается в моё капитанское эго! В некотором смысле я теряю авторитет в своей группе, так просто уступаю тебе, практически без боя, и как лидер чувствую при этом полное неудовлетворение, если ты меня понимаешь, конечно!

– Допустим, я тебя понял! Но что ты хочешь от меня в этом случае?

– Всё очень просто! Я предлагаю тебе дуэль, как мужчина мужчине! Настоящую мужскую схватку. Правила простые, – вон они, «эти правила», только что удалились вперёд от нас по пеленгу ста двадцати трех градусов, покинув общие ряды.

– Ты предлагаешь мне личную гонку на маршруте?!

– Именно!

– Подожди, а в чём суть, я что-то не пойму? Если я проиграю, например, тогда что?!

– Тогда ничего! Ты просто проиграешь, а я выиграю, доказав себе и всем остальным, что я круче. Круче, чем ты! Но гонка должна быть настоящей, честной и жестокой, пустые слова меня не вдохновляют!

– А как ты объяснишь это потом?

– Кому? Фрэе? – на этом месте Зордакс расхохотался, – неужели ты думаешь, что я стану перед ней отчитываться? Да мне всё равно вообще, что она там подумает или скажет. Я такой же капитан, как и она с такими же полномочиями. Впрочем, если ты боишься, я готов признать твое поражение в виде отказа прямо сейчас, только сразу предупреждаю, в целях сохранения своего статуса лидера в обеих группах я вынужден буду рассказать остальным, что ты испугался.

– Хорошо, Зордакс! – недолго думав, ответил Джонс, – я принимаю твой вызов!

– Отлично! Тогда начнём! Сделаем так, вернёмся на основной канал и начнём гонку до шельфового ледника Роне, пока не прозвучит оповещение штурманбота. На команды и реплики в эфире не реагируем. Фрэе потом скажешь, что частота канала сбилась. Хотя она не дура и сразу поймет, чем мы тут с тобой занялись. Ну что поехали?!

И оба вернулись на общую частоту, а затем два сновигатора начали заметно ускоряться. Через пятнадцать минут на радарх, которыми были оборудованы все машины, стало от-

четливо видно, что Джонс и Зордакс серьёзно удалились от основной группы.

– Джонс, что у вас происходит? Почему ты увеличил скорость? – прозвучал в эфире встревоженный голос Фрэй через некоторое время.

Ответа не последовало.

– Джонс, ты слышишь меня? Ответь!

В эфире продолжалась всё та же тишина. Тогда Фрэй предприняла тщетную попытку обратиться в эфире к Зордаксу.

– Капитан Зордакс, ответьте! Что происходит! Почему вы ушли в резкий отрыв?!

Ответа также не последовало и тогда Фрэй сама начала понимать, что в действительности происходит, ведь в сложившейся ситуации любой бы догадался, о чём идёт речь, тем более что на радаре сейчас таких удаляющихся пар было две.

– Похоже, мальчики всё таки схлестнулись не на шутку, – слышался настороженный голос Кэтрин, – ладно, расслабься, может это даже пойдет им на пользу!

– Я боюсь, как бы это плохо не закончилось для всех нас! – слышался взволнованный ответ, – у меня с утра было плохое предчувствие и похоже оно меня не обмануло.

– Ну а что в этом такого? Два героя решили проверить, у кого больше тестостерона в крови, вот и пусть решают свои проблемы на здоровье!

– Ну а в молчанку тогда играть зачем?! Любой бы дога-

дался, что они спланировали это заранее!

– То, что они тебя проигнорировали абсолютно естественно. Не мешай им, пусть делают, что хотят!

– Отлично! Может тогда развернёмся и домой поедем каждый по своим делам? – в голосе Фрей проскочила нотка сарказма вперемешку с обидой, – так-то я здесь не обслуживающим персоналом назначена по ночам отчеты техгрупп принимать! Они обязаны отвечать в эфире!

– А мне так даже интересно, чем дело кончится, – сказала Кэтрин, – а тебе нет?!

– Если бы это происходило из-за тебя, Кэт, меня бы тоже наверно заинтриговало! – психанула Фрэн и окончательно расстроилась, – пошло оно всё к чёрту!

– Джонс! Зордакс! Ответьте кто-нибудь! Приём! – попыталась он снова вызвать пилотов в эфире.

– Да это бесполезно, не мучайся! – вмешался Аксель.

В этот момент по другому каналу Хэлбокс говорил Вэндэру.

– Я так и знал, что произойдёт какой-то геморрой, Вэн!!!

– Чо такое? – отвечал Вэндэр.

– Да Зордакс достал со своим капитанством, мутит всякую хрень, любовные интриги посреди Антарктики, не перед кем ему выпендриться понимаешь ли! А мы теперь вместо музыки должны прислушиваться как зайцы в кустах к негодованиям их с Джонсом пассии.

– Да ладно забей, нам они и так много позволяют! Лучше

посидеть тихо какое-то время, пока они там решат свои проблемы, а мы ещё успеем оттянуться, впереди целых восемь тысяч миль.

– Ну-ну... Всё равно весь кайф уже испортили. Сколько они ещё будут там кудахтать, весь трек мне испахабили! Почему они вообще её игнорируют?

– А что там у них случилось, почему я не в курсе? – заинтересовался Вэндэр.

– Ну, давай я тебе ещё начну сейчас рассказывать эту мыльную оперу посреди гонки! Ты потом остальным передашь, и начнётся у нас уже своя полярная трагикомедия с подоплёкой.

– С чего ты взял, что я буду потом кому-то рассказывать?

– Да что ты говоришь?! Я уже финишировать из-за этого не хочу, сейчас начнётся «расследование капитана Коломбо»! Ты Фрэю не знаешь что-ли?

– Ну не хочешь – не говори!

– Ой, да ладно, подумаешь, история какая, – начал было Хэлбокс, но тут в основном радио эфире отчетливо и громко послышался тревожный голос Джонса.

– Зордакс! Зордакс! Ты в порядке?! Ответь!

Спустя несколько секунд он повторился.

– Зордакс! Ответь! Что с тобой?!

– Джонс! Что происходит?! Что с Зордаксом?! Почему вы игнорируете эфир?! – довольно жестко и настойчиво вмешалась Фрэйя.

– Я потерял визуальный контакт с его сновигатором около минуты назад, – ответил Джонс, – последнее, что я видел, это огромный столб снега позади. Он шёл сзади, потом точка его сновигатора на экране моего радара остановилась. Я возвращаюсь к нему!

– Хорошо, – сухо ответила Фрэн, – я тоже сейчас подъеду, оставайся там. Всем остальным продолжать движение в прежнем режиме!

Через несколько минут «Fast Vector» Джонса уже стоял около перевернутого и покареженного сновигатора «Strict Supressor». Машина была в ужасном состоянии, от сопел ионных двигателей вверх поднимался лёгкий пар. Джонс проверил статистику на мониторе бортового компьютера, за бортом было минус пятьдесят градусов. Он спокойно отстегнул шлейф коммутации от гермошлема, ремни безопасности и нажал кнопку разгерметизации кабины. Крыша и лобовое стекло кабины с шипением плавно отдалась вверх. Он вылез из своего сновигатора и осторожно подошёл к лобовому стеклу кабины Зордакса, которая лежала набок, зарывшись на треть в сугроб. Почистив прилипший снег, он сложил руки по бокам глаз полусогнутыми ладонями, как делают когда смотрят в окно с улицы, и посмотрел внутрь кабины. Зордакс был внутри, пристегнутый к креслу, голова свисала вниз. Жив он бы или мертв было не понятно. Джонс с силой постучал в лобовое стекло и позвал его, но Зордакс так и продолжал сидеть неподвижно пристёгнутый к креслу.

Затем Джонс спокойно без эмоций стал пошагово выполнять то, чему их учили в таких ситуациях.

– Фрэн, говорит Джонс, ты слышишь меня?!

– Я слушаю! – отзвался голос в эфире.

– Я на месте, произошла серьезная катастрофа. Сновигатор разбит и перевернут, Зордакс внутри кабины не подает признаков жизни, вызывай спасательный вертолет, я попробую до него добраться. Угрозы взрыва вроде бы нет.

– Я поняла! – спокойно и коротко ответила она.

Джонс попытался открыть крышку отсека вспомогательного оборудования и инструмента, который находился вдоль длинного борта, ее заклинило и подморозило замки, но два десятка хороших ударов ноги решили эту проблему. Добравшись до его инструмента, он достал саперную лопату и монтировку и начал механически вскрывать люк аварийного бую. Через несколько минут крышка люка сама отскочила. Джонс зацепил монтировкой петлю тросика ручного взвода маяка и, отойдя в сторону, сильно рванул его на себя. Эффект был как у подушки безопасности: ярко оранжевая полосатая груша из плотного синтетического материала с хлопком вылетела наружу, резко надувшись сжатым гелием, и взлетела вверх на высоту пятидесяти метров над сновигатором. Прикрепленная тонким стальным тросом, она ритмично мигала как маяк, внушая своим непревзойденным видом и иллюминацией несомненную уверенность в том, что вас обязательно спасут.

После этого Джонс приступил к раскапыванию кабины, ещё через несколько минут послышался характерный свист двигателей приближающегося сновигатора Фрэя.

– База, база! Ответьте! Я Фрэя, капитан первой группы, приём!

– База слушает! – внезапно прозвучал чей-то голос.

– Я в квадрате восемь, дистанции «Конкордия – Халли». У нас ситуация «один – четыре», срочно нужен спасательный вертолет.

– Вас понял! Вертолёт уже взлетел.

Фрэя никогда еще не чувствовала себя такой виноватой. Она вылезла из кабины, быстро подошла к Джонсу, в её лице чувствовалось отчаяние и тревога. Она не выдержала и обняла его, на её глазах проступили слёзы.

– Нафига вы это сделали?! – сказала она чуть не плача.

Джонс стоял молча, одной рукой прижав её к себе, в другой держа лопату.

Фрэя резко отстранилась, подбежала к своему сновигатору, достала саперку, и стала нервно и быстро раскидывать снег вокруг кабины «Супрессора».

– Оставь, – пробормотал Джонс, – Вертолёт будет минут через сорок, я справлюсь один, всё равно кабину просто так не открыть, нужен специальный инструмент и медики, чтобы не навредить ещё сильнее.

Фрэя спокойно положила лопату на место, залезла в свой «Space Shark», закрыла кабину, сняла шлем и заплакала.

Джонс продолжал откапывать снег.

Чуть погодя, Фрэя успокоилась, взяла себя в руки и, надев шлем, серьёзным голосом строго произнесла в эфир:

– Всем пилотам! Я капитан Фрэя! У нас произошел несчастный случай, в результате которого капитану Зордаксу придётся покинуть гонку на неопределенное время. В сложившейся ситуации мне придётся временно принять командование второй группой на себя, поэтому приказываю пилотам обеих групп спокойно и внимательно продолжать следование до станции Халли, дальше вести себя по распорядку, обо всём незамедлительно докладывать мне! Надеюсь, что меня услышали все и вопросов нет!

В ответ в эфире прозвучала пара щелчков.

– О.к.! – продолжила она, – увидимся на Халли.

Когда вертолёт прилетел, Джонс уже основательно очистил всё вокруг сновигатора, предоставив абсолютный доступ к кабине.

Вертолёт сел метрах в тридцати от места аварии. Из пассажирского отсека вышел мужчина в оранжевом комбинезоне. Он быстро приблизился к Джонсу, о чем-то спросил, потом осмотрел всё вокруг, заглянул в кабину и побежал обратно к вертолету. Обрато он вернулся уже с двумя напарниками в таких же комбинезонах с инструментом и носилками. Один из них достал плазменный резак и начал оперативно прожигать металл в местах расположения петель крыши кабины и запирающих устройств. Второй собирал в это время до-

вольню сложную конструкцию из гидравлических шлангов, захватов и штанг и упоров. Крышку кабины довольно быстро отжали гидравликой. Зордакса внимательно осмотрели, прощупали, отстегнули от кресла, аккуратно уложили на носилки и отнесли в вертолёт. Фрэй и Джонс стояли и смотрели молча за происходящим. Внезапно в рации послышался чей-то голос:

– Так, короче, жить он будет! Мы взлетаем. Что с ним конкретно сказать не могу. Оставляйте всё так и продолжайте свой рейс. Сюда скоро прибудет бригада эвакуации, они разберутся с остальным. Дальнейшие указания получите от своего руководства!

– Вас поняла! – растерянно ответила Фрэй.

– Поехали отсюда! – коротко сказала она Джонсу, и они тронулись в путь.

Всю дорогу радио эфир молчал. Никто из пилотов ни о чём не спрашивал, и это в принципе было естественно. Все прекрасно понимали, что если бы Зордакс погиб, то об этом уже сообщили. О его реальном состоянии в таких условиях сейчас бы точно никто не сказал, а излишне суетить обстановку при сложившихся обстоятельствах, да ещё и с такой предысторией, сейчас точно никто не хотел.

Шельфовый ледник все прошли без приключений довольно гладко. Сновигаторы подходили к Халли медленно и очень красиво, время было около полуночи.

ГЛАВА VIII. СТАНЦИЯ «ХАЛЛИ»

Станция №82 «Халли» (Halley) Великобритания 75^0 ю.ж. и 26^0 з.д. Была основана в 1956 году экспедицией Лондонского королевского общества и первоначально носила название Халли-Бей в честь астронома Эдмонда Галлея. Летний

сезон на Халли продолжается с начала ноября до конца февраля, типичной температурой для этого периода является -10^0 Цельсия. В своём современном виде «Халли-6» состоит из восьми модулей, установленных на сваях с салазками станция была официально открыта в Антарктике 5 февраля 2013 года.

Двое мужчин в костюмных брюках и теплых толстых свитерах с высоким горлом стояли возле большого иллюминатора, за которым простиралась бесконечная ночная тёмно-синяя мгла со звездами. Они разговаривали.

Первый держал в руках серебряный подстаканник с чаем, руки второго были сплетены на груди. Оба разговаривали друг с другом на безупречном английском:

– Послушайте, Мак Гилл, у русских всегда случается какая-нибудь пакость, когда их собираются встречать особо приближенные к Британской Короне?

– Сожалею, Сэр, но вы вовсе не обязаны расстраиваться по всякого рода пустякам.

– Вы называете это пустяками? Устроить драку из-за юбки посреди Антарктики на машинах стоимостью как военный истребитель? У них что, есть такие деньги?

– Они офицеры, Сэр. У них есть честь офицерского мундира.

Мужчина с подстаканником усмехнулся, сделал глоток чая и продолжил.

– Я прилетаю сюда через все полушарие с конкретными

поручениями от Его Величества, чтобы провести официальную встречу и сделать важные шаги для совместного развития и сотрудничества, а какие-то два придурка устраивают у меня под носом детский сад и я теперь должен как нянька влезать в эти их проблемы. Зачем мне это?

– Извините, Сэр, но мы никак не ожидали такого развития событий.

– Ладно, Мак Гилл, не говорите им ничего. Выясните, что им необходимо и пусть не задерживаются здесь. Я не хочу убирать за ними это дерьмо. Щас у них тут начнётся великое следствие. Своих проблем нам и без этого хватает. Пусть уезжают с утра по-возможности. Скорее всего, их руководство начнёт расследование с утра и до полудня, то есть к вечеру, когда они приедут на Ноймаер их будет ждать там и честь офицерского мундира и всё остальное вместе с ней.

Мужчина допил свой чай, поставил подстаканник на стол и, направляясь к двери, сказал напоследок:

– **«To hosts hasn't stuck to clean shit after dogs of the guests».** (*Хозяевам дома не пристало убирать дерьмо за собаками своих гостей.*) Отправьте это с утренней почтой на Амундсен-Скотт Архипу Великому, пускай просвещается... наследник... Лондонского Престола... тоже мне придумал... какую-то ерунду. Ха!... И приготовьте, пожалуйста, вертолет, я немедленно улетаю!

ГЛАВА IV. «BIG FATHER HOUSE»

Станция Амундсен-Скотт, Головной Офис Совета Антарктической Миссии программы «Polar Navigation». Полдень следующего дня.

В огромном просторном зале царил полумрак. Огромные входные двери были выполнены из натурального лакированного дуба. На основном ярусе в десяти метрах от дверей начинался огромный длинный стол из такого же дубового массива. Вокруг стола стояли глубокие кожаные передвижные кресла с ортопедическими настройками для отдыха. Стразу за столом начинался лестничный двух метровый подъём ко второму ярусу семь метров шириной, где и открывался объёмный затонированный витраж, высотой пять метров, прозрачный как бриллиант с явной антибликовой защитой от солнца. Глубину высоких тёмных потолков было трудно разглядеть, когда главный свет был выключен. Общая обстановка напоминала дорогой аквариум с красивыми такими толстыми рыбами, похожими на пираний, черного, коричневого и красного цвета, который здесь также присутствовал. Стены были обиты кожей, как обивают дорогие диваны с использованием пуговиц в ромбовидном порядке, с сочетанием все того же дуба и блестящих, полированных до зеркального блеска, вставок из нержавеющей стали и никеля, хромированными матовыми полосками и синей ионной подсвет-

кой.

В целом все изгибы и линии были выполнены в стиле «Hi-Tech», если не считать манеру обшивки стен, которая явно относилась к стилям кабинетов высших чинов ещё со времён девятнадцатого века. За витражом открывался великолепнейший вид: слева – направо простиралась открытая снежная равнина, изборозденная полозьями сновигаторов, которая в конечном итоге представляла собой полигон, по всей длине огороженный невысокими холмами на горизонте. Причем невозможно было однозначно понять, являются ли эти возвышенности естественной холмистостью или искусственными снежными насыпями этого тренировочного пространства.

У витража стоял человек невысокого роста, среднего сложения лет сорока. Он был достаточно просто одет в костюмные серые брюки, костюмную рубашку светло голубого цвета с пёстрым тиснением без галстука. Сверху на плечи была накинута легкая серая кофта в стиле «Поло» из тонкой английской шерсти. Волосы были серые, обычная модельная стрижка не сильно контрастировала своей креативностью с остальным внешним видом, да и сама внешность в целом была довольно нейтральной и соответствовала членам среднего гольфклуба предпенсионного возраста, ничем особым не выделяясь. Человек спокойно смотрел куда-то вдаль на те самые отдалённые холмы, за столом сидели еще двое. Один объёмный, постарше, в дорогом костюме с галстуком от Ив

Сен Лоран и золотыми часами Патек Филипп, которые просто били по глазам своей внешностью и блеском, дополняя всю композицию в целом вместе с галстуком. Другой был высокий скулистый темноволосый, тоже в костюме, но, напротив, без галстука, приталенной шелковой рубашке ядовито рубинового цвета, какие носят в дорогих клубах или казино, и чёрных замшевых модельных туфлях-макасилах без носков на босу ногу. Оба сидели молча, явно ожидая, что человек около витража им что-то скажет. Внезапно дверь открылась и в комнату вошла женщина в форме офицера высшего командования с кожаным портфелем. За ней вошёл ещё один человек тоже в такой же форме, но без знаков отличия. Он быстро прошёл вокруг стола против часовой стрелки, раскладывая какие-то папки перед сидящими, одну папку он положил на пустом месте у изголовья стола, а затем удалился. Женщина выложила из портфеля стопку документов и заняла свое место. Все сидели молча, как бы ожидая всё того же человека на втором ярусе, который всё также продолжал смотреть в окно, не обращая особого внимания на происходящее вокруг.

– Послушай, Архип, я думаю ты тоже можешь прилететь через весь океан ко мне и посмотреть на обстановку моего офиса! На твою я уже насмотрелся вдоволь! – внезапно произнёс большой в галстуке.

Человек у витража повернул голову в сторону сидящих и, глядя на женщину в форме, спокойно сказал:

– Мы можем начинать.

После чего он развернулся обратно и занял прежнюю позицию.

Женщина медленно встала, взяла лист и начала читать вслух:

– 17 июня 2032 года. Протокол расследования чрезвычайного происшествия в квадрате номер восемь, дистанции «Конкордия – Халли», командной миссии номер один, программы «Polar Navigation».

– Давайте сразу к основному заключению по техническому и медицинскому отчету! – перебил её Архип.

Женщина отложила листок в сторону и продолжила без бумаги.

– Вчера в 11:45 на скорости в триста восемьдесят километров в час капитан второй командной группы Зордакс, совершая манёвр, начал входить в очередной вираж. Его сновигатор провалился одной стороной в талый карман, образовавшийся от подземных течений, в результате чего получил резкий и сильный удар в конструкцию подвески. При ударе на высокой скорости он критически завёл штурвал вправо и на интенсивном манёвре его «Strict Supressor» начал крепиться набок. В результате, сновигатор встал на одну лыжу и ушёл с прямолинейного вектора инерции движения в зытяжной поворот. Другими словами, он раз пятнадцать «крутанул горизонт» в боковом заносе, в результате чего капитан Зордакс получил серьезную черепно-мозговую травму в

виде сотрясения мозга пятой степени и растяжение позвоночного отдела шейной области. Сновигатор модели «Strict Supressor» («Жёсткий Подавитель») получил значительные повреждения на тридцать процентов. Капитан Зордакс сейчас находится в военном госпитале, его состояние стабильное, до полной реабилитации врачи прогнозируют два месяца.

– К тому же англичане остались недовольны! Их посол вынужден был улететь ни с чем, а это серьёзно нарушает традиции наших взаимоотношений и создает угрозу для запланированных контрактов, – внезапно добавил высокий черноволосый в клубной рубашке.

– Англичанам на самом деле плевать на то, что произошло! Им лишь бы не тратить свои деньги, а виноватыми выставить остальных! Тысячелетняя история английских королей, воплощенная в бесконечном множестве их дворцовых библиотек с лёгкостью позволяет им делать дурака из кого-угодно при любых обстоятельствах! – внезапно произнес Архип с некоторой раздраженностью, – теперь я из-за какого-то там Зордакса должен как дурачок бегать за каждым придворным его Величества и кланчить деньги, чтобы реализовать программу для них самих же. Очень ловкий трюк на самом деле. А они при этом остаются эдакой пострадавшей по нашей вине стороной. Это же надо так было ещё постараться! – Архип начал явно эмоционально заводится, повышая голос.

– Но у тебя же есть деньги, – вмешался в разговор высокий черноволосый, – вложи свои активы. Какая разница? В любом случае в долгосрочном периоде всё вернётся и оставим уже это!

– Жаль, никак в Москве пожить не получилось, – всё хочу добиться такой же расслабленной невозмутимости и лёгкости в решении вопросов, как у тебя, Борис, – довольно зло и ехидно ответил Архип.

– Угу... – медленно и спокойно протянул высокий черноволосый во встречно – издевательском тоне, раскачиваясь в кресле, – ни каждому дано бывает.

– Так! Ну ладно, я в следующий раз ещё своих маленьких внучек с собой захвачу с благодарственными букетами, – начал опять троллить присутствующих объёмный с галстуком, – давайте уже побыстрее перейдём к решению «по массовым расстрелам» и полетели отсюда, у меня гольф запланирован. Этого твоего Зордакса предлагаю повесить, а из остальных сварить суп для голодающих негров в Африке, оставшиеся доли сольём немцам и дело с концом! На этом месте он злостно так и нагло засмеялся.

– Ну у вас и шуточки! – произнесла женщина в форме.

– Ладно, – хладнокровно произнес Архип, – подписывайте бланки постановления, решение я оформлю без вас, мне нужно будет подумать.

– А что тебе почасовую аренду офиса включили? Почему нельзя сразу на месте ознакомиться? – возмутился Борис.

«А оно тебе надо?» – чуть было не сказал Архип в ответ, но во время спохватился.

– Я тебе результат по факсу вышлю потом, – продолжил он.

– А почему не на северных оленях? – бросил Борис свой брезгливый ответ с унылым сарказмом и явно выраженным неудовлетворением.

Присутствующие по-очереди подписали документы и начали расходиться.

– Только под твою ответственность и с условием, что обязательно сварить суп! – дошучивал, подписывая документы человек в галстуке.

– Задержитесь, – сказал Архип женщине.

Когда двое ушли, он продолжил.

– Через час заберете у меня список мер, впечатаете его в постановление, и немедленно отправляйтесь на Ноймаер. Оповестите там всех о проведении внештатного экстренного собрания, дальше вы сами знаете.

– Хорошо! – твердо сказала женщина и строгой женской походкой с военной выдержкой вышла из офиса.

Так прошло внеплановое заседание Совета Управления Программы «Polar Navigation».

ГЛАВА X. СТАНЦИЯ «НОЙМАЕР» (часть первая)

Станция №55 «Ноймаер» (Neumayer) Германия 70⁰ ю.ш.

8⁰ з.д. названа в честь известного немецкого геофизика и полярного исследователя Георга фон Ноймайера. Температура обычно колеблется от 0 до -5 °С в летний сезон и от -25 до -30 °С в зимнее время. На Атлантическом побережье Антарктиды не так холодно, как в глубине материка, где термометры зимой фиксируют

-60...-75 °С. База расположена на территории Земли Королевы Мод и соседствует с норвежской станцией Тролль и российской станцией «Новолазаревская». Эти земли норвежцы назвали в честь своей королевы Мод Уэльской, дочери британского короля Эдуарда VII и королевы Александры Датской. Мод была супругой норвежского короля Хокона VII и приходилась двоюродной сестрой последнему российскому императору Николаю II.

Когда команда пилотов вышла со станции «Халли», было уже одиннадцать часов утра. Расстояние в четыреста тридцать восемь и пять десятых мили проходило полностью через шельфовый ледник Роне-Фильхнера. Обе группы шли на средней скорости осторожно, теперь уже никто из них не торопился, периодически с левой стороны для них открывался непревзойденный вид на море Уэдделла с высоких протяженных снежных обрывов ледника. Поэтому им было чем полюбоваться и развлечь себя в пути, хотя каждый понимал, что их ждёт на станции «Ноймаер». До станции они добрались за четыре с половиной часа, поэтому, когда они прибы-

ли им предложили провести небольшую экскурсию в ознакомительных целях, тем более немцам действительно было, чем похвастаться.

Немец, по имени Фридрих Краус был очень приветлив и подвижен, постоянно улыбался и, не смотря на довольно сильный немецкий акцент, очень хорошо говорил по-русски. Пилотов сразу поразило, насколько чётко и аккуратно спланирована техническая оснастка стартового полигона и станции в целом, а именно той её части, которая относилась к развитию программы высокоскоростной Полярной Навигации. Сначала всем показали, их комнаты, затем был лёгкий полдник. После полдника Фридрих подошёл к Фрее и сказал:

– Ваше руководство только что передало, что проведение внештатного экстренного совещания начнется в 18:00, плюс – минус десять минут. Я очень сожалею и соболезную о случившемся, но у нас в запасе есть один час пятнадцать минут. Не желаете познакомиться с нашей пилотной группой?

– У вас есть пилоты и сновигаторы? – удивленно спросила Фрея.

– О, да! – наше руководство очень заинтересовано в развитии этого проекта, поэтому определённый круг лиц в Германии распорядился немедленно принять активное участие для создания всего необходимого в этом направлении. Есть правда один нюанс – наши пилоты, как вы сами понимаете, не говорят на русском, поэтому общаться между собой вам придется на английском языке. Но это в целом... Я не застав-

ляю вас с ними плотно вести дискуссии, вы можете просто посмотреть и сделать свои выводы, они для нас очень важны!

– Что ж с удовольствием! – ответила, Фрэн.

Команда проследовала за Фридрихом. Они пришли в огромный светлый машзал, тепловые завесы монотонно обдували огромные ворота, перед которыми стояли два очень красивых немецких сновигатора.

– А вот это наши красавцы! – сказал Фридрих, – «Junger Wolf» и «Meerschlag», что с немецкого означает «Молодой Волк» и «Морской Удар» соответственно. Наши механики и инженеры, – продолжил он, – выполнили их на одной базе, но с разными параметрическими характеристиками для разных погодных условий. «Юнгер Вольф» – для более экстремальных, низких температур в зимний период и «Миршлаг» – более легкий ориентированный на прохождение мелких озёр, талых льдов и снега в более теплый период. Все работы проводились в машиностроительном холдинге Даймлер Бэнц, поэтому как вы сами можете догадаться, внутри они соответствуют всем стандартам безопасности и комфорта в лучших традициях немецких авто производителей.

Все присутствующие действительно замерли и были ошеломлены, потому что не ожидали увидеть не только целый набор новых форм корпусов и геометрии внешнего вида, но и достаточно интересных, в плане мощностных показателей, систем и разработок. Каждый из пилотов по очереди залезал

по трапу наверх и осматривал внутреннюю эргономику кабин, причём кабины были выполнены взаимно не эдентично и отличались каждая оригинальностью собственных решений. В целом сходство между двумя представленными моделями заключалось только в конструкции силовых энергетических установок, то есть самих ионно-турбинных пульсарах или, как их еще называли, ионных импульсно-турбинных нагнетателях, которые в свою очередь совмещали простоту двухсопловой конструкции и, по-видимому, серьёзную мощность, исходя из объема, который достигался значительным выносом двигателей в стороны от продольной оси фюзеляжа. В этот момент в машзале появились двое высоких стройных мужчин в очень красивых лётных комбинезонах, в руках они несли гермошлемы.

– А вот и наши пилоты! – громко и весело сказал Фридрих, делая жест рукой в сторону приближающихся мужчин, – знакомьтесь, пожалуйста, это Ганс Майер!

Он указал на пилота с чёрными вьющимися волосами средней длины, округлым лицом с выразительной мышечной структурой, как у дремнеримских полководцев.

– И Йозеф Кёхлер!

Второй пилот был коротко стриженный скулистый блондин с ядовито нижней челюсти. От одного его взгляда с непривычки становилось немного не по себе. Но это было еще ничего, пик напряжения начинался в момент, когда второй немец, как потом выяснилось, он был на са-

мом деле австрийцем, начинал говорить. Причем не имело значения, на каком языке он произносил слова немецком или английском. При его внушительных габаритах голос был очень звонкий и хлесткий, заставляющий нервы вздрагивать при каждом начале диалога. При этом иногда он как-то каверзно вытягивал целые предложения, медленно и с железным спокойствием. В этот момент возникало неприятное чувство непонятного страха или ужаса, хотя говорил он обычным тоном и довольно простые по своему содержанию вещи, но при этом создавалось внутреннее ощущение, что тебя жёстко допрашивает оберштурбанфюрер «SicherheitsDienst» («Зигерхайтс Динст») на допросе в подвалах «Geheime Staatspolizei» («Гехайм Штатс Полицай»). В процессе беседы это чувство потихоньку спадало, и ты начинал привыкать, но как только он начинал говорить вновь после долгих пауз, всё повторялось заново. Форма, то есть лётные термокомбинезоны и гермошлемы были таких же разработок, но пошиты по другим стандартам с другими знаками отличия и с другой цветовой геометрией. Цветовая палитра формы каждого пилота была аналогична расцветке их сновигаторов соответственно. Немцы действительно продумывали всё до мелочей, так чтобы сбивать привычное восприятие с ног и замораживать сознание на месте. К примеру, когда включался защитный экран из жидко-плазменного стекла на гермошлемах, у одного пилота он отблескивал и переливался характерным немецким крестом, а у второго гербо-

вым орлом Германии.

– Хорошо ещё хоть свастики никуда не прилепили, – подумала Фрэя, но это пока были слишком ранние её выводы.

И Ганс и Йозеф были очень вежливы, приветливы и аккуратны в общении. Они отлично владели английским, поэтому между пилотами не возникло проблем во взаимопонимании. Немецкие пилоты пообщались с гостями на общие темы, после чего напоследок продемонстрировали пилотам российской группы свои машины, стартовав из боксов на тренировочный заезд.

– Что ж, давайте я провожу вас до аудитории, где будет проходить ваше совещание, – сказал Фридрих, – у нас осталось до начала пятнадцать минут минут.

– Да конечно! – ответила Фрэя.

– Я вижу, что вы остались впечатленными нашей короткой экскурсией, не так ли? – продолжал Фридрих.

– Само собой, разумеется! – поспешила ответить Фрэя, хотя на самом деле внутри она чувствовала какое-то раздражение и злость, причём и по отношению к Фридриху тоже. Ей начинало казаться, что Фридрих нарочно дразнит и провоцирует её, и всё происходящее – есть ничто иное, как какой-то мерзкий и отвратительный эксперимент. Дело в том, что она знала, какой тяжёлый психологический удар ждёт её сейчас на этом совещании, и с каждым шагом давление её капитанской ответственности неизбежно нарастало. Незнание того, что должно произойти на собрании, зависть из-за

уровня немецких машин и великолепной формы вперемешку с «садистским» голосом Ганса, немецкой символикой и какой-то обидой за то, что и пожаловаться в действительности не на что и выразить свои негодования некому. Всё это скорее полностью дестабилизировало, раздражало и угнетало, чем вызывало какие-то положительные эмоции. Фридрих начал казаться каким-то злобным горным троллем, который весело скачет вокруг и злорадствует по поводу её поражения, хотя никакого явного поражения и не было. Фрэя начала вспоминать какие-то методы и термины из психологии о негативных стратегиях, к этому почему-то добавилось ещё и то, что немцы были известны как очень серьёзные психиатры, и что всё это в комплексе могло быть спланировано ими, чтобы подавить её как оставшегося капитана. В общем, ужас, что творилось у неё в голове, и сейчас она мечтала только об одном – поскорее бы всё закончилось, чтобы пойти и лечь спать.

– Я знаю, что тебе нужно! – вдруг одернул ее Лу на ходу, – если надумаешь – заходи после собрания, я весь в твоём распоряжении. У меня есть очень подходящий сорт, ты такого ещё не пробовала, – и он улыбнулся так, что Фрэю сразу позитивно поправило, даже не делая ни одного глотка чая. Настроения действительно прибавилось, плохие мысли, как и усталость, сменило предвкушение нового неиспробованного сорта и настоящей китайской чайной церемонии. Вдобавок ко всему она была заинтригована тем, насколько точно

и ловко Лу поймал её внутреннее настроение и поддержал в трудный момент. Все это было похоже на какую-то магию, а Лу на весёлого фея. Она даже чуть не хихикнула, подумав об этом.

ГЛАВА XI. РАЗБОР ПОЛЁТОВ

В аудиторию быстрым шагом зашла всё та же женщина-офицер из Командного Управления. Вообще её имя было Елена Маратовна, но для служащих и подчиненных она была старший офицер командного управления подполковник Сударева. Пилоты в аудитории резко встали со своих мест, выполнив команду «смирно», которую Фрэя не успела сказать, когда подполковник Сударева прервала её командой «вольно», после чего все расслабились.

– Можете садиться, – сказала она и сразу же продолжила, – короче, дело обстоит следующим образом. Совет рассмотрел дело о катастрофе, которая произошла вчера утром по пути на станцию Халли. Ваш теперь уже бывший капитан Зордакс жив, он сейчас находится в военном госпитале, его здоровью ничего не угрожает. Его машину обследовали, как и место катастрофы. На основании изученных материалов, комиссия по расследованию сделала заключение о том, что капитан Зордакс не справился с управлением из-за грубых нарушений сразу нескольких протоколов миссии, в том числе протокола безопасности, что в свою очередь могло привести к ещё более тяжким последствиям с участием других членов команды. Также комиссия подробно изучила историю и обстоятельства произошедшего случая и сделала вывод о грубейших нарушениях правил как пилотами групп,

так и их капитанами. Все, я надеюсь, согласны с этим?! – и она внимательно и пристально посмотрела на каждого члена команды.

Ребята молча сидели, Фрэй опустила глаза, никто даже не шелохнулся.

– Вы что там, мальчики!!!... и девочки!!!... – полковник начала серьёзно повышать тон голоса и усиливать интонацию, – совсем офонарели?! Вы хоть знаете, сколько денег вчера потеряла корпорация?! Из-за ваших там... этих... – на этом месте она немного замялась, пытаясь сдержать явно вырывающийся наружу мат.

– А вы там, что за «покатушки» устроили?! – продолжала она в том же тоне, явно обращаясь к Вэндеру и Хэлбоксу.

– Разрешите обра...? – попыталась договорить Катрин, но подполковник резко оборвала её на полуслове.

– Разрешаю! Что?! – и она довольно агрессивно обратила на неё свой взгляд.

– Мы в принципе могли бы наверно обсудить внутри команды оплату расходов на ремонт и эвакуацию за счёт наших вознаграждений – сконфуженно и осторожно произнесла Кэтрин, – не так ли? И она повернулась к остальным пилотам в аудитории, окинув их взором.

– А они у вас есть, эти вознаграждения?! – опять начала подполковник, – вам ещё восемь тысяч миль пилить по Антарктике, ты о чём мне сейчас говоришь?! Или, может быть, вы думаете, что у Архипа Великого нет денег на этот

ремонт?! Да он завтра тебе новый «Supressor» на полигон поставит, дальше что?! Давай снова разобьём?! Вы вчера дипломатическую миссию на Халли сорвали, над нами теперь вся Британская Корона смеётся!!! Я сегодня весь день дерьмовые шуточки американского посла выслушивала, чтобы в запасе не остаться из-за ваших выкрутасов! Сновигатор они мне тут починят...!!!

– Елена Маратовна, простите, пожалуйста, – вдруг замямлила Фрэя, собираясь расплакаться.

–Чегооо?! – протянула с глубоким негодованием Сударева.

– Во-первых, не Елена Маратовна, а товарищ подполковник! Во-вторых, обращаемся и докладываем строго по форме! И, в-третьих, мне не нужны здесь эти сопли, понятно!!! Сейчас внимательно выслушиваем постановление Совета, по-одному подходим, расписываемся об ознакомлении и согласии, затем я слушаю вопросы, и попробуйте мне здесь кто-нибудь ещё взбрыкнуть со своими «Мы могли бы...» и тому подобное! Делайте то, что вам приказано, тогда и не придётся сопли на кулак наматывать!

– Итак! – продолжила она, – согласно пункту «одинадцать – три», пятого параграфа о грубых нарушениях протоколов, правил, уставов и распоряжков, Совет Управления Программы «Polar Navigation» оставляет за собой право всячески изменять, дополнять основные цели и задачи миссии, вопреки установленным ранее договоренностям между ру-

ководителями и участниками экспедиции в целом.

В виду этого совет постановляет:

- 1) расформировать обе группы;
 - 2) убрать всех капитанов, теперь каждый член миссии сам за себя;
 - 3) в связи с особым стремлением некоторых обогнать друг друга, установить временной лимит прохождения общей дистанции, что в свою очередь серьёзно сокращает время прохождения каждого маршрута;
 - 4) включить в состав миссии двух немецких пилотов Ганса Майера и Йозефа Кёхлера, чтобы общее количество пилотов было равно количеству станций до точки «Амундсен-Скотт» не считая станцию «САНАЭ 4», так как маршрут до неё от станции «Ноймаер» хорошо проложен и изучен этими пилотами в процессе тренировок и разведполетов данного сектора;
 - 5) Ввести принцип «Выбывает последний» для всех пилотов миссии, при котором, проходя каждый маршрут от станции до станции, пилот с худшим временем выбывает из миссии;
 - 6) Условием сохранения статуса «пилота миссии» в будущем, включая бывшего капитана Зордакса, а также ремонт разбитого им сновигатора за счёт корпорации, а не за счёт его вознаграждения является сто процентное выполнение новых задач и целей миссии, то есть вышеперечисленных.
- Примечание! Если первым на Амундсен-Скотт придет

один из немецких пилотов, то следующие миссии будут планироваться из расчёта на них, как на приоритетных пилотов и лидеров проекта, российские же пилоты приобретут статус пилотов второй очереди.

7) Эфир сохранить общим без изменения основных положений по безопасности проведения полетов.

17 июня 2032 года Архип Великий

– Я вам так скажу, ребята, – добавила она в конце, – что это вы ещё очень хорошо отделались! Как вы там дальше будете разбираться с этим дерьмом, а это на самом деле очень серьёзное дерьмо! – и она демонстративно кинула лист постановления перед собой на стол, – это не моё дело! Но сегодня у вас был реальный шанс вернуться к себе домой без денег с расторгнутым контрактом, и у меня, кстати, из-за вас тоже. Поэтому прошу – вот вам ручка, вот документ, один экземпляр оставляете у себя на руках!

Каждый из пилотов начал по-очереди подходить к столу и расписываться, после чего они все собрались у выхода.

– Всё! Я вас больше не задерживаю! Если нет вопросов – вы свободны! – сказала подполковник напоследок.

Пилоты удалились.

ГЛАВА XII. СТАНЦИЯ «НОЙМАЕР» (часть II)

Сразу после экстренного совещания в 19:00 наших пилотов теперь уже одной общей группы без капитанов встретил около аудитории Фридрих. Он был по-прежнему бодр и весел, но с очень серьёзной осторожностью сочувствующего и понимающего человека обратился к ним.

– Я надеюсь, всё прошло благополучно!?! – спросил он, опустив голову низко к подбородку и застенчиво улыбаясь, глаза его в этот момент смотрели изподлобья, выражая и сочувствие и надежду одновременно. Происходило это достаточно манерно, поэтому у многих вызвало улыбки и смех.

– Тогда прошу всех на ужин! Пойдёмте за мной!

И он повел всех в столовую.

– Вы не представляете, что мне сейчас сообщили, как раз во время вашего собрания? – продолжал он по пути, обращаясь ко всей группе, – с Амундсен-Скотт прислали депешу! Наши пилоты продолжают эту миссию вместе с вами, да ещё и на время, кто быстрее. Разве это не прекрасно?!

Фридрих действительно радовался от души, – немцам очень хотелось занять в программе Полярной Навигации особое место. Они знали, что их разработки в системах пилотирования сновигаторов позволяли достигнуть лидерства в этой области, и для них было очень важно принять участие в гонке за превосходство. Йозеф и Ганс много времени проводили на тренировочных заездах средних дистанций в прилегающих к станции «Ноймаер» квадратах и секторах. И в представившейся ситуации у них был хороший шанс под-

твердить свои результаты на практике, а возможно и возглавить первенство в гонке.

Напротив, у наших пилотов эта новость особого ажиотажа не вызвала. Мало того, что они потеряли одного из своих товарищей, так теперь им ещё нужно было гнать на всю катушку, чтобы уложиться по времени. Ко всему прочему добавлялась также неизбежный фактор постоянного пребывания в состоянии острой взаимной конкуренции не только по отношению к немецким пилотам, но и друг к другу. Всё это серьёзно ударило по комфорту и размеренности гонки, да ещё и добавляло риска вдобавок. Но чувства сплочённости команды и ответственности за Зордакса заставляли мужественно принимать возникшие трудности и двигаться дальше.

После ужина Фрэя задержалась и, возвращаясь в жилой комплекс одна, случайно заглянула в чью-то открытую дверь. Ей в глаза сразу бросились несколько характерных артефактов, висящих на стене напротив входа в комнату. Она остановилась, сделала шаг назад, потом подошла поближе. Ее взору представился подвешенный на кожаном ремне немецкий клинок «SS» времен Третьего Рейха, альпеншток из той же эпохи и немецкий железный крест со свастикой в центре на черно-красной ленте. Рядом в рамке под стеклом висела старая книга в черном кожаном переплете, на которой своеобразным каллиграфическим шрифтом белого цвета можно было отчетливо прочесть на немецком «Йозеф Гёббельс».

KNIFE.KIEV.UA

Joseph Goebbels

M[†]ichael

Ein deutsches
Schicksal in

Всё это сверху завершала небольшая блестящая полка из толстого стекла и никелерованных кронштейнов, на которой лежало армейское полевое кепи черного цвета с отчетливо бросающейся в глаза качеством исполнения и чистотой цвета эмблемой элитного отряда горных стрелков «Edelweiss» (Эдельвайс) в виде цветка с аналогичным названием. Нижняя челюсть Фрэй начала потихоньку отвисать... На самом деле она очень много знала про войну из фильмов и рассказов, а также по школе и посещению музеев. У неё самой прабабушка была ветераном и принимала участие в боевых действиях. Но здесь она впервые в жизни увидела живую историю с другой вражеской стороны открыто и откровенно, причём очень жёстко бьющей по зрительному восприятию и внутреннему сознанию качеством своего исполнения, уровнем сохранности почти через сто лет и непривычным оригинальным стилем. Она испытывала непередаваемое, острое чувство злой красоты, которая служила масштабному кровопролитию.

– **Innen gefällt?!** («Инэн гефЭльт?»), Вам нравится?, – неожиданно раздался сзади размеренный голос Ганса.

Фрея чуть не подскочила на месте, она слегка содрогнулась и сделала неловкий жест, отстранившись в сторону, – из открытой в коридор двери напротив спокойно и медленно без всяких эмоций мимо неё прошёл Ганс и зашёл по всей вероятности в свою в комнату, ту самую, куда только что так

упорно она смотрела. В противоположной же открытой двери остался стоять Йозеф, провожая своего друга заинтересованным взглядом со сложенными на груди руками и прислонившись к дверному проёму плечом.

– **Du wirst nach erzählen?** («Ду вёрст нах эццлен?», Расскажешь после?) – спросил что-то Йозеф Ганса.

– **Ja!**(«Яа!», Да) – коротко ответил Ганс.

Йозеф захлопнул дверь.

– О, извините! – продолжил Ганс всё тем же высверливающим внутренности голосом, перейдя на английский, – не успел привыкнуть к тому, что вы не говорите на немецком. Это моя комната, как вы наверно уже догадались. Пожалуйста, не стесняйтесь, проходите! Я вижу, вам стало интересно, – это личные вещи моего прадеда, вы можете посмотреть их поближе и даже взять в руки.

Фрэе пришлось немного переварить и саму ситуацию и то, что ей только что сказали, она всё ещё явно подтормаживала, находясь в некотором шоке. Ганс спокойно стоял с таким же непреступным и немного задумчивым лицом. В этот момент он чем-то напомнил ей портрет Кобергера из художественных работ Альбрехта Дюрера в одноименной книге о его жизнеописании, какого-то из московских авторов, которая подвернулась ей под руку ещё в студенческие годы в институтской библиотеке.

– Мне очень неловко, что так вышло, дверь была открытой, – начала оправдываться Фрэя, глупо улыбаясь как ребё-

нок, и делая шаг в комнату Ганса.

– Я знаю! – молниеносно ответил Ганс, – это я её не закрыл! – и абсолютно спокойно и быстро, сделав несколько шагов, захлопнул дверь у неё за спиной. После этого он вернулся и встал рядом с ней, глядя на висящие на стене предметы. Кисти рук он при этом сложил в замок, опустив их вниз перед собой, голова его была слегка отклонена назад и в сторону.

– Мой прадед... – гипнотизирующим тоном продолжил он своё постепенное «вскрытие черепной коробки», – Генрих Майер родился в Австрии, как и я. В 1942-ом году по 1944-й год он командовал штурмовым отрядом горных стрелков «Эдельвайс» на побережье Кольского полуострова. Их подразделения высаживались с Баренцева моря и брали высоты вблизи Норвежских фиордов, после чего проводили разведывательные и укрепительные операции на местности с целью обнаружения и уничтожения любых сил противника, а также проведения диверсионных операций на территории врага.

В этот момент он медленно повернул голову и как-то задумчиво посмотрел на Фрею.

– Эти личные вещи мне передал мой дед. Я очень горжусь своими предками!

И Ганс как-то грустно вздохнул, продолжая дальше созерцать висящие на стене предметы.

– Простите, а что это за книга? – спросила вдруг Фрэн.

– Труды рейсхминистра пропаганды, Йозефа Геббельса, личный подарок прадеду, – с гордостью сообщил Ганс, – таких книжек с личным автографом доктора Геббельса осталось не больше десяти. Хотите почитать?! – интригующе, но очень серьёзно спросил Ганс.

– Нет! – твёрдо ответила Фрэн.

– Я понимаю вас, – спокойно заявил Ганс с удручённым видом.

– Я наверно пойду, мои друзья заждались меня, – продолжила Фрэн.

– Конечно! – коротко ответил Ганс.

После чего он проводил её к выходу, галантно открыв перед ней дверь.

– Буду рад вновь пообщаться с вами! – тактично бросил он ей в след свою прощальную фразу.

Так закончилось первое личное знакомство Фреи и Ганса Майера, но это был ещё не конец всех острых ощущений, касающихся психологического соприкосновения пилотов российской и немецкой сторон, впереди их всех ожидало много серьёзных взаимных подоплёк, о которых они пока ещё не догадывались.

ГЛАВА XIII. ДИСТАНЦИЯ «НОЙМАЕР – САНАЭ IV»

На следующее утро после завтрака примерно в одина-

дцать часов все пилоты, включая Ганса и Йозефа, были собраны Фридрихом в аудитории. Подполковник Сударева к этому времени уже находилась там.

– Я собрала вас всех здесь вместе для того, чтобы провести последний предстартовый инструктаж, так как в дальнейшем инструктажи больше проводиться не будут, командовать вами теперь некем, стартовать будете в случайном порядке, его будет определять диспетчер каждый раз перед стартом. Разницы на финише не будет никакой, так как сравниваться будет личное время каждого пилота в отдельности. До станции «САНАЭ IV», кто не забыл, – вы все идёте без результата по времени. Расстояние до неё сто девять миль, на преодоление которых у вас уйдёт максимум один час, то есть вы как раз успеваете к обеду. Далее один час на отдых и в 15:00 вы выходите уже на время оттуда до станции «Принцесса Елизавета». Вам предстоит пройти четыреста девяносто миль за время от трёх до пяти часов. Как вы сами понимаете, кто-то из вас останется уже на этой станции, чтобы потом в одиночку спокойно проследовать в предпоследнюю точку сбора – американскую станцию «Амундсен – Скотт», на площадку основного базирования программы. По окончании сбора там всех пилотов, которые последовательно выйдут из гонки, вам предстоит сделать заключительный рейс до станции «Восток». У меня всё, желаю вам удачи!

Очередной старт уже совместной миссии и недолгий путь до станции «САНАЭ IV» ничем особенным не выделился и

не занял много времени, – через сорок минут все экипажи были на месте. После обеда команда собралась в конференц-зале станции.

Немцы проследовали к месту своей временной дислокации на ближайšie полтора часа и уютно устроились на мягких подушках больших кожаных кресел в углу для отдыха с круглым журнальным столиком, вокруг которого они располагались. На журнальном столике вместо журналов и газет, которым здесь просто неоткуда было взяться, лежали три ай-пэда, что обеспечивало легкий доступ к свежим новостям и развлечениям в любой момент, чем Ганс и Йозеф незамедлительно воспользовались. К слову сказать, кресел тоже было три, и Фрэя сразу же обратила на это внимание. Идти к себе в комнату и ложиться спать перед следующим рейсом, да ещё и после обеда было равносильно двойному самоубийству, к тому же Фрэя предусмотрительно выпила энергетика, чтобы её не клонило в сон. Просто так сидеть одной в комнате без дела было скучно, а бегать по станции в поисках Джонса, который где-то застрял, представлялось ей малоперспективным занятием. Оставалось только одно, – занять то самое удобное кресло, в уголке для отдыха среди растений и ионизатора воздуха, где заседали ребята из немецкой группы, невозмутимо просматривая что-то в планшетах, глубоко утонув в недрах кресел как два нефтяных магната.

Внезапно Ганс отвлёкся и сделал жест в свою сторону, приглашая Фрэю, занять свободное место в их компании.

- **Herankommen Sie sich und setzen nebenan, bitte!**(«Херáнкóмэн зи зúх унд зЭцэн нúbэнán, бúттэ» Подойдите и садитесь рядом, пожалуйста!), – I once again apologize. O.k.?! Approach and sit down nearby, please!!? – снова оговорился Ганс на родном языке, немедленно продублировав сказанное на английском.

Йозеф вытянулся из кресла и гостеприимно улыбнулся.

- **Nach dem Mittag sitz ein Weilchen, nach dem Abendessen geh ein Meilchen.**(«Нáхдем мИтаг зицЭйн вЭльхен, нáхдэм абЭндсэн гéхэйн мЭльхен») – произнёс он, когда Фрэя поровнялась с сидевшими, и тут же перевёл на английский, – «После обеда немного посиди, после ужина немного походи».

– Я как раз сейчас рассказывал Йозефу о нашем с вами разговоре у меня в комнате про то, что вас заинтересовали военные артефакты, принадлежащие моему прадеду! – с некоторой осторожностью начал вновь лингвистически препарировать Ганс слуховые нервы Фрэй с характерной мимикой, медленно вытягивая высказываемую мысль из лабиринтов своего интеллекта и пропуская сквозь её сознание, а затем перенаправляя взглядом в сторону Йозефа.

– Началось... – с ужасом подумала Фрэя, – сейчас-то он точно разберёт меня на маркеры репрезентативных систем.

Всё происходящее усугублялось тем, что оба немца вели себя очень интеллигентно и не навязчиво со всей серьёзностью проявляя свой интерес к личности Фрэй, а комфорт

окружающей обстановки разбавлял периодически нарастающий запах каких-то очень крутых мужских духов, напоминающих классические запахи «HUGO BOSS», и, вероятно ими же и являющимися, исходя из брэндовых значков на немецких термокомбинезонах. С каждой новой волной лёгкий запах всё сильнее и сильнее воздействовал на Фрэю, как наркотический эфир, погружая в гипнотическое состояние полнейшей расслабленности, а голос продолжал высверливать отделы её головного мозга, раздвигать полушария, искать нужные фрагменты и изучать их с выражением удивления и нескончаемого интереса. Голос уже не спрашивал разрешения – он делал, что хотел, подробно вкапываясь в суть всех составляющих и мелких подробностей.

– Да, мой прадед тоже воевал... с англичанами, – заговорил вдруг Йозеф, обращаясь к Фрэе, – он прошёл тихоокеанскую компанию в качестве инженера или попросту стармеха подводной лодки седьмого поколения. После последней миссии прадеда комиссовали на берег и отправили на Родину в Цюрих, а лодка была затоплена в числе многих других во время воздушной атаки на судостроительные доки во Франции в конце войны.

– Ещё один... – с утомленным ужасом подумала про себя Фрэя, – сейчас меня точно в «СС» завербуют.

– А моя прабабушка двоих немцев в плен взяла! – сказала вдруг Фрэя.

– В каком году, где, при каких обстоятельствах?! – не ме-

няя интонаций и темпа общего разговора, сразу же поинтересовался голос Ганса.

– В 43-м, 6 ноября, при освобождении Киева, остатки отступающих дивизий германской армии в укреплениях разрушенных зданий. У неё был ППШ, одного убила сразу, двое других сдались в плен. Они пулемёт перетаскивали через окно первого этажа втроём, а она сзади случайно зашла из другой комнаты.

– Так вы украинка по национальности? – поинтересовался голос уже более печально.

– Нет, почему, это были Московские части Красной Армии, я коренная москвичка!

– Это очень интересная история! – ответил печальный голос.

– Ну, да и награды за освобождение Киева тоже конечно есть, вместе с Орденом Мужества и Медалью за Отвагу. У них из целого отряда только два человека в живых остались, остальные погибли под завалами, немцы минировали здания, используемые для укреплений и штабов, и при отступлении взрывали их, чтобы не оставлять следов.

Голос замолчал.

В этот момент в конференц-зале появился Джонс.

– Простите! – вежливо извинилась Фрэй, – мне нужно отлучиться.

– Да конечно! – ответил Ганс и снова о чём-то задумался. Фрэй вышла из-за стола и направилась навстречу Джонсу.

– Где ты был? – спросила она его с явным негодованием.

– Я думала, мы побудем с тобой вдвоём, а пришлось вон с «штурбан фюрерами» зависать, – уже шёпотом пошутила про немцев Фрэя.

– Я на пол часа отрубился перед заездом в комнате отдыха для гостей, чтоб в дороге не мучаться, я всегда так делаю. Укачивает иногда на длинных равнинах, да и есть плотно посреди гонки не вариант вообще. А что у них так всё серьезно? – спросил Джонс про Ганса и Йозефа.

– Да потом расскажу, пойдём куда-нибудь, где нет никого.

И Фрэя, ухватив обеими руками Джонса за боковые складки комбинезона начала слегка толкать его назад по направлению к выходу. Джонс сделал несколько шагов назад, потом быстро развернулся на ходу, взял её за руку, и они вместе вышли из зала. Ганс и Йозеф остались сидеть вдвоём.

– **Was du sagen wirst, Joseph?**(«Вáсду зáгэн вирст, Йозеф?»), *Что скажешь, Йозеф?*

– **Was du willst, Hans? Damit ich aus ihrer Erzählung über die Großmutter irgendwelche Prognosen gemacht habe?**(«Вáзду вíльст, Ханс? Дáмит их áус ё́бо эцЭлун у́бя ди Грбóсмута игентвэльхе прогнóзэн гемáхт хáбэ?»), *Что ты хочешь, Ганс? Чтобы я из её рассказа про бабушку сделал какие-то прогнозы?*

– **Wir begannen noch nicht. Heute abend kann man die ersten Schlussfolgerungen machen.** («Вир бэгáнэн нохнúхт. Хбýтэ áбэнд канн манн ди úэстэн шлЮзфольгэрУхгэн мáх-

ЭН.» *Мы ещё даже не начинали. Сегодня вечером можно будет сделать первые выводы.*)

– Und wenn jemand von uns vom Letzten heute kommen wird?

(Ундвэн ёманд фон унс фом лЭцтэн хойтэ комэн вүүд?»,
А если кто-нибудь из нас сегодня придёт последним?)

– Es ist ausgeschlossen! Du willst dass mir sagen, was Dajmler-Benz und der Bayerische Motoren Werke, zwei mächtigsten Konzerne in der Welt einfach so untereinander vereinigt wurden, um diese Wagen zu entwickeln?

(Эс ист аусгешлосэн! Ду вильст дас мир зэгэн, вас Даймлер-Бэнц унд диа Байришэн Мотор Вёрке, цвай мэхтигстэн концёрн ин дúa Вэльт айнфах со унтайнандо вэрэйнигт вУдэн, ум дүзэ вагэнцу энцвүкэн?»,
Исключено! Ты что мне хочешь сказать, что Даймлер-Бэнц и Баварский Моторный Завод, два мощнейших концерна в мире просто так объединились между собой, чтобы разработать эти машины?)

– Oder wir trainierten umsonst mit dir jeden Tag? (Одер вир трэйни́тэн умзОнст мит дир еден Таг?»,
Или мы зря с тобой тренировались каждый день?)

– Uns ist dieser Sieg nötig! Mir ist dieser Sieg, Joseph nötig!!! Deutschland ist dieser Sieg nötig!!!(«Унс ист дүза Зиг нётих! Мир ист дүза Зиг, Ёзэф нётихг!!! Дойчланд ист дүза Зиг нётихг!!!»,
Нам нужна эта победа! Мне нужна эта победа, Йозеф!!! Германии нужна эта победа!!!)

– Ich weiß, Hans. Beruhige sich. Besser sage, was wir mit

dem Radioäther machen werden?(«Их вайсц, Ханс. Берунг-эзих. Бэсэрзээг, вас вир мит дЭм РадиоЭтэр махэн вЭадэн?»), *Я знаю, Ганс. Успокойся. Лучше скажи, что мы будем делать с радиосвязью?*)

– Und du meinst, was sie auf der englischen Sprache sagen werden?

(«Ундумайнст, ваз зи ауф дия Энглишэн шпрэхэ зэгэн вЭдэн?»), *А ты считаешь, что они будут говорить на английском?*)

– Dir ist es besser sofort, sie durch sie zu benachrichtigen.(Диа ист эс бэсэр зуфбоот, зи дурьх зи цу бенэхихтүгэн», *Тебе лучше сразу предупредить их через неё.*)

– Es ist nicht kulturell, Joseph, du verstehst?(«Эс ист ниht культурель, Ёзэф, фаштүст?»), *Это не культурно, Йозеф, ты понимаешь?*)

– Du bietest an, zu erwarten, wenn sie von erstem plötzlich beginnen werden, uns von den Manövers mit der russischen Rede im Radioäther in der Mitte des Rennens auf der hohen Geschwindigkeit anzugreifen?

(Ду бütэст эн, цу эвэгэн, вэн зи фон Эастэм плёцлих бегүнэн вЭадэн, унц фон дэн МанЁверс мит дэр рүсишэн ХрЭдэ им РэдиоЭтэ ин дия Мүтэ ди Рэнэнс ауф дия хбэн Гешвүндихкайт анцуграйфэн?»), *Предлагаешь дожидаться, когда они первыми начнут внезапно атаковать нас маневрами с русской речью в эфире посреди гонки на высокой скорости?*)

– Ihre sieben, unser allen zwei. Wir müssen möglichst lang zu zweit durchhalten.(«Ирхэ зүбэн, Унза áлен цвай. ВирмЮсэн мЁглих ланг цу цвайт дурьхальтэн», *Их семеро, нас всего двое. Нам надо как можно дольше продержаться вдвоём.*)

– Dazu bin ich als viele ihnen um vieles schwerer. Das System Anti der Vereisung des Körpers ist bei den superniedrigen Temperaturen in hundert fünfzig zusätzliches Kilogramm umgegangen. Dafür uns einzig heute, wer sich gönnen kann ist ruhig, im Winter in einer beliebigen Periode zu fahren.

(Дацу бин их альс фúле únэн ум фúлес швЭхга. Дас Зюст-эм Анти дэр фэрáйзунг ди Кёпас ист бай дэн зУпанúдриган тэмператúрэн ин Ундат фЮнфцих цУзэцдихьс кúлогр-эм Умгэгáмэн. ДафЮр унз áйнзих хóйтэ, вúа зúх гёнэ канн ист рУих, им Вúнтэ ин áйнэ бэлúбэгэн пэрибдэ цу фáрэн.»), *К тому же я намного тяжелей многих из них. Система Анти Обледенения Корпуса при сверхнизких температурах обошлась в дополнительных сто пятьдесят килограмм. Зато мы единственные сегодня, кто может позволить себе спокойно ездить зимой в любой период.)*

– Aber es auch die ständigen Stürme und die schlechte Sicht, der Freund.

(«Áба эс áух диа штЭндихэн штУрм унт диа шлéхт зихт, диа Фрбóнд.»), *Но это ещё и постоянные бури и плохая видимость, Приятель.)*

– **Nichts, mein Freund. Mercedes verspricht zu Ende der folgenden Saison das System des Momentultraschallscannens auf der Weite fünf Kilometer der superhohen Genauigkeit.**(«Ничтс, майн Фрбйнд. Мерс-Эдес фэршпрхт цу Эндэ дия фбльгендэн Зээн дас Зюстэм ди Момэнтультрашальсканэнс ауф дия Вайтэ фюнф Килбм-этэ дия зупархбэн Генáухкайт. », *Ничего, мой друг. Mercedes обещает к концу следующего сезона систему моментально-го ультразвукового сканирования на дальности пяти километров сверхвысокой точности.*)

– **Warum uns es, Joseph?**(«Варум унс эс, Ёзэф?», *Зачем нам всё это, Йозеф?*)

– **Wir sind die besten, Hans! Wir sind die besten!** («Вир зинд дия бЭстэн, Ханс! Вир зинд дия бЭстэн!» *Мы лучшие, Ганс! Мы лучшие!*)

ГЛАВА XIV. «САНАЭ IV – ст. Принцессы Елизаветы»

В 14:50 все пилоты начали собираться у выхода для того, чтобы занять места в кабинах своих сновигаторов. Немецкие пилоты вышли из коридора последними. Ганс, не останавливаясь, отделился от Йозефа и подошёл к основной группе. Зайдя со спины, он взял Фрэю за локоть и быстро сказал ей: «Извините, что отвлекаю вас, но мне необходимо обсудить с вами некоторые тонкости сегодняшней гонки».

Фрея развернулась, они отошли на несколько шагов в сторону от остальных и продолжили беседу.

– Слушаю вас!

– Вы хорошо понимаете, что по новым правилам, мы вместе должны держать эфир общим. Именно поэтому я и мой друг не хотим, чтобы всё, о чём мы с вами сейчас говорим было публично озвучено.

– Вы про переговоры в эфире на английском? – переспросила Фрея.

– Именно! Немецкая речь нам ближе, также как вам русская, поэтому я думаю, что так мы будем чувствовать себя раскрепощённой. Если речь зайдёт о безопасности при чрезвычайных ситуациях мы с вами сразу же можем перейти на общий для нас английский. Так зачем же утруждать себя напрасну?

– Согласна с вами! Я передам остальным.

– Благодарю вас и удачи вам в пути! – вежливо откланялся

Ганс и, надев свой гермошлем, вышел на стартовый полигон через главный выход, около которого его продолжал ждать Йозеф.

Фрея вернулась к остальным.

– Минуту внимания! – произнесла она, – значит, переговоры в эфире ведём на русском. Немцы не против. Если начнётся что-то экстренное, тогда переходим на английский.

– А они что, на своём шпрэхать будут? – возмущенно спросил Вэндэр.

– И с чего ты вдруг начала тут всё решать? – добавила Кэтрин, – ты уже не капитан, мы все теперь в абсолютно равном статусе!

– Действительно, Фрея! – сказал Хэлбокс, – такие вещи нужно согласовывать со всеми, а не решать их в стороне наедине с нашими конкурентами!

– А что вы только что опомнились?! – начала нервно оправдываться Фрея с некоторой обидой, – давайте я сейчас пойду, догоню их и всё верну, как было! И мы все будем сливать им нашу тактику в эфире на английском языке, не правда ли?!

Среди присутствующих наступило некоторое неожиданное и категорическое молчание. Аргументы Фреи оказались настолько убедительны, что спорить с ними было абсолютно бессмысленно. Все стояли молча, никто не мог вымолвить ни слова, усугубляя объективную логику.

– Ну, в общем-то да, – вдруг произнёс Вэндэр, – да и по-

нимать друг друга быстрее будем при повышенной нагрузке.

– Вот и не фиг было спорить! – утвердительно произнесла Фрэя, оставшись довольной тем, что еще раз доказала свою правоту среди остальных.

– А Ганс просто не хочет лишних проблем с командованием Программы, поэтому не стал говорить об этом открыто со всеми, – добавила она в конце.

– Ганс водит тебя за нос, – вдруг начал Хэлбокс, – это немцы, Фрэя, они хорошие расчетливые психологи и манипуляторы. Ты сама не заметила, как стала марионеткой в их руках и теперь играешь по их правилам.

– Да?.. Какой ты умный! – возразила Фрэя, – как ты можешь иначе себе представить их поведение среди нашей группы? Они должны были по-твоему потратить всё своё свободное время на общение с каждым из нас? Или по-братски так влиться в нашу компанию с глубокими искренними намерениями оставить нас с носом или же остаться самим в дураках?

Вокруг вновь воцарилось непоколебимое молчание.

– Ладно, я пошла! Продолжим в эфире. Всем удачи! – сказала Фрэя и вышла за дверь к полигону.

Через несколько минут в кабинах уже запущенных машин раздалось шипящее включение эфира и бодрый голос диспетчера произнёс: «Йозеф! Аксель! Фрэя! Ганс! Лу! Кэтрин! Хэлбокс! Джонс! Вэндэр! Начинаем по порядку! Включаю обратный отсчёт! Первым стартует Йозеф! Приготовились!

10,9,8,7,6,5,4,3,2,1,0 – GO!!!»

Бирюзово-белый «Juger Wolf» Йозефа с серебристыми полосами аэротрайблов по всему фюзеляжу вышел с «САНЭ IV», оставляя после себя два турбулентных закручивающихся сверху внутрь следа от сполохов снега, поднимаемого лыжами и попадающего в поток нагнетаемой инертной массы двумя ионными двигателями. За ним также продолжили остальные, завершал группу жёлто-красный «Girret Scuder» с чёрной структурной аэрографией.

– Фрэя, а они точно русского не знают? – первым послышался голос Вэндэра в эфире сразу же после старта с некоторым саркастичным любопытством.

Фрэя сначала не на шутку задумалась, осознав, что действительно не учла этот момент. Ей даже стало немного смешно в этот момент и она, не выдержав тихонько расхохоталась. Тоже самое произошло и с некоторыми из их группы, кроме разумеется Ганса и Йозефа, которые ничего не понимали в происходящем.

– Я не знаааю! – не сдерживая смех, продолжала, Фрэя, – что ты на станции сразу об этом не спросил?

Сделав паузу для того, чтобы успокоить смех, она продолжила.

– Сейчас по факту я могу делать выводы, опираясь на то, что сказал мне Фридрих в отношении новой миссии, которая, как и наше соперничество, являются случайным последствием недавних событий. Думаешь, они настолько сплани-

рованные люди, что заранее изучали русский, еще до нашей встречи?

– Ладно, я понял, проехали! – ответил он ей.

– А что ты уже планируешь серию тактических маневров? – спросила она его.

– Да нет, я просто хочу надрать им задницы, понимаешь?! Насколько такой режим переговоров в эфире может повлиять на уровень нашего дальнейшего общения? Они ведь могут обидеться!

– Я тут просто не в самой шикарной ситуации, болтаюсь в хвосте, а мне как-то непривычно и неудобно тянуться последним, если ты меня понимаешь! – продолжил он после некоторой паузы.

– Не переживай так, – ответила Фрэя, – это всего лишь психологический барьер спортивной очередности, смотреть в конце будут на время.

– Отлично! – негодовал Вэндэр, – у меня здесь перед глазами секундомер что ли для каждого включен или посмотреть больше некуда?! Девять человек – девять параметров, плюс за дорогой следы...

– Для этого и задумано! – отвечала Фрэя, – ты ничего лишнего не должен знать, просто грамотно и как можно быстрее веди машину по заданному пути, а там видно будет. Тебя же не убьют, в конце концов.

После некоторой паузы в эфире послышалась немецкая речь:

Ж) – Wie du denkst, worüber sie sagen, Hans? («Ви ду дэнкст, ворЮба зи зэгэн, Ханс?», *Как ты думаешь, о чём они говорят, Ганс?*)

H) – Worüber sie nicht sagen würden, es ist besser nicht, es im Äther, Joseph zu besprechen! Es ist noch schlechter, als nicht zu verstehen das Wesen ihrer Verhandlungen! («ВорЮба зи ниht заген вЮрдэн, эс ист бЭса ниht, эм им Этэ, Йозэф цу бищпрéхин! Эс ист нох шлэхта, алс ниht цу ферштún дас Вúзн úрхэ ФахándлЮэн!» *О чем бы они не говорили, лучше не обсуждать это в эфире, Йозеф! Это ещё хуже, чем не понимать суть их переговоров!*)

Ж) – Ich habe verstanden, Hans. («Их хаб фэрштáндн, Ханс.» *Я понял, Ганс.*)

Ж) – Hans?! («Ханс?!», *Ганс?!*)

H) – Ja, Joseph! («Яа, Йозэф!», *Да, Йозеф!*)

Ж) – Und du bist überzeugt, was niemand von ihnen den Deutschen weiß?!

(«Унд ду бист убэца́йкт, ваз нúманд фон ирхэ дэн Дбйчен вáйц?!», *А ты уверен, что никто из них не знает немецкий?!*)

H) – Ist überzeugt, Joseph! («Ист убэца́йкт, Йозэф!», *Уверен, Йозеф!*)

Ж) – Woher, Hans?! («Вóхиа, Ханс?!», *Откуда, Ганс?!*)

H) – Die Untersuchung, Joseph. In ihren Personalakten den Wort über das Deutsche. («Диа Унтозúхон, Йозэф. Ин ирхэ Пэсональáктэн дэн Вот úба дас Дбйче.» *Разведка, Йозеф. В их личных делах ни слова о немецком языке.*)

Д) – Ich habe verstanden, Hans! («Их хаб фэрштáндн, Ханс!»; *Я понял, Ганс!*)

Команда уже была на полпути к «Принцессе Елизавете», когда в эфире послышался голос Хэлбокса:

– Ну и как вам этот трёп?

– Ты о чем? – спросила Кэтрин.

– О немцах, – ответил Хэлбокс, – я тут как будто в немецкой подводной лодке очутился во время боевой атаки.

– Нормально рубят, мне понравилось! – вмешался Аксель.

– А, да, а мне нет, – ответил Хэлбокс.

– А что такое? – заинтригованно продолжила Кэтрин.

– А ничего такого! – огрызнулся Хэлбокс, – у меня вообще-то предки на войне погибли под Сталинградом.

– У меня тоже погибли, – сказал Аксель.

– У меня прабабушка вообще блокадница, – добавила Кэтрин.

– Да у всех тут кто-то погиб! Кончайте этот базар! – вмешался Джонс, – мы уже всё решили, ты предлагаешь им что, молчать всю дорогу? Сиди и слушай, может немецкий выучишь заодно! Я вообще в танке себя представил, даже несколько прикольно. А потом в самолете.

– А, так ты за немцев, гад?! Всё с тобой понятно! – никак не успокаивался Хэлбокс, в его голосе чувствовалась обида и сарказм.

– А я в детстве в военные шутеры постоянно за немцев играл, – мне что теперь повеситься? – добавил Вэндэр.

– Тебя вообще не спрашивают, – продолжал Хэлбокс, – мы с тобой потом разберёмся.

– А у меня сестра двоюродная в Германии живёт, – внезапно сказал Лу, который обычно никогда не вмешивался в беседу и отличался чрезвычайной скромностью и молчаливостью, – отличная страна, говорит, очень колоритная.

– К слову о войне, – начала Фрэй, – они оба – потомки ветеранов, реально участвовавших в серьёзных сражениях, в элитных войсках, в высоком звании, награжденных и выживших, вернувшихся домой.

В эфире наступила тишина, которая внезапно оборвалась.

– Это они тебе рассказали?! – жестко спросил Хэлбокс.

– Расслабься, а то ты щас там сам на войну уйдешь! – в приказном тоне ответила ему Фрэй.

– Да-да, как «бабка в кедах», – пошутил Вэндэр и заржал, издеваясь над Хэлбоксом.

– Да ладно вам хорошо! – сказал серьёзным голосом Джонс, – сейчас на эмоциях детских обид как раз им гонку и просрём все вместе!

– Ещё посмотрим, кто кого! – обиделся Хэлбокс.

Через полтора часа штурманбот сообщил о контрольной точке подхода.

– Снимай шинель, приехали! – произнес Джонс.

– Ага, выгружаемся по одному! – добавил Вэндэр.

– А кто-то пролетел! – ехидно начал издеваться Хэлбокс.

– Я даже подозреваю кто, – серьезно и печально сказала

Фрэя, – Аксель, ты какого хрена после меня пришёл?!

– Да всё короче, я что тут сейчас оправдываться буду или кто-то здесь не знает возможностей «Спектра»? – с обидой в голосе произнёс Аксель, – на нём не соревноваться надо, а в гости ездить – чай пить с девушками.

Сновигаторы заходили на полигон.

– Да я знаю, – с грустью продолжила Фрэя, – не переживай, это не твоя вина. Я слышал, Архип Великий планировал вообще его англичанам продать, чтобы самому с рестайлингом не заморачиваться и свои деньги в прокачку не вкладывать.

– Да знаю я, меня это больше всего и напрягает! Я бы лучше на прокаченном и покатался. Салон зашибись вообще, штурвал прикольно выполнен в центре виде руля, так удобней гораздо мне кажется.

– Что проиграл? Ха-ха-ха! – смешливо издевался Хэлбокс, заходя в финишный коридор.

– Успокойся Хэл, ты и мне проиграл! – серьезным голосом сказал Джонс, уже разворачиваясь на полигоне для парковки.

– Мне главное, что я успел! – замыкал финишную прямую Вэндэр.

– Итак! Йозеф первый, Ганс второй, Аксель выбыл, остальные в порядке стартовой очередности! Время 18:20, сверяем! Погода хорошая! Всех поздравляю и желаю успехов! Передаю вас «Елизавете»! Конец связи! – неожиданно

В бодром командном режиме прозвучал из эфира голос диспетчера САНАЭ IV.

ГЛАВА XV. СТАНЦИЯ «ПРИНЦЕССЫ ЕЛИЗАВЕТЫ»

Станция №90 «Принцессы Елизаветы» (Princes Elisabeth) Бельгия 69° ю.ш. 21° в.д. расположена на нунтаке «Утстейн» (Нуната́к (грeнл. – nunataaq) – полностью окружённый льдом скалистый пик, горный гребень или холм, выступающий над поверхностью ледникового покрова или горного ледника.) Земли Королевы Мод. Открыта 15 февраля 2009 года. Станция названа в честь Бельгийской принцессы Елизаветы, старшей дочери короля Бельгии Филиппа. Станция спроектирована, построена и эксплуатируется под эгидой организации Международного Полярного Фонда с штаб-квартирой в Брюсселе. Является первой полярной ба-

зой, объединяющей эко-стойкие материалы, использование чистой эффективной энергии, оптимизацию потребления энергии станции и разумных методов обращения с отходами.

Станция построены на горном хребте и может выдерживать сильные ветры благодаря своей аэродинамической форме и фундаменту, крепления которого достигают нескольких метров вглубь вечной мерзлоты.

«Станция Принцессы Елизаветы» была одной из самых продвинутых антарктических станций в архитектурно-дизайнерском направлении и имела широкую техническую и базу для работы в HSPNP (High Speed Polar Navigation Program) Программе Высокоскоростной Полярной Навигации со стартовым полигоном высокого уровня. Одним из факторов, повлиявших на это, являлось ее удачное местоположение в данном секторе антарктического материка.

Команду как всегда встретили и проводили к личным комнатам отдыха, после чего пригласили на ужин. В качестве проводника и администратора на станции из персонала был выбран Майкл Руж, наполовину француз наполовину англичанин. Высокий молодой человек в приталенном костюме и рубашке. На шее он носил оригинальным образом завязанный атласный шелковый платок с разноцветными сложными узорами. Худощавый, очень подвижный с выразительными манерами, он отличался тем, что очень легко и непринуждённо решал организационные вопросы. На отвлеченные те-

мы общался очень коротко и по существу.

Ужин был стандартным, но в тоже время и достаточно экзотичным. Салат с морепродуктами, бульон из устриц, на второе запеченная форель. Из стандартных шести видов чая и четырех видов кофе, также в постоянном доступе были три вида холодного морса. Внутренняя атмосфера на станции имела явно выраженное прогрессивное направление, успешно сочетающее в себе стандартный подход к деталям и удачное развитие геометрических форм стиля Hi-Tech. В целом обстановка на станции «Принцессы Елизаветы» выражала готовность в стремлении к развитию в областях развлечений, отдыха, спортивного туризма и бизнеса.

Во время ужина все пилоты вели себя на удивление раскрепощенно между собой. Ганс и Йозеф то и дело обменивались фразами с остальными пилотами, только Хэлбокс не разделял общей расслабленности и лёгкости в общении, но на это никто не обращал внимания. Наконец, когда все начали расходиться после ужина, он подозвал к себе Вэндэра:

– Послушай, – начал он, – нам надо поговорить!

– Что такое опять? – недовольно начал Вэндэр.

– Эти Ганс с Йозефом... С ними пора завязывать.

– А! Ты всё не успокоишься. Гитлеры по углам мерещатся?

– Я не шучу, – продолжил Хэлбокс, – эта ребятня слишком шустрая оказалась. Ганс обогнал Фрэю, у неё отличный сновигатор, «Space Shark» – одна из самых дорогих моделей!

Пофиг, что там немцы у себя на Мерседесе выдумали! Мы щас что, так и будем, как маленькие дети по очереди на станциях из гонки выходить?

– Подожди! Во-первых, ты не суетись! Машины у них действительно хорошие, я как-то и не сомневаюсь вообще, но насколько – это уже не имеет значения, выше головы не прыгнешь. То, что Фрэя пришла позже, не о чём вообще не говорит. Первый маршрут, практически гладкий и прямой без гор и ледников, все пришли со «своим» одинаковым временем. Ну, обогнал он её и что? Мы на скорость первый раз едем, а она пока не чемпион по скоростным заездам? Если мы начнём изо всех сил торопиться, то вполне вероятно повторение ситуации с Зордаксом. Тебя ведь предупреждали о разумном сочетании скорости и аккуратности, то есть в первую очередь о профессионализме прохождения препятствий и уровню исполнения маневров.

– Ты меня не понял, Вэн! Неудача Акселя с его «Спектром» меня мало интересует, но завтра эти немецкие ребята начнут вытеснять уже тебя и меня. Пойми, чем меньше нас с каждым разом, тем выше шансы на их окончательную победу. Ты собираешься просто так отдать им статус лидера? В таком случае ты можешь остаться без места в следующих миссиях.

– Хорошо! Что ты предлагаешь?

– Нужна тактика! Нужно чётко спланированное вмешательство в их структуру движения. Короче, смотри, что я

придумал... Их «Серый волк»...

– «Молодой Волк», – перебил его Вэндер.

– «Серый»... «Молодой»... – не важно. Короче мне кажется, что он тяжелее, чем второй.

– С чего ты взял? – переспросил Вэндэр.

– У него снизу дополнительные отсеки подо что-то стоят, скорее всего, под аккумуляторы, понимаешь. Ну, он же для экстремальных температур предназначен, вот и получается, что им нужна дополнительная энергия для обогрева корпуса от обледенения.

– Ну, допустим, и что? – ответил Вэндэр.

– Так вот... Время он своё сохранил, значит идет примерно так же, как и мы – с такой же скоростью, а второй явно быстрее. Чтобы им однозначно сохранить лидерство, надо, чтобы хотя бы один из них пришёл первым. Для этого придётся на некоторых дистанциях гнать изо всех сил, а второй будет практически наверняка подстраховывать первого на случай ошибки на высокой скорости, так как дальше никто маршрутов не знает. Если мы в начале гонки начнем вырваться вперед, частично используя форсаж, то они сразу прибегнут к этой тактике разделения, чтобы хотя бы один из них однозначно пришёл на финиш. Ты сам вообще понимаешь, о чём я тебе сейчас говорю?! С каждой следующей станцией их количество увеличивает шансы на победу. В конце на «Чан Бого» или даже на «Ленинградской» из расчёта два к одному они тебе устроят весёлое представление, в резуль-

тате чего один спокойно уйдёт вперёд, пока второй будет мешать тебе изо всех сил и всё! Победа их! Понимаешь?!

– И что теперь делать? – нахмурился Вэндэр.

– Что – что? Надо сделать с ними то же самое, только завтра. План простой. Мы начинаем вырываться вперёд, они разделяются и один тоже уходит вперёд, пока второй позади боится его «осторожной ездой». Перед самым финишем мы с тобой резко бьём по тормозам, ждём пока второй поравняется с нами и начинаем его подрезать с двух сторон одновременно. Я уверен, что это будет именно «Волк». Он естественно теряет скорость и как только покажется стартовый полигон, мы с тобой на остатках форсажа быстро финишируем перед ним. Мы легче, он тяжелее, его форсаж не такой динамичный на разгоне. Он приходит последним и выбывает, а дальше будем уже думать, что делать с другим на следующих дистанциях.

– Угу..., – задумался Вэндэр, – слушай, хороший план. Я, пожалуй, согласен.

– Да конечно! У нас вариантов других и нет вообще, плюс они на русском ничего не понимают. В режиме неожиданности должно сработать, точно говорю! Хорошо бы вот только ещё, чтоб завтра Ганс вышел раньше Йозефа, тогда точно всё получится.

– Давай завтра ещё посмотрим, что к чему будет после старта.

– Хорошо, Вэн. Может заскочим к Лу и он нам чего-ни-

будь сварит на сон грядущий?

И друзья направились в сторону комнат для гостей, не подозревая, что ждёт их завтра во время осуществления этого коварного плана.

Кэтрин и Аксель уединились как всегда в одной из своих комнат. Кэтрин была расстроена. Она понимала, что это была их последняя ночь вдвоём до конца миссии. Ей было обидно и тяжело одновременно. Она грустно уткнулась в плечо своего друга, лежа на диване в комнате.

– Что я буду теперь делать без тебя, Акс? – жалобно заныла она, как мячуют кошки, когда им грустно и хреново.

– Не расстраивайся, Кэт, прошу тебя! – ответил он ей, – это вопрос всего лишь какой-то недели, при условии, что ты всех обгонишь и придёшь первая.

И он обнял её ещё сильнее.

– Не хочу вообще с тобой расставаться, ни на секунду. Ты завтра проснёшься, а меня уже не будет, ты же всё равно завтра будешь долго спать?

– Да, – с довольной гордостью ответил Аксель.

– Соня! – шутливо передразнила она его.

– И всё-таки я не хочу расставаться! – продолжила она после некоторой паузы, – ты будешь по мне скучать?

– Конечно! – ответил Аксель, – давай спать уже поздно, а то мы так до полуночи проговорим, я тебя знаю. Завтра опять не выспишься и будешь злиться.

Они долго ещё разговаривали друг с другом, перед тем как

заснуть. На утро Кэтрин проснулась первой в 9:00 по расписанию вылета на предстоящий день. Аксель продолжал лежать в кровати лицом вниз, и что-то бормотал сквозь сон. Когда Кэтрин собралась она легла рядом, обняла его, и, запустив руку в его волосы, нежно поцеловала его в щёку.

– Ты на завтрак пойдешь? – прошептала она на ухо с достаточным риторизмом, но в то же время и любопытством.

– У-у, – отрицательно промычал сквозь сон Аксель.

– Люблю тебя, – прошептала Кэтрин напоследок, и ещё раз чмокнув Акселя в щёку, встала и вышла из комнаты.

ГЛАВА XVI. ДИСТАНЦИЯ «Ст.Принцессы Елизаветы – Моусон»

– Вас приветствует диспетчерская служба станции «Принцессы Елизаветы». Время 11:00. Протяжённость маршрута до станции «Моусон» восемьсот сорок четыре мили. Погодные условия вне экстремальных параметров. Пилоты выходят на старт в следующем порядке Лу, Джонс, Вэндэр, Ганс, Кэтрин, Йозеф, Фрэй, Хэлбокс. Начинаю отсчёт.

Через минуту, когда команда стартовала, в эфире послышался голос Хэлбокса:

– Вэн, переходи на второй – надо «перетереть».

Вэндэр переключил радиоканал.

– Слушаю, говори!

– Ну что, всё отлично, по-моему. Отсортировали нас в те-

му! Я прямо сейчас же начну обгонные манёвры! Ты пока жди, а я ещё Фрэю подстегну, ну и Кэтрин тоже! Уверен, Ганс сразу зашевелится!

– Подожди, Хэл! А как я смогу остаться с тобой на завершающей стадии?! У меня тридцать секунд времени уходят. Мне это не нравится!

– Это не значительное отставание! Пойми, сейчас у нас реальная возможность, потом такого случая не будет! Начнём зажимать его в конце, и ты сразу увидишь, что там отставание по времени будет минимум на две – три минуты. Да какие три?! Начнём за сто миль ровно и он уже ничего не сделает! Просто встаём вплотную и не даём прохода. Уходит в сторону и ты туда же. На последних десяти милях резко уходим на форсаже. И пусть он там в рацию хоть что угодно кричит, пришёл последним – до свидания! «Ауфидазэйн!», как у них говорят. Всё, давай возвращаемся на основной канал. Ты прогу Хомякскую загрузил?

– Да! Не дурак! – ответил Вэндэр.

– На этом канале?

– Да, как всегда, ты же знаешь!

– Она тоже может пригодиться! Ну всё, погнали! Смотри и наслаждайся!

Хэлбокс вернулся на прежнюю частоту эфира и выдавил левый рычаг тяги до упора, запустив форсаж кнопкой. След от его движков изменился с синего на светло бирюзовый с жёлто-белым окончанием сгорающей форсажной смеси. Его

«Progressor» резко рванул вперёд и устремился за следующими по курсу. Буквально через одну минуту он поравнялся с Фрэй.

– Жми на газ! – крикнул ей он по рации.

– Ты что с ума сошёл?! – ответила она ему.

– Жми, потом расскажу! Сейчас ровная дистанция без препятствий, как и прошлый раз, иди на форсаже, пока не выгнешь пол бака смеси! Мне нужно создать иллюзию обгона для наших немецких коллег!

– Это ещё зачем?! – поинтересовалась Фрэй.

– Ты что тупая?! – рассержено закричал Хэлбокс, – я щас тебя в хвосте оставлю, ты уже последняя!

– Что ты там опять мутишь, Хэлбокс?! – строго спросила Кэтрин.

– Тебя это тоже касается! – ответил он.

– Нука объясни?! – продолжила она.

– Надо, чтоб вы живо «булками пошевелили» на форсаже, пока пол бака не останется.

– Зачем это всё?!

– У нас с Вэндэром появился план, как одного немца на «Моусоне» высадить.

– Так, допустим, и что вы придумали, почему раньше не сказали?

– Да не важно, просто от вас требуется временное ускорение по прямой.

– Так он тоже включит! – продолжала она.

– Он не включит!

Сновигатор Хэлбокса начал приближаться к «Junger Wolf».

– В смысле? Откуда ты знаешь?! – удивленно продолжала Кэтрин.

– Да неоткуда не знаю! Просто временно ускорься, сложно что ли?! – начал нервничать Хэлбокс.

– Зачем мне форсажную смесь выжигать, она мне на финише пригодится?!

– Половину выжгешь, у тебя на финиш всё равно останется! Давайте уже, девочки! Устал вас уговаривать, дело-то плёвое совсем, пока прямая ровная! Я буду по радару вас отслеживать и, если не моя игра пойдёт, сразу дам команду на отбой!

Хэлбокс поравнялся с Йозефом на боковой дистанции в полмили.

– Ладно, смотри, мужик не наделей тут нам ерунды!!! – жёстко произнесла Кэтрин и выжала свой форсажный акселератор. «Принц Фазтона», имеющий довольно серьёзные характеристики тяговых усилий ионных силовых установок начал рвать воздух пронзительным свистом форсажной струи. Фрэн также последовала её примеру. Её система на форсаже выдавала более высокие аккуратные звуки и по тону и по частоте.

– **Hans, hier provozieren drei russischen ich auf die Extrabeschleunigung offenbar, was du denkst?** («Ханс, хúa

провоцирэн драй рүсишэн их ауф диа экстрабишленигун офэнбá, вас ду дэнкст?»), Ганс, тут трое русских меня явно провоцируют на форсированный рывок, что думаешь?)

– Ja, ich sehe sie auf dem Radar, sie planen etwas offenbar. Wir werden zum klassischen Schema greifen: ich gehe ins Regime der erhöhten Geschwindigkeit über und ich eile voraus, du sicherst mich. Die Karte meiner Reiseroute wird dir im Regime der realen Zeit gesendet. Wir werden anschauen, dass sie zu machen werden weiter sein. Die Extrabeschleunigung wirst du, immer aufzunehmen dazukommen, und, es ununterbrochen näher zum Ziel du ausbrennend wirst du die maximale Trägheit zusammennehmen. Den Wettkampf mit ihnen betritt nicht. Aller Wahrscheinlichkeit nach, sie rechnen darauf eben. Es ist die Zeit notwendig, um zu verstehen. («Яа, их сүэ зи ауф дэм Рáдар, зи плáнэн этвáс офэнбá. Вир вЭадэн цум клáсишэн шЭма грайфэн: их гúa инс Регúмэ дúa эрхútэн Гешвúндихкайт úба унд их Эля форáус, ду зихéостэ мих. Дúa Кáтэ мáйнэ Резóутэ вúад дúa им Регúмэ дúa реáльн Цáйт гэзЭнд-эт. Вир вЭдэн аншáувэн, дас зи цу мáхен вЭдэн вáйтэ зáйн. Дúa Экстрáбишленигун вёст ду, úма áуфцунимэн дацúком-эн, унд, эс унúнтэброхэн нúa цум Цúэль ду аусбрЭнэнд вёст ду дúa мáксимáль ТрЭгхайт цузамэннúмэн. Дэн вЭткaмпф мит úна бэтрúт нúхт. Áли Вашáйнлихкайт нах, зи рáйхнэ дарáуф Эбэн. Эс ист дúa Зáйт нóтвэндик, ум цу фэрштúэн.»), Да, я вижу их на радаре, они явно что-то замышляют. При-

бегнем к классической схеме: я перехожу в режим повышенной скорости и ухожу вперёд, ты подстраховываешь меня. Карта моего маршрута транслируется тебе в режиме реального времени. Посмотрим, что они будут делать дальше. Форсаж ты включить всегда успеешь, да и, выжигая его непрерывно ближе к финишу, ты наберешь максимальную инерцию. В перегонки с ними не вступай. Скорее всего, они на это и рассчитывают. Нужно время, чтобы понять.)

– **Ich habe verstanden, Hans.** («Их хаб фэрштáндн, Ханс.») *Я понял, Ганс.)*

Сновигатор Ганса начал динамично ускоряться и уходит вперёд всей гонки. Через несколько минут он уже обгонял Вэндэра на форсаже.

– Похоже, твоя схема сработала, – сказал он Хэлбоксу, – немец пошёл на обгон.

– А куда бы он делся! – ответил довольный Хэлбокс.

Через несколько минут послышался голос Джонса.

– Так, а мне что теперь делать? Он у меня на хвосте! Уже приближается!

– Оставь его! Пусть уходит вперёд! Мы на это и рассчитывали!

– Да... Ну смотри, ладно, – спокойно ответил Джонс.

Ганс планомерно выжигал форсажную смесь, упорно занимая самую выгодную позицию между первым и вторым гонщиком. На случай, если вдруг на пути возникнет совсем уж что-нибудь из ряда вон выходящее. Не догнав Лу, при-

мерно на мило, он выключил форсаж и продолжил гонку в прежнем режиме. Полотно снежной поверхности маршрута радовало своей гладкой равномерностью.

– Joseph, mich hat die Stellung gleich am Anfang genommen. Wir setzen fort, sich in diesem Regime zu bewegen. Wenn es zweihundert Meilen bis zum Ziel übrig bleibt, versuche, das leichte Manöver der Beschleunigung bis zu einem beliebigen ersten Rennfahrer zu begeben. Wir werden anschauen, was geschehen wird. («Йозэф, мих хат дúa Штэлун гляйх ам Анфан гэнómэн. Вир зЭцин фо, зих ин дúзэм Регúмэ цу бэвúгэн. Вэн эс цвáйхундэот Máйлэн бис цум Цúэль úбрих бляйбт, фэзúха, дас лáйхт МанЮвэ диа Бэщлэнинг бис цу айнэм бэлúбэгн úэстэн Рэнфáро цу бегúэн. Вир вЭдэн аншáвэн, вас гешúэн вúад.»), *Йозеф, я занял позицию в самом начале. Продолжаем двигаться в этом режиме. Когда останется двести миль до финиша, попробуй совершить лёгкий маневр ускорения до любого первого гонщика. Посмотрим, что произойдёт.*)

– Ich habe verstanden, Hans. («Их хаб фэрштáндн, Ханс.»), *Я понял, Ганс.*)

Теперь очередность гонки выглядела следующим образом: впереди шёл Лу, за ним Ганс, далее Джонс и Вэндэр, его догонял Хэлбокс, за ним Кэтрин и Фрея. Самым последним, не меняя темпа, шел Йозеф.

– Ну, вот мы и снова вместе! – послышался радостный голос Хэлбокса.

– Поздравляю! Какое счастье! Что дальше делать будем? – ответил Вэндэр с напряжённым сарказмом в голосе.

Их сновигаторы поравнялись. Боковая дистанция между ними составляла около пятидесяти метров, поэтому они могли спокойно разглядеть друг друга сквозь стёкла кабин.

– Ничего пока. Двигаемся дальше и всё. Пока ещё рано.

– Ага! Хитрожопый ты, Хэл! Сейчас как фигня какая-нибудь случится, я в такой позиции по времени самый последний и останусь.

– Почему вдруг?! – возмущенно возразил Хэлбокс, – у тебя ещё «Йозеф на Волке» также позади без изменений! Так что всё по-честному, как и договаривались!

– Ладно... – вздохнул Вэндэр.

Прошло около пяти часов. Поверхность маршрута и погодные условия не изменялись. До окончания пути оставалось около двухсот миль. Внезапно Йозеф плавно прибавил форсаж и начал ускоряться.

– **Ich beginne das Manöver, Hans.** («Их бэгүнэ дас МанЮвэ, Ханс.» *Начинаю маневр, Ганс*), – произнес он коротко в рацию.

– **Ich folge auf dich, Joseph!** («Их фбльгэ ауф дих, Йозэф!»), *Я слежу за тобой, Йозеф!*) – ответил ему тот.

Кэтрин и Фрэя шли на расстоянии одной мили друг за другом, когда сновигатор Йозефа подозрительно и осторожно начал подползать всё ближе и ближе, постоянно уменьшая разрыв между ними в пределах нескольких сотен мет-

ров. Расстояние до финиша безжалостно сокращалось, теперь оно составляло около ста восьмидесяти миль. Внезапно в эфире послышался тревожный голос Кэтрин:

– Послушай, ты, умник! – жёстко начала она, обращаясь к Хэлбоксу, – у меня тут на хвосте серьёзный тип появился из соседней бригады! По-моему ему не понравилось наше выступление в начале гонки, и он чего-то явно от нас хочет! Мы с Фреей вдвоём, а до финиша практически рукой подать! Ты ничего не хочешь ему объяснить?! Что там с твоим планом «Барбаросса»?!

– Всё в порядке! Всё под контролем! Без паники! Я понял! – начал Хэлбокс, – Смотри, что сейчас делаем... Как только он приблизится к тебе, начинайте вместе заново уходить вперед на максимальном форсаже! Только делайте это резко и вводите свои машины в сторону на одну милю. Меня интересует расстояние до финиша в сто – сто пятьдесят миль. На манёвр у вас уйдёт около десяти минут. Как только расстояние сократится, мы с Вэндэром начнём снижать скорость. Вы сразу уйдёте вперед без риска на безопасной боковой дистанции от нас. Дальше мы им займёмся.

– Ну ладно, хорошо, давай! – ответила Кэтрин, – только смотри, если сейчас что-то пойдёт не так, я вам, ребята, вместе с этим бодрым чуваком покажу всю мощь и силу своего «инопланетного монарха» и за Фрэю, если что потом, вы мне тоже ответите!

– Давай-давай, всё отлично! Уходите с направления в сто-

рону и можете быть свободны! Мы ждём!

– Фрэя, слышишь меня?! Давай, как только он подойдёт ко мне вплотную! Уходим вправо и жгём на всю катушку!

– О.к.! Я поняла!

Йозеф начал обгонять Фрэю. Напряжение нарастало всё сильнее. Когда до Кэтрин оставалось чуть меньше трёх сотен метров, она скомандовала ей:

– Давай сейчас!

Обе машины начали маневрировать с серьёзным ускорением. Йозеф продолжал двигаться в заданном режиме, не меняя курса.

– **Hans, sie entfernen sich auf die Extrabeschleunigung zu zweit und irgendwohin gehen weg. Ich nichts verstehe bis. Auf was rechnen sie? Was bei mir die Extrabeschleunigung zu Ende gegangen ist?** («Ханс, зи энтфэанэн зих ауф дия Экстрáбищлэнингун цу цвай унд Эргентвогун кúэн вэг. Их нихтс фэрштúа бис. Ауф вас рáйнэн зи? Вас бай мир дия Экстрáбищлэнингун цу Энда гигáнэн ист?», *Ганс, они удаляются на форсаже вдвоём и куда-то уходят. Я ничего не понимаю пока. На что они рассчитывают? Что у меня свой форсаж закончился?*)

– **Ruhig, Joseph! Wenn auch weggehen hole nicht ein tausche den Kurs nicht. Sie haben sich mit uns offenbar entschieden, zu spielen. Also musst du dich bemühen, mein Freund! Die Geschwindigkeit stürze nicht, wie ging als auch gehe. Bei dir jetzt die Geschwindigkeit etwa hundert fünfzig**

– hundred siebzig Knoten so? («Руйхь, Йозэф! Вэн аух вэ-
гиэн хóу нихт айн тóушэ дэн Курс нихт. Зи хабэн зих мит
унс офэнбá энчүдэн, цу шпүлен. Альзо муст ду дих бемЮ-
эн, майн Фрöйнд! Дúa Гешвүндихкайт штүцэн нихт, виг ин
альз аух гúa. Бай дир ецт диа Гешвүндихкайт Этва хундаат
фЮнфцих – хундаат зүбциг Кнóбын зо?», *Спокойно, Йозеф!
Пусть уходят не догоняй и не меняй курс. Они явно решили
с нами поиграть. Чтож, тебе придётся постараться, мой
друг! Скорость не сбрасывай, как шёл так и иди. У тебя
сейчас скорость порядка сто пятьдесят – сто семьдесят
узлов, так?*)

– Hundert sechzig fünf, Hans. («Хундаат зЭхцих фюнф,
Ханс.»), *Сто шестьдесят пять, Ганс.*)

**– Kaum wirst du dich auf hundert Meilen nähern,
nimm die Extrabeschleunigung auf Maximum auf, und
versuche, die Geschwindigkeiten von der Mechanisierung
des Antiflügels hinzuzufügen. Balanciere von ihm, so
kompensierst du das Gewicht. Sei aufmerksam, du musst
den Wagen festhalten, um vorwärts nicht umgewandt zu
werden!** («Кáум вёст ду дих ауф хундаат Мáйлен нéа, ним
диа Экстрáбишплёнингун ауф Максúмум ауф, унд фезúха,
диа Гешвүндихкайт фон диа Михянизúрун дэс ЭнтафлЮг-
эс хинцүцуфюгн. Бáлансúa фон им, зо компэнзúэст ду дас
Гевúхт. Сэй áуфмекзам, ду муст дэн Вáгэн фэстгáльтэн, ум
фóвэтс нихт úмгэванд цу вЭдэн!», *Как только приблизишь-
ся на сто миль, включай форсаж на максимум, и попробуй*

прибавить скорости механизацией антикрыла. Балансируй им, так ты компенсируешь вес. Будь внимателен, тебе нужно удержатъ машину, чтобы не перевернуться вперед!)

– **Ich habe verstanden, Hans!** («Их хаб фэрштáндн, Ханс!», *Я понял, Ганс!*)

Через десять минут Хэлбокс и Вэндэр стали резко сбрасывать скорость, до финиша оставалось сто сорок миль. Кэтрин и Фрэя поровнялись с ними:

– Ну что же, желаю удачи! – сказала Кэтрин.

– Тихо всем! – ответил Хэлбокс.

Ещё через минуту они стали сближаться с «Югер Вольфом» Йозефа на расстоянии видимости.

– Теперь, Вэн, держись как можно плотнее ко мне, – сказал Хэлбокс, – как только он начнёт уходить в твою сторону, то маневрируй туда же, только чуть дальше и притормаживай сильнее. Нам нужно делать определённый угол из наших машин, в который он будет попадать, как в ловушку, и задерживать его так, чтобы он не обогнал нас со стороны.

В этот момент Йозеф уже по реакции начал сбрасывать форсаж и замедляться, чтобы в создавшейся непонятной ситуации не врезаться на нём впереди идущие сновигаторы.

– Смотри, его скорость уже падает, – сказал Хэлбокс, – сейчас твои пол минуты нагоним, а ты беспокоился.

Йозеф попытался совершить маневр в другую сторону, – произошло тоже самое, только наоборот. Машины перестроились, теперь отставать стал Хэлбокс, не давая возможности

на обгон по своему боковому флангу. К тому же скорость продолжала падать и достигла ста узлов, что ещё более затрудняло такие маневры.

– Hans! Ich Scheine hat verstanden, dass sie beabsichtigt haben. Mich jetzt haben «ins Schloss» genommen und zwingen, die Geschwindigkeit zu verringern. Sie wollen mich zum Ziel, und später so zuführen, auf der Extrabeschleunigung vorausseilen. («Ханс! Их Шáйнэ хат фэрштáндн, дас зи бЭабзихдихт хáбэн. Мих ецт хáбэн инс шлós генóмэн унд цв́инен, диа Гешв́индихкайт цу фэр́унэн. Зи вóлен мих зум Циэль, унд шп́Это зо цуф́Юрэн, ауф диа Экстрáбишлэ́нингун форáусайлен.»), *Ганс! Кажется я понял, что они задумали. Меня сейчас взяли в «замóк» и заставляют снижать скорость. Они хотят таким образом подвести меня к финишу, а потом уйти на форсаже вперёд.*)

– Ich habe verstanden, Joseph! Welche bei dir jetzt die Geschwindigkeit?

(«Их хаб фэрштáндн, Йозэф! Вéльхе бай дир ецт диа Гешв́индихкайт?», *Я понял, Йозеф! Какая у тебя сейчас скорость?*)

– Hundert Knoten, aber die Geschwindigkeit fällt. («Ундаат Кнóбын, áба д́уа Гешв́индихкайт фЭ́льт!», *Сто узлов, но скорость падает.*)

Н) – Ausgezeichnet, Joseph! Es handelt sich darum, dass sie die für solche Fälle speziell entwickelte Konstruktion unserer aerodynamischen Flügel nicht berücksichtigt haben

und verstehen sie etwas der Luftdynamik wirklich nicht. Fürchte nicht, verringere die Geschwindigkeit bis zu fünfzig – siebzig Knoten und versuche, vom Handrad zu spielen, du sollst fühlen. Auf solcher Geschwindigkeit, von Seitenaerodynamik sehr schwer wegen der niedrigen Intensität des entgegenkommenden Stroms der Luft zu manövrieren, und du wirst die Macht des Stroms ihrer Ionenmotoren, gerichtet in deine Seite verwenden. Heftig gehe aus dem Schloss hinaus und halt die Extrabeschleunigung auf Maximum! Aller soll sich ergeben. («Аусг-эцайхнэт, Йозэф! Эс хандэт зих дарум, дас зи диа фюр зольхе фЭле шпеццель энтвүкельтэ конструкторион үнзэхга эродиниамичэн ФЛЮгэ ниht берүкзихтихт хабэн унд фэрштэндн зи этвас диа Люфтдинамик вүрклих ниht. Фюйхтэ ниht, фэрүнэ диа Гешвүндихкайт вис цу фЮнфзих – зүбцих Кнбын унд ферүхэ, фом Сэйтэаэродиниамик зүа швЭа вЭгин дүа нүдригэн интэзитЭнт ди энтгүгэнкомэндЭн Стромс диа Луфт цу манёврүрэн, унд ду вест диа Махт ди Стромс үрэ ёбнэнмоторэнг, герүхтэт ин дайнэ Сэйт фовЭндэн. Эфтах гиа аус дэм Шлос хинаус унд халт дүа Экстрабишленингун ауф Максимум! Али сол зих эгүбэн.»), *Отлично, Йозеф! Дело в том, что они не учли специально разработанную для таких случаев конструкцию наших аэродинамических крыльев и они кое-что действительно не понимают в воздушной динамике. Не бойся, снижай скорость до пятидесяти – семидесяти узлов и попробуй поиграть штурвалом, ты дол-*

жен почувствовать. На такой скорости маневрировать боковой аэродинамикой очень тяжело из-за низкой интенсивности встречного потока воздуха, а ты будешь использовать мощность потока их ионных двигателей, направленную в твою сторону. Резко выходи из замка и держи форсаж на максимуме! Всё должно получиться.)

– **Ich habe verstanden, Hans!** («Их хаб фэрштандн, Ханс!», Я понял, Ганс!)

Прошло пять минут.

– Слушай, он действительно снижает скорость, всё получилось, как ты и говорил, – весело начал Вэндэр.

– Да, даже как-то подозрительно. О чём-то там поговорили между собой и никакой реакции – ответил Хэлбокс, – чтож, нам же лучше. Подождём ещё немного и начинаем стартовать до финиша. Скорость упала до шестидесяти, ехать ещё сто двадцать миль. Почему он молчит и ничего не делает, зараза? Может решил сдаться? Внимательно следи за ним, Вэн!

Ещё через пять минут «Junger Wolf» внезапно включил Форсаж и резко начал маневрировать.

– Держи его! – закричал Хэлбокс в рацию.

– Я не успеваю перед ним уводить машину в сторону, не хватает бокового руления! – закричал в ответ Вэндэр.

– Переходи на педали! Рули движками!

– Ага, думаешь так просто?! У меня быстро не получится! – кричал Вэндэр, переключая режимы управления, –

Поздно!

– А как он так шустро вырулил? У нас же скорость одинаковая была!

– Откуда я знаю?! Что делать теперь?! – беспомощно кричал Вэндэр.

Йозеф, буквально вырвался из «захвата» и начал планомерно разгонять свою машину, оставляя сновигатор Вэндэра позади.

– Включай форсаж немедленно! Надо его как-нибудь задержать! – суетливо кричал Хэлбокс в рацию.

Оба сновигатора рванули за набирающим скорость «Молодым Волком».

– У нас есть ещё возможность всё исправить! – продолжал кричать Хэлбокс в эфир, подрезая его сбоку.

– Ты же говорил, что у него динамика разгона низкая! – беспомощно вопрошал Вэндэр.

– Я имел в виду стартовую, а не общую на скорости! Я не знал, что он на ста двадцати милях до финиша вырвется! Мы начинать должны были на сотне. Это Кэтрин во всём виновата, вечно начинает панику!

– Заткнись там, слышишь?! Борзый очень стал! – послышалось в рации, – наделал делов и давай теперь... Кэтрин у него во всём виновата... Не, ну ты действительно придурок, Хэлбокс! Зачем тебе вообще всё это нужно было?! Сейчас вам немец устроит там «Чудеса на виражах»!

А Йозеф тем временем тоже был не на шутку напряжен.

Всё его внимание было направлено на манёвры соперников по сторонам и динамику набора скорости на форсаже.

– Hans, bei mir es sich ergab, ich wurde aus "dem Schloss" ausgerissen. Ich beschleunige unter Ausnutzung der hinteren Mechanisierung. Denke sie werden versuchen, zur Taktik des Stützens von verschiedenen Seiten zu greifen.

(«Ханс, бай мир эс зих эгáб, их вурдэ аус «дем Шлос» аусгерёсэн. Их бэшлĕйнигэн унтó Ауснутзу диа ýнтэрэ Михянизíрун. Дэнке зи вЭдэн ферухэн, цуá Тáктик дэс Штúценс фон фэршúдэнэн Зáйтн цу граýфн.» *Ганс, у меня получилось, я вырвался из «замка». Набираю скорость с использованием задней механизации. Думаю они попытаются прибегнуть к тактике подрезаний с разных сторон.*)

– Ich gratuliere, Joseph! Jetzt die ganze Sache in unseren Trainings nach dem Manövriren mit dem Schutz vor den Seitenangriffen. Bei dir bis zum Satz Maximums der Minuten fünf. Wenn auch diese Variante probieren werden, wenn ihnen die Geschwindigkeit ausreichen wird.

(«Их градулúрэ, Йозэф! Ецт диа гáнцэ Зáхэ ин ýнзэрэн ТрЭйникс нах дэм Манёврúрэн мит дэм Шуц фо дэн Зáйтэнáнгруфэн. Бай диа бис цум Зац Máксимус диа Минúтэн фюнф. Вэн аух дúэс Вариáнтэ пробúрэн вЭдэн, вэн ýнэн диа Гешвúндихкайт аушпрЭхэн вúад.» *Поздравляю, Йозеф! Теперь всё дело в наших с тобой ежедневных тренировках по маневрированию с защитой от боковых атак. У тебя до набора максимума около минуты. Пусть попробуют этот вариант, если у них*

хватит скорости.)

В течение нескольких минут Хэлбокс и Вэндэр тщетно пытались хоть как-то вытолкнуть Йозефа с дистанции, но на наборе скорости с максимальным форсажем и компенсацией веса задним антикрылом «Junger Wolf» оказался гораздо более резвым, чем они рассчитывали. Все усугублялось еще и тем, что Йозефу удалось вырваться вперёд на выходе из «замка» и все боковые атаки пришлось выполнять, догоняя его сзади с более низкой инерцией движения, что гораздо затрудняло выполнять правильный угол захода на подрезание. Ещё через минуту стало объективно понятно, что план полностью провалился. «Junger Wolf» развил максимальную скорость и на двухстах узлах приближался к финишу.

– Ну и что мне делать теперь?! – раздосадовано кричал Вэндэр в рацию.

– Да успокойся ты, не имение же проигрываешь! – пытался хоть как-то сгладить ситуацию Хэлбокс.

– «Отлично» вообще! Просто «потрясающе»! – продолжал Вэндэр.

– Да кто-нибудь всё равно бы проиграл! Чего теперь об этом спорить?

– Давай тогда жди минуту после того как я финиширую! – начал жаловаться Вэндэр.

В этот момент в эфир вмешался ещё один русскоязычный незнакомый голос.

– Вы вообще можете не финишировать! Поражение всё

равно признают за Вэндэром! Или вы диспетчера за идиота принимаете?! Или, по-вашему, никто на радар не смотрит и не слушает, о чём вы говорите в эфире?

– Простите, а это кто? – спросил Хэлбокс осторожным голосом.

– Центральная Диспетчерская, станция «Восток»! Фамилию назвать?! – послышался жёсткий ответ.

– Да-нет, спасибо, я всё понял, – ответил Хэлбокс.

Вдали показались огни станции «Моусон», команда начала свой финиш.

ГЛАВА XVII. СТАНЦИЯ «МОУСОН»

Станция №52 «Моусон»(Mawson) Австралия 67^0 ю.ш. 63^0 в.д., расположена на побережье моря Дейвиса Индийского океана между Землей Эндербери, через которую проходил маршрут, и Землей Кемпа. Была открыта 13 февраля 1954 года на Земле Мак-Робертсона и получила своё название в честь Дугласа Моусона, австралийского геолога, исследователя Антарктики, автора трудов по геологии и гляциологии. Землю Мак-Робертсона в 1930-1931 годах посетила экспедиция Моусона. Позже она стала частью Австралийской Антарктической территории, однако, после договора 1961 года, большинство стран так и не признало территориальные притязания Австралии. Климат на станции Антарктический от 0^0 – в январе и от -18^0 – в июле.

В 17:30 члены группы уже стояли в холле, когда внутри станции с полигона зашли Йозеф и Ханс. Они шли, разговаривая о чём-то между собой, и весело посмеивались:

– **Ja, Hans! Es war prima! Erwartete von den Russen solcher Überraschung nicht.** («Яа, Ханс! Эс ва прúма! Эвát-этэ фон дэн Рúшэн зóльхен Убярáшн нихт.», *Да, Ханс! Это было здорово! Не ожидал от русских такого сюрприза.*)

– **Du warst unwiderstehlich, Joseph! Gegenwärtig «Wolfrager»!** («Ду вáрст унвидаштéлихь, Йозэф! Гéген-вáтих «Вольфрáгингер» », *Ты был неотразим, Йозеф! Настоящий «Варяг в волчей шкуре»!*)

Вэндэр стоял с опущенной вниз головой, абсолютно обескураженный и подавленный. Ему было не только обидно, что он проиграл, имея явные преимущества в начале гонки, но и стыдно перед немецкими пилотами за достаточно подлый, как он чувствовал, и бессмысленный поступок. Хэлбокс сидел неподалёку, держа в руках гермошлем, и что-то бормотал себе под нос. Он был злой как собака. Его раздраjala досада за Вэндэра, ведь он теперь остался без лучшего друга до конца миссии, а немецкие пилоты продолжали вызывать в нём неопишемую ярость и злобу.

Йозеф подошёл к группе и протянул Вэндэру руку в качестве рукопожатия.

– Хочу поздравить вас! – продолжил он, обращаясь к нему, – вам действительно удалось загнать меня в тупик во всех смыслах. Я получил массу острых впечатлений!

– Мы тоже очень рады, что вам понравилось! – саркастично и уступчиво ответила Кэтрин, стоявшая рядом, с некоторой издёвкой, скорее над собой, чем над немцами, и добавила уже на русском, – «Приходите еще»!

Фрэя с Джонсом были также озадачены ситуацией, но еле сдержались, чтобы не рассмеяться над её клоунадой. Вэндэр без видимого энтузиазма пожал руку Йозефу, извинился и пошёл в одиночестве к себе в номер «плакать да горевать».

Немцы явно были довольны собой и тем, что в возникшей непредвиденной ситуации доказали свой уровень профессионализма и технической готовности своих машин.

Команда разошлась на отдых перед ужином. Фрэя и Джонс вновь получили возможность остаться вдвоем. Лу не стал влезать в чужие проблемы, чтобы не вызывать лишней агрессии. Кэтрин на этот раз более остро ощутила дискомфорт от того, что теперь осталась одна. Хэлбокс вообще не находил себе места, но всё-таки даже те, для кого впечатления от пребывания на станции «Моусон» впервые оказались слабее собственных негативных чувств, нашли в себе силы и мужество пережить их и появились к ужину в достойном нравственном настрое и хладнокровном спокойствии. К тому же окружающая обстановка несколько не уступала по уровню предыдущим станциям, а напротив добавляла позитива многочисленными 3D снимками пейзажей австралийских саван во всю стену и поражали своей реалистичностью. Кухня, в том числе, не отличалась от предыдущей.

За ужином Фрэя как бы невзначай обратилась к Йозефу.

– Йозеф, вы поведаете нам, как вам удалось обойти наших горе-стратегов? Так сказать, поделитесь с нами опытом. Подробности того, что они хотели сделать, я сегодня уже выслушала от одного из них.

– Конечно, мне не составит труда объяснить вам тонкости этого приёма, тем более что дело не только в технике управления, но и, не в меньшей степени, конструкции наших машин.

– А вас, я смотрю, нисколько не возмутило то, что наши пилоты без предупреждения вступили с вами в ожесточенную схватку?! – внезапно вмешалась Кэтрин в их диалог.

– Кэт! Какая муха тебя укусила?! – протестно возразила Фрэя.

– Да ладно, расслабься! Может мне тоже захотелось попытать удачу, только вот скрытая внезапность не мой конёк! Я люблю честную и открытую схватку!

– Что вы предлагаете?! – с внезапной заинтересованностью, но очень спокойно спросил Ганс.

– По-видимому, личную дуэль! Я против вас двоих! – твёрдо ответила Кэтрин.

– Кэт, ты серьезно?! – начала паниковать Фрэя.

– А что такого?! Мы сегодня итак с тобой чуть не ввязались в эти приключения без всяких предупреждений! И мне может тоже понравилось! Я хочу продолжения!!! – заявила она, действуя с явной провокацией.

– А что конкретно вы имеете в виду, говоря о дуэли? – с той же непоколебимой серьёзностью продолжил Ганс.

– Завтра мы выходим на станцию «Прогресс» через шельфовый ледник Эймери. Нам всем известно, что шельфовые ледники полны сюрпризов: это ледяные сдвиги, разломы и тому подобное. Лучшего препятствия для быстрой езды не найти! Что скажете, если я предложу вам пройти его втроём на время? Тем более, что это вписывается в рамки общих правил!

– Ну что же... – ответил Ганс, – желание женщины, да ещё такой смелой как вы, достойно уважения, но что мы будем делать с остальными пилотами? Ведь риск разбиться в экстремальных условиях никак не должен повлиять на общие стандарты заезда по отношению к остальным! Как вы предлагаете обойти фактор очерёдности?

– Довольно просто! – продолжила Кэтрин, – независимо от стартовой очерёдности, мы будем ждать друг друга по ту сторону ледника с готовым результатом прохождения, пропуская оставшихся к финишу. Когда же мы дождёмся третьего, то просто сравним результаты, ну а проигравший просто зайдёт на финиш с реальным опозданием, чтобы выбыть из общего заезда.

Ганс и Йозеф ненадолго задумались.

– Хорошо! – ответил Ганс, – ваши условия приняты! Завтрашнюю гонку проиграет тот, кто из нас троих покажет худшее время на леднике! Результатом будет считаться время

между входом в зону ледника и выходом оттуда по сигналу штурманбота о прохождении контрольных точек.

Наступила гробовая тишина, все сидели в некотором шоке от происходящего, да и в некотором смысле момент был действительно грандиозный. Впоследствии он даже вошёл в историю проекта Полярной Навигации, как первый случай официального международного личного вызова!

Уже возвращаясь вдвоём в свои комнаты после с ужина Йозеф начал диалог:

– Höre, Hans, und dich hat sich mit der Lösung nicht beeilt? («Хёрэ, Ханс, унд дих хат зих мит диа Лёзун нихт биальт?», *Послушай, Ганс, а ты не поторопился с решением?*)

– Die Lösung wird gefasst, Joseph! Es darf man nicht aufheben! Ich weiß, dass dich beunruhigt... Mir gefällt nicht, wenn jemand beginnt «, die Musik in der Mitte der allgemeinen Heiterkeit aufzunehmen». Aber verstehe, heute – für uns zu verzichten bedeutet, morgen zu verlieren. Zweimal, Joseph, sie die Frau gegen uns zwei Männer zu verlieren?! Mit welcher Person du dich im Begriff bist, zur Frau und den Freunden heimzukehren?! Dazu, Joseph, mir scheint, und ich werde mir es gönnen, zu sagen, aber bei ihr ist der innere hysterische Anfall offenbar. Solche Lösungen in den ähnlichen Zuständen, unüberlegt zu übernehmen, so, sie geht auf das ungerechtfertigte Risiko einfach. Es ist dennoch, was, von des Felsens in den Abgrund zu fallen.

(«Диа Лёзун виад гефа́ст, Йо́зеф! Эс даф манн ни́хт ауфх-Эбэн! Их вайтс, дас дих боунру́йхт... Мир гефа́льт ни́хт, вэн ёманд бегу́нт «диа Музу́к ин диа Му́тэ диа альгема́йнен Хай-така́йт ауфцуну́мэн». А́бэ фэшт́аа, хой́тэ – фюр унс цу фе́-ци́хтн бэдóйтэт, мо́ргэн цу фелу́рэн». Цва́ймаль, Йо́зеф, зи диа Фрау гЭ́гэн унс цвай мЭ́на цу фелу́рэн?! Мит вЭ́льхе Пе́сон ду дих им Бегру́ф бист, цуа Фрау унд дэн Фро́йндэн хаймцуку́рэн?! Дацу́, Йо́зеф, мир ша́йнт, унд их вЭ́дэ мир эс гЕ́нэн, цу за́гэн, а́бэ бай иа ист диа ина́рэ хистЭ́риш Ан-фа́ль о́фэнба. Зо́льхэ Лёзун ин дэн энлу́хэн Цуштáндэн, унь-убелу́хт цу убэну́мэн, зо, зи гэт ауф дас у́нгэрихтфе́хихтэ Ризико́ а́йнфах. Эс ист дэно́х, вас, фон фЭ́эльсэ́нс ин дэн Аб-гру́нд цу фа́лен.» *Решение принято, Йозеф! Его нельзя отменить! Я знаю, что тебя беспокоит... Мне самому не нравится, когда кто-нибудь начинает «включать свою музыку посреди общего веселья». Но пойми, отказаться сегодня – для нас значит проиграть завтра. Проиграть дважды, Йозеф, она женищина против нас двоих мужчин?! С каким лицом ты собираешься вернуться домой к жене и друзьям?! К тому же, Йозеф, мне кажется, и я позволю себе это сказать, но у неё явно внутренняя истерика. Такие решения в подобных состояниях принимать необдуманно, а значит, она просто идёт на неоправданный риск. Это всё равно, что падать со скалы в бездну.)*

– Aber, Hans, in diesem Fall fliegen wir zusammen mit ihr in diesen Abgrund auch. («А́бэ, Ханс, ин д́изэн фал флу́-

ген виа цузámэн мит úа ин дúзэн Áбгрудн áух.»), *Но, Ганс, в таком случае вместе с ней в эту бездну летим и мы с тобой.*)

– Man muss es unter anderem Winkel, Joseph sehen. Sie macht es unbewusst, ohne jede Berechnung, und wir, auf unserer Erfahrung und dem Professionalismus gegründet worden. Die Erfahrung und der Professionalismus, Joseph! Das Plus das Niveau und die Zuverlässigkeit der Technik. Das alles gibt in der Regel das beste Ergebnis zusammen. Was du über sie Snowigator sagen wirst? («Ман мюс эс ўнта андэрЭм Вúнкель, Йозэф зúэн. Зи махт эс ўнбэвúст, ўна ёдэ Берúхнун, унд вир, ауф ўнзэра эрфáрун унд дэм Профэсионалúсмус гэгрúндэт вóдэн. Дúа Эрфáрун унд диа Профэсионалисмуc, Йозэф! Дас Плюс дас Нúву унд дúа Цúфэле-сихкайт диа Тéхник. Дас áлес гíбт ин диа рúэгель дас бЭстэ Эгúбнэс цузámэн. Вас ду ўбя зи Сновигатор зáгэн вёст?»), *Надо смотреть на это под другим углом, Йозеф. Она делает это неосознанно, без всякого расчёта, а мы, основываясь на нашем опыте и профессионализме. Опыт и профессионализм, Йозеф! Плюс уровень и надёжность техники. Всё это вместе даёт, как правило, лучший результат. Что скажешь про её сновигатор?*)

– Der gute Wagen, Hans, gerade es gefällt mir nicht! Die sehr mächtigen und räumlichen Kraftanlagen, die Durchmesser schnaufte grösser als bei uns, die Extrabeschleunigung kann hören es für ein Paar Meilen,

es ist interessant, dass dort innen. Mir gefällt ihr Wagen, solche exzentrisch, wie auch sie wirklich nicht. («Диа гүтэ Вáгэн, Ханс, герáдэ эс гефáльт миа нихт! Ди зиа мЭхтигэн унд рóймлихэн Кра́фтанлáгэн, дин дЮрхмэссэ шна́уфтэ грЁссэ, альс бай унс, диа Экстра́бищлэ́нингун канн хЁрэн эс фюр айн Па Ма́йлэн, эс ист интэрэса́нт, дас дорт únэн. Мир гефáльт иа Вáгэн, зóльхэ эксцЭ́нтриш, ви аух зи вЁк-лихь нихт.»), *Хорошая машина, Ганс, именно это мне и не нравится! Очень мощные и объёмные силовые установки, диаметры сопел больше, чем у нас, форсаж слышно за пару миль, интересно, что там внутри. Мне действительно не нравится её машина, такая же эксцентричная, как и она.*

– Ja, es kann Problem werden. Gut, wir werden anschauen, dass dort morgen mit dem Wetter und der Folge, aber auf jeden Fall, Joseph, das Herangehen professionell keiner Emotionen und der Panik sein soll!

(«Яа, эс канн Проблём вЭдэн. Гут, вир вЭдэн аншауЭн, дас дот мóргэн мит дэм вЭтэ унд Фóльгэ, áбэ ауф ёдэн Фаа, Йозэф, дас Хера́нгиэн прóфэсэ́нэль кáйнэ Эмоциóнэн унд диа Па́ник зайн золь!»), Да, это может стать проблемой. Ладно, посмотрим, что там завтра с погодой и очередностью, но в любом случае, Йозеф, подход должен быть профессиональный никаких эмоций и паники!

ГЛАВА XVIII. ДИСТАНЦИЯ «МОУСОН – ПРОГРЕСС»

На следующее утро подъём сыграли по обыкновению в девять часов. После завтрака команда приготовилась к выходу и в 10:40 по команде «По местам, приготовиться к старту!» пилоты вышли группой и рассредоточились по полигону. Группа техсопровождения убирала последние трапы от уже запустившихся машин, когда в эфире прозвучал голос диспетчера.

– Приветствую всех на маршруте «Моусон – Прогресс»! Вам предстоит пройти расстояние в триста тридцать миль, из них сто восемьдесят миль до шельфового ледника Эймери, и сто пятьдесят миль по самому леднику. Время в пути вам ориентировочно ограничено до трёх часов, поэтому если сегодня до полудня погода не изменится, то вам придётся совершить сразу два непротяжённых маршрута. Берегите силы, они вам могут ещё потребоваться! Ваша очередность старта на сегодня следующая: Фрэнк, Ганс, Лу, Кэтрин, Хэлбокс, Йозеф, Джонс. Интервал между стартами двадцать секунд, потом отсчёт запускается заново, можете выходить на стартовую прямую.

– Ну что... Я думаю очерёдность приемлемая, а значит всё в силе, как и договаривались вчера, – продолжил Ганс в эфире.

– Всё именно так, как и договаривались! – сразу же отозвалась Кэтрин.

– Тогда поехали! Всем удачи! – сказал Ганс.

В одиннадцать команда начала стартовать. Все пилоты планомерно шли друг за другом в той же последовательности. Никто даже не собирался предпринять обгонных манёвров, так как всем было понятно, что сегодня на этом маршруте определённо выйдет один из трёх участников вчерашнего пари. Через час на скорости в сто пятьдесят узлов пилоты начали входить в зону ледника, постепенно снижая её до ста узлов в зависимости от сложности рельефа.

– Не переживай, Кэт! Всё будет хорошо! – подбодрила её Фрэн, после сигнала штурманбота.

– И я о том же подумала! – ответила она.

Кэтрин уже смирилась с тем, что может произойти с ней на этой дистанции. Её не столько даже удручало отсутствие Аксея и неудачи товарищей, сколько вся эта возня вокруг немецкой группы. Она всерьёз считала, что проделки Хэл-бокса стали причиной того, что миссия пошла не в то русло, изменив общую тактику, и сейчас она будто была спровоцирована всем этим на решительные действия с её стороны! «Была – не была!» – подумала она про себя и начала ускоряться.

Ледник не заставил себя долго ждать. Сразу же после вхождения в его зону начались ледяные сдвиги и разломы, чередуясь друг за другом, как ступеньки различной высоты и уровня. Оценив расстояние, Кэтрин сразу пошла на крайние меры и включила форсаж. Её сновигатор взметнулся вперёд и даже немного приподнялся на дыбы. Такого мощно-

го драйва на машинах типа HSPS ещё никто не испытывал! Не обращая внимания на сильные вертикальные удары при приземлении, она устремилась вперёд, влетая, как на трамплине при прохождении каждого препятствия, едва успевая оттолкнуться от края предыдущей плоскости заснеженного льда.

К её счастью подвеска её машины была довольно несложной по конструкции, но достаточно грубой по чувствительности, поэтому спокойно переносила серьёзные нагрузки при столкновении общего веса с поверхностями в высокоскоростном режиме. Основным было вовремя подать правый рулевой штурвал на заднюю механизацию, чтобы при скачке резко приподнять сновигатор передней частью вместе с лыжами над краем проходимого пласта. Скорость на форсаже, да ещё и с интервалами в прыжках росла критически. Иногда Кэтрин еле успевала приземляться, как сразу же приходилось прибегать к вертикальному рулению, поэтому она рассчитала приблизительную среднюю скорость, ко-

торая не превышала ста двадцати узлов. Фрэн, как и другие члены группы однозначно решили не отвлекать свою напарницу по команде в столь ответственный и напряженный момент, поэтому эфир продолжал молчать. Ганс и Йозеф тоже никаких переговоров между собой не вели. Полнейшая тишина в эфире с экстремальным напряжением на высокой скорости превращались в какой-то адский гипноз. С каждым новым ударом сновигатора при приземлении грохочущий шум подвески становился всё сильнее и отчётливее, вызывая волнение и страх перед вероятностью возможной поломки. Действительно, исходя из объективных норм пилотирования, такой экстремальный стиль прохождения препятствий с высокой скоростью никто бы из руководства программы не одобрил. Но Кэтрин понимала, что именно такие негативные мысли станут основным препятствием для её победы, и продолжала удерживать ускорение.

Внезапно отрезок разломов закончился, и началась длинная равнина. Прошло около двадцати минут. Кэтрин вышла на открытую местность и начала разгоняться ещё сильнее, используя любую возможность выжать максимум из своей машины. На расстоянии трёх миль впереди на горизонте показались самые сложные участки местности: смесь низких холмов, снежных дюн и сдвигов ледниковых пластов, образующих в некоторых местах цепь ледяных лабиринтов, высотой порой достигающих десяти метров. Матрица возникающего впереди ландшафта на цифровом экране ультразвуку-

кового сонара теперь была бесполезна. Её дальность не превышала видимых границ возникающих впереди объектов. Кэтрин начала сбрасывать скорость, чтобы войти в первый вираж, огибая снежную дюну, её сновигатор занесло, и она врезалась правой лыжей в сугроб, подняв огромный столб снега. Удар был сильный, но сбавлять скорость она даже и не думала. Около получаса её заносило то влево, то вправо, ударяя, цепляя и чуть ли не переворачивая. Кэтрин неслась как сумасшедшая, не обращая внимание на стуки, удары и риск перевернуться на каждом повороте. Внезапно в эфире начались тревожные переговоры на немецком. Кэтрин изо всех сил старалась удерживать скорость на ста двадцати узлах, выходя на неизвестные ей области ледника практически на удачу, с высокой вероятностью разбиться насмерть выполняя новый вираж. На такой скорости до выхода из зоны ледника ей оставалось около десяти минут. Сновигатор Ганса на радаре шёл впереди, не изменяя интервала между ними. Переговоры немецких пилотов периодически повторялись с нарастающей интенсивностью агрессией и беспокойством голосов. На горизонте показалась бескрайняя снежная равнина.

– Наконец-то! – подумала Кэтрин, не на шутку умаявшись, – если и проиграла, то не так уж и важно по сравнению с тем, что осталась цела!

Штурманбот сообщил о прохождении контрольной точки выхода. Кэтрин изменила курс по направлению к сновигато-

ру Ганса. Когда до него оставалось чуть меньше полмили, она снизила скорость до пятидесяти узлов, проверила временной интервал между контрольными точками на сенсорном экране бортового компьютера и произнесла в рацию на английском:

– Ганс, моё время один час двадцать пять минут, шестнадцать секунд и три десятых!

– Моё время, – ответил сухо Ганс, – один час двадцать три минуты, ну а сотые и десятые не так важны. Вы проиграли мне, Кэтрин! Вы проиграли мне и можете спокойно следовать до финиша, а мне предстоит вернуться и помочь Йозефу, так что победа за вами. Это была честная гонка! Я специально дождался вас здесь, чтобы сказать вам об этом. Встретимся на «Прогрессе», конец связи.

ГЛАВА XIX. ТРИДЦАТЬЮ МИНУТАМИ РАНЕЕ

Йозеф покинул зону разломов ледника, впереди начиналась более сложная часть прохождения маршрута. Вести в эфире хронометраж движения, для того, чтобы хоть как-то синхронизировать гонщиков между собой, было отклонено немецкими пилотами сразу же ещё до старта, так как это в любом случае забирало драгоценный ресурс внимания, которое было необходимо полностью направить на профессионализм пилотирования во время гонки. Маршрут Ганса, сле-

довавшего впереди транслировался на монитор внутри кабины сноувигатора Йозефа с точностью до нескольких метров, оставалось только следовать за ним лыжня в лыжню. Но на высокой скорости Йозеф, как ни старался, а всё равно не мог также заходить в повороты из-за большего веса и, как следствие, другой инерции своей машины. Он продолжал пилотировать сноувигатор с хладнокровным спокойствием, не обращая внимания на постоянные помехи в управлении, так как его машину было очень тяжело вывести из заносов на проложенном его напарником маршруте из-за многочисленных поворотов с большим количеством боковых восхождений на дюны и резкими обрывами вниз. При падении с них, хоть и в снежную массу, «Juger Wolf» серьёзно вяз и тонул, глубоко зарываясь в снег лыжами и заметно теряя скорость. Ситуация со сканированием ландшафта ультразвуковым сонаром была такой же, что и у остальных.

На одном из виражей, чтобы сократить дистанцию, Йозеф решил отклониться от заданного Гансом маршрута, вышел с его лыжни, огибая холм с другой стороны, и на скорости в сто десять узлов налетел на массивный ледяной выступ, диаметром около полуметра и метр высотой. Это был характерный часто встречающийся в таких местах осколок от сдвига ледяных пластов при сезонном изменении климата. От удара сработала сигнализация аварийной системы безопасности, информационные бортовые экраны замигали ярким светом с надписью «Alarm!», сопровождающиеся пери-

одическим отрывистым и резким звуком сирены. Йозеф моментально сбросил тревогу системы безопасности и вывел общую диагностику сновигатора на основной монитор, продолжая движение и не сбрасывая скорость. На мониторе в общей схеме систем и фюзеляжа яркочерным цветом мигала правая передняя часть подвески. Это уже являлось катастрофой практически наполовину. Йозеф немедленно начал переговоры в эфире.

– Hans! Hans, die Aufnahme! Bei mir die ernste Panne! Ich weiß nicht, was zu machen! («Ханс! Ханс, дия Ауфнámэ! Бай мир дия Эрнстэ Пánэ! Их вáйтс ниht, вас цу máхэн!», *Ганс! Ганс, приём! У меня серьёзная авария! Я не знаю, что делать!*)

– Wie es geschehen ist?! («Ви эс гешún ист?», *Как это произошло?!*)

– Ich drang in den Eisblock ein. Das Notsystem hat über «die Überschreitung der zulässigen Kraft des Schlages» angesprochen, die Diagnostik führt die Beschädigung der Vorderelektrohydraulik der Aufhängung von der rechten Seite vor. Die sichtbaren Beschädigungen beobachte ich nicht, die Arbeit bei der Bewegung bis analysiere ich, ich gehe nach der ebenen Oberfläche, die Geschwindigkeit verringere ich nicht! («Их дранг ин ден Áйсблок айн. Дас Нотзюстúm хат úбя «дия Убяшрáйдун дия цулязихэн Крафт ди Шлагс» áнгэшпрóхэн, дия Диагностúк фЮат дия Биш-Эдигун дия Фордэлэктроудрáулик дия АуфЭнун фон дия

рэйхтн Зайтэ фо. Диа зихтбэрэн БишЭдигунгэ бэобъахтэ их нихт, диа Арбайт бай диа Бювигун бис анализирэ их, их гéа нах диа убэнэн Обафлэхе , диа Гешвндихкайт форунхэ их нихт!», *Я врезался в ледяную глыбу. Аварийная система сработала о «Превышении допустимой силы удара», диагностика показывает повреждение передней электрогидравлики подвески с правой стороны. Видимых повреждений не наблюдаю, работу при движении пока не анализирую, иду по ровной поверхности, скорость не снижаю!*)

– **Setze die Bewegung, Joseph fort.** («Зэцэ диа Бэвигун, Йозэф фот.») *Продолжай движение, Йозеф.)*

Йозеф по-прежнему шёл по тому же курсу, который проложил Ганс. Лёгкая пурга постепенно заносила её, но отставание в десяток минут позволяло легко разглядеть следы на поверхности снега. Было не понятно, что на самом деле произошло с механизмом подвески. Она работала также, как и раньше, без стуков и запаздываний. Йозеф решил, что возможно от удара произошёл сбой в электронных системах управления и продолжил жёсткий штурм препятствий на высокой скорости. Внезапно на очередном вираже при боковом вертикальном толчке от лёгкого удара правой лыжи о поверхность снега ситуация повторилась: аварийная система сработала, включив сигнализацию. Йозеф, снова выполнил все предыдущие действия, как и ранее и начал докладывать Гансу о происходящем.

– **Höre, Hans, mir scheint, dass immerhin etwas außer**

Betrieb erschien. Das System der Sicherheit hat die Schwelle der Sensibilität der Sensoren des Schlages bei der Landung heftig verringert. («Хёрэн, Ханс, мир шайнт, дас имахун Этвас аусэр Бэтрúb эрщун. Дас Зюстум диа Зихайт хат диа Швэль диа ЗэнзибилитЭд диа Сэнзбрэн дэс Шлэгэс бай диа Ландун хэвтáх форúнат.»), *Послушай, Ганс, мне кажется, что всё-таки что-то вышло из строя. Система безопасности резко снизила порог чувствительности датчиков удара при приземлении.*)

– Wenn nur sich es der periodisch entstehende Abhang im Elektrosystem oder dem Steuersystem nicht erwiesen hat. Solches kann wegen der mechanischen Beschädigungen der Umschaltung und der ganzen Leitung insgesamt geschehen. Du hörst keine nebensächlichen Klopfen nach der Karosserie? («Вэн нуа зих эс диа перибдишь енштЭндэн Áбхан им Электрозюстум бдэ дэм Штёязюстум нихт эрвáй-зэн хат. Зóльхэс канн вЭгэн диа мехáнишэн БишЭдигунгэн диа Умшáльтун унд диа гáнцэн Лáйтунг инсгезáмт гешúен. Ду хёрст кáйнэ нúbензэхлихь Клóпфэн нах диа Карóсэрú.»), *Лишь бы это не оказался периодически возникающий обрыв в электросистеме или системе управления. Такое может происходить из-за механических повреждений коммутации и всей проводки в целом. Ты не слышишь никаких посторонних стуков по кузову?*)

– Den nebensächlichen Lärm in solcher Kabine ist es sehr schwierig, überhaupt zu unterscheiden, du weißt selbst, die

lautliche Isolierung wie auch das ganze Übrige wurde auf der Grenze des Zulässigen erfüllt. («Дэн нúbэнзэхлихь Лéам ин сóльхэ Кобúнэ ист эс зиа швúрихг, убаúпт цу унтэршáйдн, ду вайцт зэцт, диа лЯутлихь изолúрун ви áух дас гáнцэ úбри-го вúрдэ ауф диа ГрЭнцо дэс цулязихэн эрфЮльт.»), *Посторонние шумы в такой кабине вообще очень трудно различить, ты же сам знаешь, шумоизоляция как и всё остальное выполнялась на пределе допустимого.*)

– Ich bedauer, Joseph, aber ich kann dir nichts empfehlen, außer, wie die Bewegung fortzusetzen. («Их бедáуа, Йозэф, áбэ их кан дир ниxтс эмпфúлен, áутсэр, ви диа Бевúгун фóцузЭцн.»), *Сожалею, Йозеф, но я не могу тебе ничего посоветовать, кроме как продолжать движение.*)

– Ich habe verstanden, Hans. Wir werden hoffen. («Их хáбэ фэштандн, Ханс. Вир вЭдэн хóффэн.»), *Я понял, Ганс. Будем надеяться.*)

Йозеф решительно добавил форсажа, выйдя на прямую. Скорость достигла ста тридцати узлов. Впереди распростерлась высокая ледяная стена как застывшая волна во время восьмибального шторма в океане. Необходимо было уйти по следам налево, чтобы обогнуть этот впечатляющий своей красотой ледяной массив, до стены оставалось около трёх миль. Поверхность была достаточно ровной для прохождения на высокой скорости, за исключением небольших кочек из снега, нанесённых пургой. Возможно на одной из таких кочек, а может быть и по другим естественным причинам, но

сновигатор Йозефа вдруг резко рухнул вниз в правую сторону с характерным глухим стуком, из под фюзеляжа вверх вылетели обломки, сновигатор затормозил правой стороной, его резко развернуло и понесло прямо на ледяную волну со скоростью двухсот пятидесяти километров в час. Йозеф сразу схватился левой рукой за рычаг аварийного катапультирования, а правой продолжал держать штурвал. В эфире раздался крик.

– Hans! Bei mir hat die Aufhängung abgerissen! Mich trägt auf der Geschwindigkeit gerade auf den Felsen! Es gibt keine Varianten der Rettung! Ich verliere Gewalt über das Fahrzeug! («Ханс! Бай мир хат диа АуфхЭнунг абгэризин! Мих трЭгт ауф диа Гешвúндихкайт герáдэ ауф дэн Фэльзэн! Эс гибт кáйнэ ВариЯнтэн диа рЭтун! Их ферлúрэ Гевáльт úбя дас Фáкзойг!», *Ганс! У меня оторвало подвеску! Меня несёт на скорости прямо на скалу! Вариантов спасения нет! Не справляюсь с управлением!*)

– Welche Distanz bis zum Zusammenstoß! Du kannst den Wagen aufsparen?! («Вэльхе Дúстанц бис цум Цузáмэнштоз! Ду канст дэн Вагэн ауфшпáрэн?!», *Какова дистанция до столкновения! Ты сможешь сохранить машину?!*)

– Alles ist schlecht, Hans! Ich kontrolliere die Situation nicht! («Алэс ист шлихт, Ханс! Их контролúрэ диа зитуациЁн ниht!», *Все плохо, Ганс! Я не контролирую ситуацию!*)

– Katapultiere sich! («Катапультúрэн, зих!», *Катапультируйся!*)

Внутри кабины «Juger Wolf» происходил настоящий ад. Кнопки и приборы моргали, экраны то мигали, то выключались, то загорались вновь. Система безопасности разрывалась на части от звука сирены. В лобовое стекло на огромной скорости то и дело прилетали какие-то массивные порывы ветра и снега от пурги. Йозеф из последних сил тщетно пытался хоть как-то выровнять и затормозить тяжёлую машину штурвалом, но времени было мало, элементы управления не подчинялись, уже итак плохая видимость становилась всё хуже. Йозеф дёрнул на себя рычаг катапультирования, произошёл двойной громкий хлопок пиропатронов. С первым оторвалось и улетело назад лобовое стекло кабины, со вторым – Йозефа вместе с сидением выкинуло из сновигатора, подкинув вверх метров на пятнадцать. В тот самый момент, когда Йозеф достиг высоты, произошли ещё сразу шесть таких же хлопков с характерным белым следом от внутренних запалов в разные стороны. Снаряды пиропатронов на высоте мгновенно надули парашют типа «Тандем» оранжевого цвета. Все произошло в короткое мгновение, с очень впечатляющим по-своему содежанию и технической подготовке скоростным драйвом. Йозеф приспокойно в течение нескольких секунд опустился на снег, пока его машина летела куда-то в невидимую от поднятого снега даль, смешавшись с пургой. Удара, как и взрыва не последовало.

– Hans! Ich katapultierte mich erfolgreich! Mit mir alles in Ordnung! Mit dem Wagen denke ich auch, die Explosion

war nicht. («Ханс! Их катапульти́эт мих эфóльграйх! Мит мир áлес ин Óртнун! Мит дэм Ва́гэн дЭнке их аух, диа экс-пльозибн вар нихт.»), *Ганс! Я удачно катапультировался! Со мной все в порядке! С машиной думаю тоже, взрыва не было.*)

– Diese Hauptsache, Joseph! Du der Prachtkerl! Halt sich, ich werde bald heranzufahren. Die Evakuierung vom "Fortschritt" schon im Weg. («Дúзэ Хáупщаха, Йозэф! Ду диа Пра́хткел! Хальт зих, их вЭрдэ бáльд херанфáрэн. Диа Иваку́рун фом «Фóтсшрит» шон им Вэг.»), *Это главное, Йозеф! Ты молодец! Держись, я скоро подъеду. Эвакуация с «Прогресса» уже в пути.*)

Йозеф отстегнул от себя кресло пилота, сидение которого автоматически отскочило во время расхлapyвания парашюта. Он прошел около мили, пока обнаружил свой сновигатор, глубоко зарывшийся в снег. От столкновения с ледяной скалой его отделяло несколько десятков метров. «Повезло!» – подумал он с досадой за свою разбитую машину.

Продираясь по сугробу, он залез в кабину. Сквозь снег продолжали мигать

лампочки и кнопки панели управления. Йозеф очистил от снега основную консоль и, прикрыв голову рукой, ударил по большой красной кнопке ладонью. Мощный хлопок разорвал отсек аварийного бую, подбросив кучу снега в разные стороны, который затем собственно и обсыпал Йозефа в кабине. Вверх взметнулся снаряд и, разорвавшись на высоте

десяти метров, надул гелием мигающий перевернутый куб оранжевого цвета. Передняя часть сноувигатора была полностью зарыта в снегу, как собственно и отсек для инструментов, где находилась лопата.

«Придётся ждать, пока приедет Ганс!» – подумал Йозеф.

Правую лыжу оторвало от передней опоры стойки амортизатора и на скорости развернуло назад. Характерный рваный шов был виден в месте крепления её к опоре. От сильнейшего удара между плоскостью и стойкой образовалась трещина в узле крепления и при жёстких продолжительных нагрузках на высокой скорости узел просто развалился, остальное сделала механическая физика ударов при крушении. Йозеф решил не рисковать, чтобы его ко всему случившемуся ещё не сбили на скорости в пургу, и вместо того, чтобы идти забирать кресло, парашют и стекло кабины, остался сидеть на месте крушения, дожидаясь сужбу эвакуации и Ганса. Система обогрева комбинезона пилотов поддерживала температуру комфортного жизнеобеспечения внутри него в зависимости от изменения внешней температуры.

«Ничего! – подумал он, – нет худа без добра! Зато теперь мы ещё раз на практике проверили систему катапультирования в настоящих экстремальных условиях, и она превосходно работает!»

ГЛАВА XX. СТАНЦИЯ «ПРОГРЕСС»

Станция №65 «Прогресс» (Progress) Россия 69^0 ю.ш. 76^0 в.д. была открыта 1 апреля 1989 года в оазисе Холмы Ларсманн(англ.) на берегу залива Прюдс. Климатические условия здесь из-за особенностей орографии (отдел физической географии, изучающей рельеф земной поверхности, горы) менее суровы по сравнению с ближайшими береговыми станциями. Декабрь – самый теплый месяц, июль – самый холодный.

Все пилоты, кроме Ганса и Йозефа уже были на стан-

ции. Ожидая их, диспетчеры не передавали финишировавших пилотов друг другу. Эвакуационная группа представляла собой двух спасателей и одного инженера, которые выдвинулись со станции на гусеничном вездеходе с прицепом сразу же после получения сигнала о бедствии от ведущего диспетчера. Длина маршрута до места аварии составляла двадцать восемь миль, а скорость вездехода не превышала восьмидесяти километров в час, поэтому о скором возвращении немецких пилотов не могло быть речи. Ситуация была ясна, диспетчеры предложили не ждать до вечера, а закрыть гонку сразу и перенести старт следующей на завтра. Кэтрин была довольна, но при этом находилась в шоке от усталости. К тому же ситуация с Йозефом ей тоже не понравилась. Победа была однозначной при том, что она проиграла по времени Гансу, но переживала она из-за катастрофы не меньше его, ведь Йозеф мог разбиться насмерть, как сообщили ей уже на станции.

– Поздравляю! – радостно воскликнул Хэлбокс, когда они встретились внутри.

– Оставь себе свои поздравления! – злостно отмахнулась Кэтрин, – не до тебя вообще!

Сделав паузу, она продолжила.

– Всё это призошло из-за тебя, понимаешь?! Человек чуть не погиб, а ты тут веселишься. Я тебе так скажу, что вполне сейчас могла бы занять его место и не известно, чем бы это все закончилось. Чудо, что сновигатор не разбила, крепкий

оказался, однако!

Хэлбокс не стал выступать и ввязываться в излишние скандальные разборки с Кэтрин, тем более что в её состоянии для него это могло ещё неизвестно чем закончиться. В глубине души он был рад, и его амбиции были удовлетворены. Теперь он тихо и злостно потирал руки, как какой-то злодей из комиксов.

– Ты как, Кэт? – обеспокоено спросила Фрэн.

– Сама удивляюсь, как цела осталась! – ответила она ей, – пойду отдохнуть, спать почему-то очень хочется.

– Конечно! – вмешался в разговор Джонс, – тебя наверно растрясло на несколько килограмм!

– Да уж совершенно не смешно! – бросила она уходя свою окончательную реплику.

Пилоты разошлись по комнатам.

Станция «Прогресс» была одной из многочисленных российских полярных станций, основанных ещё в СССР, позже модернизировано достроенных до уровня прогрессивно развитых опорных точек пребывания людей, дислокации технического оборудования и подвижного состава, включая сновигаторы, стартовые полигоны и ремонтные пункты для их обслуживания. Среди всех российских станций особенно выделялась только станция «Восток», в первую очередь по своей величине. Безусловно, она содержала полный туристический комплекс для официальных лиц и мероприятий, а также мощную базу для обслуживания огромного количе-

ства машин типа «HSPS» (High Speed Polar Shuttle) на случай проведения соревнований или даже чемпионатов в будущем. Остальные же станции, как и «Прогресс» были стандартно выполнены в таком же стиле, и являлись станциями среднего уровня по величине.

Через два часа после финиша пилотов вернулся Ганс, ещё через два часа эвакуационная группа доставила на станцию Йозефа. Они отбуксировали его сновигатор на гусеничном вездеходе в ремонтный бокс. Оба немца были явно расстроены и разочарованы произошедшим. На станции их встретил Николай, человек из компании, специально прикомандированный для этих целей к миссии. Он проводил пилотов до их комнат, а также объяснил, каким образом будет проводиться буксировка рабитого сновигатора до станции «Ноймаер».

После ужина Йозеф и Ганс сидели за столом в столовой, пили кофе и разговаривали между собой:

– **Wie du denkst, ist Hans, unsere Führung den Geschehede stark enttäuscht?** («Ви ду дЭнкст, ист Ханс, унзэрэ фЮорун дэн Гешüенд штарк энтüйшт?», *Как ты думаешь, Ганс, наше руководство сильно разочаровано случившемся?*)

– **Niemand hätte sich gefreut, Joseph, ich versichere dich.** («Нүманд хЭто зих гефрöйт, Йозэф, их верзүхэро дих.», *Никто бы не обрадовался, Йозеф, я тебя уверяю.*)

– **Eben was weiter sein wird?** («Эбэн вас вайтэ зайн виад?», *И что будет дальше?*)

– Den Wagen werden auch dich reparieren du wirst die Trainings fortsetzen. Alles ist in diesem Sinn gut. Das negative Ergebnis auch das Ergebnis, dazu es auch die Erfahrung, die uns für die Entwicklung notwendig ist. Das Minus nur ein – bei uns wurde weniger Chancen auf den Sieg. Soll dir eingestehen, dass ich die von mir früher übernommene Lösung tief bedauer. Dieser Ketrin aus der russischen Mannschaft – der gegenwärtige Teufel aus der Tabakdose, den gegenwärtigen Joker einfach. Vom wahnsinnigen Spiel hat sie alle unsere Pläne beschädigt. («Дэн Вáгэн вЭдэн аух дих репарúрэн ду вёст диа ТрЭнингс фóцэтсэн. Áлес ист ин дúзэм Зúн гут. Дас нЭгатив Эгúбныс аух дас Эгúбныс, дацú эс аúх диа Эфраунг, дúа унс фюр диа Этвúклюн нотвЭндихь ист. Дас Мúнус нуа áйн – бай унс вурд вúнига Шáнсэн ауф дэн Зиг. Золь диа áйнгештиэн, дас их диа фон мир фрúя убяно́мэнэ лÉзун тиф бедáуэ. Дúзэ Кэтрин аус диа рúсишэн Маншáфт – диа гэгэнвáтих Тóйфэ аус диа Табакдóзэ, дэн гэгэнвáтихэн Джóка áйнфах. Фом вáнзынигэ Шпиль хат зи аль úнзэрэ плЭнэ бишЭдихт.»), *Машины отремонтируют, и ты продолжишь свои тренировки. Всё хорошо в этом смысле. Отрицательный результат тоже результат, к тому же это ещё и опыт, необходимый нам всем для развития. Минус только один – у нас стало меньше шансов на победу. Должен признаться тебе, что я глубоко сожалею о принятом мной ранее решении. Эта Кэтрин из русской команды – просто чёртик из табакерки, настоящий*

Джокер. Своей сумасшедшей игрой она испортила все наши планы.)

– Ist ich in allem ist schuldig, Hans, mich ist von der Reiseroute und er das Ergebnis zurückgetreten. (*«Ист их ин а́лем ист шульдихь, Ханс, мих ист фон дия Ра́йзэротэ унд иа дас Э́губнэс цуругэтрЭ́тэн.»*, *Это я во всем виноват, Ганс, я отступил от маршрута и вот он результат.*)

– Du bist nicht schuldig, Joseph, dir hat einfach nicht Glück gehabt. Jeder konnte sich auf deiner Stelle erweisen. Und übrigens – der ausgezeichnete Sprung, gratuliere ich! Wie es dir gefallen hat? (*«Ду бист ниht шу́льдих, Йозэф, дия хат а́йнфах ниht Глюк гехáбт. Ё́дэ ко́нтэ зих ауф да́йнэ Шт-эль эрва́йзэн. Унд убру́генс – дия ауцгеца́йхнэтэ Шпрун, гра-тулу́рэ их! Ви эс дия гефа́лен хат?»*, *Ты не виноват, Йозеф, тебе просто не повезло. Любой мог оказаться на твоём месте. И, к стати, – отличный прыжок, поздравляю! Как тебе это понравилось?*)

– Die nicht Übergebenen Empfindungen, Hans! Besonders oben zu beobachten, wie dein Snowigator in die Ferne auf der riesigen Geschwindigkeit fortfliegt. (*«Дия ниht Убергубэ́нэн Эмпфу́ндунгэн, Ханс! Бэзб́ндэс ббэн цу би́бба́хтэн, ви да́йн Сно́вигатор ин дия Фа́нэ ауф дия ру́зин Гешви́ндихкайт ф́отфлихт.»*, *Непередаваемые ощущения, Ганс! Особенно наблюдать сверху, как твой сновигатор улетает вдаль на огромной скорости.*)

– Ich denke die Führung sogar es bleibt zufrieden

übrig, dass du Joseph bis zum Ende standhaft kämpfte und, die Verletzungen vermieden, hat in der Extrasituation geschaffen, Snowigator in aufzusparen es ist den brauchbare Zustand reparatur. («Их дЭнке диа Фюрүн зогá эс блáйбт цуфрáйдэн úбрих, дасс ду Йозэф бис цум Эндэ штáндхафт кЭмпфтэ унд, диа Фэрлэцунэн фэрмúдэн, хат ин диа ЭкстразитуациЁн гешáфэн, Снóвигатор ин ауфцушпáрэн эс ист дэн браúхба Цуштáнд рэпэратúр.»), *Я думаю руководство даже останется довольным тем, что ты Йозеф стойко боролся до конца и, избежав травм, в экстренной ситуации сумел сохранить snowigator в ремонтно пригодном состоянии.*)

Так они сидели и разговаривали друг с другом ещё некоторое время перед тем, как разойтись по своим комнатам. Немцы старались подробно и неторопливо обсудить между собой каждую деталь предшествующих событий в спокойной обстановке, перед тем как сделать какие-либо выводы или прогнозы. Ганс и Йозеф попрощались друг с другом уже с вечера перед сном.

Кэтрин проснулась незадолго перед ужином. К ней зашла Фрэя, чтобы разбудить её. Она лежала в своей комнате на диване лицом вниз во всем снаряжении, как и была, только успев скинуть гермошлем. Вид у неё был взъерошенный, так как спать в одежде, да ещё такой плотной как пилотный термокомбинизон было не самым лучшим вариантом для отдыха.

Кэтрин тяжело поднялась и приняла сидячую позу с явно мятой прической и мутным невыспавшимся выражением лица.

– Ну, как тут себя чувствует героиня сегодняшнего дня?! – бодро и весело начала Фрэя.

– Ой, отстань! – еле-еле протянула себе под нос Кэтрин.

– Давай иди в душ, пора приходить в себя, на ужин надо идти обязательно! Тебе ещё завтра выступать с остальными, или ты уже всё... – приехала окончательно? – с некоторой риторикой посмеиваясь спросила Фрэя.

– Слушай, – продолжало «зомби Кэтрин», – ты так не шути больше, пожалуйста, а то я и правда никуда не поеду.

Сделав паузу, она продолжила.

– Такое впечатление, что по мне стадо слонов прошло, да ещё и этот ужин... ты не узнавала – там что-то вкусное?

– Стейки из лосося, специально видимо для тебя приготовили, в честь твоей победы, – сказала Фрэя.

– Да, здесь надо идти, во что бы это ни стало! – убеждённо ответила Кэтрин.

– А ещё? – уже с более весёлой интонацией продолжала она.

– А ещё очень замечательный фруктово-ягодный десерт в молочном желе!

Слова Фрэи добавляли всё больше и больше оптимизма в происходящее.

– Очень интересно! – сказала Кэтрин, медленно поднима-

ясь с дивана, чтобы пойти и привести себя в порядок.

– Ты знаешь, Фрэя? – продолжила она, уже выходя из душа, – я завтра на «Бхарати» наверно выйду уже.

– В каком смысле?! – удивилась Фрэя.

– В прямом! – продолжала Кэтрин, – мне эти напруги порядком надоели! Я свою работу уже сделала, – один немец за мной, а за вторым я и тебе гоняться не советую. Без Акселя мне здесь скучно одной, хочу к нему поскорее. Хэлбокс – дурак, он эту кашу с немцами заварил, вот пусть и работает дальше сам! А я после сегодняшнего экстремального дебюта не уверена, что завтра встану с нормальной головой, шея уже болит. Что мне теперь с больной шеей и мокрой задницей наперегонки с Гансом до самого «Амундсен-Скотт» скакать по ледникам, пока Хэлбокс в своей музыкальной шкатулке под шумы листопрокатного цеха будет придумывать, кого бы ещё своими бредовыми идеями озадачить?!

– Ой, да ладно тебе! Ты уже совсем на него навалилась... Хэлбокс – молодец! Он прав, немцев тоже нужно было урезонить, – начала заступаться за него Фрэя.

– Короче не волнует! Шея болит – дальше не поеду! Мне ещё с Бхарати одной до Амундсена добираться, тоже не ближний свет. Так что всё, сегодня наемся стейков из лосося, фруктового десерта, а завтра с Бхарати сразу поеду к Акселю на «Амундсен-Скотт». Там мы с ним вместе и будем вас всех дожидаться. Нам ещё всем потом итоговый заезд пилить до «Востока». Вот интересно, а что потом будет?

– Что будет – что будет... Деньги получишь и домой в Питер полетишь, пока следующую миссию не определят или чемпионат какой-нибудь уже устроят международный, – отвечала Фрея, – там знаешь, сколько станций и маршрутов ещё? В следующий раз к японцам по-любому загонят, французы сейчас ещё строить начнут, тут проект можно сказать только начался. Я вообще слышала, что американцы какую-то жесьть устраивать собираются.

– Какую ещё жесьть? – смущённо переспросила Кэтрин.

– Да короче они совместно с нашими учеными хотят разработать оружие, стреляющее энергитическими импульсами и устраивать соревнования на сновигаторах, оборудованных этими пушками, чтобы можно было сбивать друг друга во время гонки без ущерба и угрозы для жизни.

– То есть это как это без угрозы?

– Ну, энергитический импульс должен будет переворачивать, сбивать с трассы и затормаживать твой сновигатор во время движения, образуя что-то вроде ударной волны.

– Так это же всё равно опасно! Вон Зордакс же ушёл в переворот с вытекающими.

– Я думаю, для большинства это будет не так уж важно. Любой тяжелый вид спорта не менее опасен и никого это до сих пор не останавливало, зато у потенциального потребителя такое развлечение вызовет большой интерес, а значит и прибыли от гонок тоже возрастут.

– А у нас что думают по этому поводу?

– Никто ничего не говорит пока. Посмотреть, мол, надо сначала, на что это будет похоже. В основном всё зависит от того, насколько доходы от таких развлечений будут перекрывать расходы на их содержание. Мы же, Кэт, по-сути являемся пилигримами этой программы, им нужны наши маршруты и практика прохождения их на скорости с препятствиями, чтобы разрабатывать конкретные дистанции различной сложности и так далее. Потом они добавят туда спортивной инфраструктуры, маяки, стартовые и финишные семафоры на ионных подушках или гелиевых зондах, запустят андройды с видеокамерами, разработают таблицы очков и прочее, ну и может, эти пушки внедрят. А народ будет типа толпами сюда валить, чтобы и самим покататься и на состязания посмотреть, поболеть, ставки на тотализаторе сделать и прибыль за счёт отдыха на станциях принести странам участникам.

– Не, ну это я и так понимала, я про оружие первый раз слышу от тебя.

– Да не забивай ты пока себе голову! Нам здесь ещё года два до всего этого Антарктиду раскатывать, чтобы информации было достаточно, – улыбнулась Фрэн, – ладно, пошли есть, а то в животе уже урчит.

И они отправились вдвоем в сторону столовой.

ГЛАВА XXI. ДИСТАНЦИЯ «ПРОГРЕСС – БХАРАТИ»

Погода с утра чем-то напоминала утренний туман на болоте. Сполохи снега закручивались многочисленными маленькими вихрями высотой около пяти метров. Снег был мелкий и сухой, при этом солнце светило ярко и высоко. Создавалось довольно нестандартное условие плохой видимости, когда ты то входил в зону тумана, то выходил из неё на отдельную чистую часть пространства с хорошим обзором и просматриваемостью. Пилоты уже заняли места внутри кабин и теперь делали последние приготовления. Диспетчер «Прогресса» поприветствовал их в эфире и произвёл все обычные процедуры перед началом очередного заезда. Наконец вся группа стартовала. Какое-то время машины шли спокойно, включая сновигатор Ганса, не делая резких отрывов из общего потока движения, как вдруг Фрэя внезапно обратилась к нему.

– Привет, Ганс! Тебя со вчерашнего дня совсем не слышно было. Ты как вообще?

– Всё отлично! – отозвался он, – а у вас там как дела?

– А мы тут как раз обсуждали новый принцип ведения переговоров в связи с выходом из гонки твоего напарника.

– О, да! – удивлённо ответил Ганс, – и к чему вы пришли?

– В целом мы решили, что в сложившейся ситуации необходимо восстановить общение в эфире на английском.

– Что ж, это неплохо, – ответил Ганс с интеллигентным спокойствием.

– Как там Йозеф? Он не сильно расстроился? – продолжала Фрэн.

– Нам не принципиально одержать победу, в том смысле, чтобы придти первыми к финишу, – мгновенно ответил он ей с неестественной резкостью диалога, – нас расстраивает отсутствие возможности или возникновение случайных помех в достижении абсолютного технического и профессионального максимума. Если мы добиваемся этого, то автоматически одерживаем победу!

– О.к.! – закончила Фрэн.

Ей стало немного не по себе, – она вспомнила ситуацию с Вэндэром. К этому добавились познания о принципах конкуренции и исключительная деликатность Ганса. Она начала задумываться о том, насколько случай с Вэндэром, Хэлбоксом и Йозефом укладывается или не укладывается в рамки того, что он ей только что сказал. В результате в её голове всё перемешалось, и было абсолютно невозможно сделать какие-то конкретные выводы. Это немного смутило её, и она решила не продолжать углубляться в размышления, чтобы не потерять контроль над общим управлением своей машины. Потом она всё-таки смогла вывести для себя единственную формулу о том, что особые переживания о членах своей группы вперемешку с трудностями перевода на английский могут в одночасье изменить ход мышления и внутренний настрой с позитивного на негативный, провоцируя ошибочное восприятие реальности, влияющее на окончательные реше-

ния, но это в целом было не так уж важно и не несло никакой практической пользы.

Дистанция подходила к концу, оставалось не более десяти миль. Кэтрин расслабила ремень безопасности и сбросила скорость до семидесяти узлов. Её начал обгонять Лу.

– В чём дело, Кэт?! – поинтересовался он.

– Всё в порядке Лу! Выходи вперёд, не обращай внимания! – ответила она ему.

Следом за Лу проследовал сновигатор Джонса. Джонс был в курсе происходящего, ведь они с Фрэйей теперь практически не расставались и проводили всё свободное время вдвоём.

– У нас дизертир? – со спокойной проницательностью спросил Ганс.

– Всё так, – печально и коротко ответила Кэтрин.

Больше до конца гонки в эфире никто не разговаривал, только на последней контрольной точке перед финишной прямой электронный голос штурман-бота сообщил: «**Terminal Point!**». Диспетчеры станций начали передовывать группу друг другу. Впереди начали появляться очертания одной из красивейших и оригинально выполненных в архитектурном плане станции «Бхарати».

ГЛАВА XXII. СТАНЦИЯ «БХАРАТИ»

Станция №11 «Бхарати» (Bharati) Индия 69^0 ю.ш. 76^0 в.д. Соседняя со станцией «Прогресс» антарктическая станция, находящаяся с ней в одном квадрате на побережье моря Дэйвиса. Станция известна тем, что перво-начально ещё до своей модернизации была очень профессионально разработана, сконструирована и собрана из транспортных морских контейнеров, что позволяло её быстро демонтировать и собирать снова в другом месте. Также станция была обшита снаружи таким образом, чтобы успешно противостоять серьёзным снежным бурям и заносам. Её геометрические параметры были смоделированы с применением аэродинамических испытаний.

Внутри станция была не хуже, чем снаружи. Спокойная размеренная, уютная обстановка, огромные стеклянные витражи с видом на стартовый полигон, круглые журнальные столы из черного дерева и такие же темные кожаные, глубокие кресла для отдыха, какие бывают в кабинетах у директоров холдингов или начальников корпораций.

На станции пилотов встретил индеец по имени Амар. Он вежливо объяснил гостям текущее расписание их пребывания на «Бхарати»: в час дня обед, затем отдых до пятнадцати ноль-ноль, после чего они должны стартовать до российской станции «Мирный» и прибыть на неё ориентировочно к половине седьмого вечера, то есть практически перед ужином.

– Наконец-то всё закончилось, – облегченно вздохнула Кэтрин за обедом, – ещё девятьсот миль до «Амундсен-Скотт», потом до «Востока» и миссия выполнена.

– Хитроумный план, – язвительно начал дразнить её Хэлбокс.

– Заткнулся бы ты лучше, а... – резко ответила она ему, – ты давай чешись там веселее, что дальше предпримешь! За тебя итак пол-дела сделали.

– Да разберёмся уже, не переживай! – огрызнулся он в ответ.

– Слушай, а действительно... – начала Фрэя, – ты ловко отделалась! Сейчас десять часов размеренного пилотирования по Земле Принцессы Елизаветы, потом пару суток с Акселем проваляешься и на «Восток» за баблом до следующего раза. По-моему круто! А нам тут ещё неизвестно что предстоит.

– Это ещё что... – начала хвастаться Кэтрин, – мы с Аксом планируем взять маленький домик на побережье в Крыму. Уже вышли на продавца, ждём окончания миссии.

– Да ты что! – обрадовалась Фрэя, – и сколько за всё удовольствие, если не секрет?

– Два наших с Акселем вознаграждения за эту миссию.

– А жить на что будете? – поинтересовался Джонс.

– Займём у кого-нибудь, в крайнем случае родители помогут. Что там жить-то два с половиной месяца... Следующую миссию, говорят, в конце января готовят, как раз после праздников.

– Да, я тоже слышала, – с явной завистью грустно произнесла Фрэя.

Ей тоже почему-то сразу захотелось с Джонсом в домик на побережье в Крыму. Лето, Чёрное море, голубое чистое небо, виноград, семейный уют и маленькие дети, бегающие по песчаному пляжу.

– Прекращай! – одернула её Кэтрин, – не стоит впадать в

меланхолию из-за своих внутренних желаний. Вам с Джонсом ничто не мешает поступить также.

– Нам ничто не мешает поступить также? – тихо с любопытством сразу же переспросила Джонса Фрэй.

– Мешает! – ответил Джонс довольно серьёзно, – я взял в кредит новую модель кроссовера от BMW!

– Слушай... ну это тоже не плохо, – с выразительным удовольствием ответила Фрэй, – а у меня деньги свободные, можно куда-нибудь уехать на два месяца, в Европу, например.

– Слушай, хорошая идея, – отозвался Джонс, – закончить бы только миссию без приключений.

– Послушай Лу! – продолжил он, – а вам кто платит за миссию? Наши или свои?

– У нас этот вопрос не настолько принципиален, – ответил Лу, – на моей Родине в Пекине я – герой, независимо от финансовой части, как у вас в своё время Гагарин. Я участвую в настоящей гонке с вами и также набираю опыт и информацию. Мы построим новые ещё более совершенные сновигаторы, я обучу других пилотов, и у нас будет своя сильная профессиональная команда на платформе Антарктического материка. Это основные цели и задачи, которые поставило передо мной мое командование! Хотя... – здесь Лу немного замялся, улыбаясь, – ваше руководство обещало меня тоже премировать наравне с вами. Эти деньги я собираюсь потратить на свою семью, а она у меня очень большая, поверьте.

– Хэл, а ты на что потратишь гонорар? – внезапно заинтересовался Джонс.

– Деньги уже вложены, я взял кредит, никогда не догадаетесь на что, – ответил он.

– И что же это такое? Ты прямо нас заинтриговал, – продолжила Фрэй.

– Я собираюсь открыть настоящую музыкальную студию, со всем необходимым оборудованием, инструментами и аппаратурой в самом лучшем виде!

– Охренеть! Зачем она тебе?! – начала его тролить Кэтрин.

– Да я не у всех спросил, понимаешь... – передразнил её Хэлбокс.

– Ладно, не ругайтесь! – вмешалась в перепалку Фрэй, – а то у вас начинается «опять как всегда».

– Студия – это хорошее вложение, музыка вечна, – внезапно вынес свой вердикт Джонс.

– Ну да, ну да... – подтвердил Хэлбокс с довольной улыбкой.

– Осталось только у Ганса про деньги спросить, – смеясь, заговорил Джонс, – такой у нас сегодня день невыясненных обоснований получается.

Ганс спокойно пил кофе за столиком около центрального витража, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги вперед одна на другую.

– Послушай, Ганс! – обратился к нему Джонс на англий-

ском, — мы тут завели разговор о том, кто как будем тратить свои гонорары от миссии. Не хочешь с нами поделиться своими планами?

Ганс, не обращая внимания на взаимную неусмотрительность, спокойно поставил чашку на стол и, не поворачивая головы, с гордостью затянул своим привычным тоном.

— Мне очень сложно ответить на этот вопрос. Дело в том, что у моей семьи уже давно всё есть. Я полностью обеспеченный человек. Абсолютно обеспеченный. У нас, как бы это вам сказать, существует структура что ли, общества, которая решает где, куда и как должны тратиться деньги для рационального прогрессивного развития страны. Если мне вдруг понадобится новый Мерседес, то он у меня будет, если кому-то из моих родственников или знакомых вдруг срочно понадобится операция, то её сделают. Здесь немного другой взгляд на проблему. Сегодня Германия ведёт активную работу в научных исследованиях и разработках, поэтому все наши интересы устремлены именно в этом направлении. Это как один целый организм, где всё очень рационально и строго распределяется согласно определённому порядку и иерархии.

Ганс закончил свою мысль и продолжил пить кофе. Среди слушающих опять наступила та самая тишина, как будто они только что услышали не его объяснение, а великую вселенскую истину из уст вавилонского прорицателя.

После некороткой паузы Хэлбокс произнес:

– Ну как говорится: «**Jedem das Seine**», «Каждому – своё».

– «Каждому – его», если быть совсем точным – перебила его Кэтрин, – умник ты наш! К тому же, эта фраза вошла в историю как надпись на воротах Бухенвальда, лагеря смерти, а ты у нас вроде как ярый ненавистник всего немецкого был с утра или это уже прошло?..

– Завязывайте вы эту хрень! – начал жаловаться Джонс, – и вообще пошли отдыхать перед стартом!

Все начали расходиться.

– Всем удачи и счастливого пути, встретимся на «Амундсене»! – прокричала Кэтрин, прощаясь с остальными на выходе.

ГЛАВА XXIII. ДИСТАНЦИЯ «БХАРАТИ – МИРНЫЙ»

В черныринадцать сорок пять команда начала собираться перед выходом к стартовому полигону. Пять человек стояли лицом к большим стеклянным дверям и смотрели, как на полигоне суетится персонал техбригады, завершая последние приготовления. Яркие зелёные, синие, красные и жёлтые огни сигнальных подсветок границ полигона завораживали тактикой своего ритмичного мигания. Амар попрощался со всеми и пожелал всем счастливого пути. Ганс надел гермошлем и вышел наружу. Ещё более завораживающе на фо-

не всего этого выглядел он, удаляясь в своём броском лётном комбинизоне бело-синего цвета с чёрными остроугольными вставками и серебристыми отражающими лентами по швам, которые резко отблёскивали с каждым его движением. Оставшиеся члены группы начали по-тихоньку погидать станцию, выдвигаясь к своим сновигаторам.

– Диспетчерская станции «Бхарати» приветствует вас! – уже привычно включился радиоэфир.

Голос был серьёзный и абсолютно не эмоциональный. Он очень локанично и быстро доложил о дате, времени, пункте назначения, длине дистанции, расчётном времени и погодных условиях, после чего произвёл стартовый расчёт пилотов.

Сновигаторы медленно разворачивались, пульсируя тяговой массой ионизирующего потока, выталкиваемого двигателями, и плавно выходили на стартовый коридор по одному как пассажирские самолёты на аэродроме. Одна за одной в эфире проходила команда на старт. Длинные полосы различной геометрии в сечении бирюзового и голубого цвета тянулись за набирающими скорость и уносящимися вдаль машинами.

– Вы знаете, что нас уже показывают по новостям? – внезапно раздался голос Фрей.

– В каком смысле?! – вдруг удивился Хэлбокс.

– Я только знаю, что теперь все записи стартов и финишей, фиксируемые камерами внешнего наблюдения на станциях,

а также постоянная видеозапись с трёх внешних камер на каждом сновигаторе используется новостным каналом Корпорации в открытом доступе по всему миру, – ответила она.

– Я тоже в курсе, – ответил Лу.

– Подожди, какие новости?! – начал возмущаться Хэлбокс, – мне никто ничего не говорил.

– Что ты разволновался опять?! – спокойно продолжила Фрея, – подумай сам, мероприятие такого масштаба, перспективы, реклама, рейтинги журналистов... Всё начинает крутиться, все хотят заработать!

– А ты откуда знаешь? – спросил Хэлбокс.

– Елена Маратовна позвонила, – ответила Фрея.

– А почему всем не сообщили?!

– Слушай, ну достал уже! Потому что точно никто не знал, что у нас могло получиться по ходу выполнения миссии, а, учитывая твою реакцию, это было правильным решением, иначе то бы ты всю дорогу только бы об этом и думал, а не за трассой следил.

– Ганс! – спросил Джонс, – а ты об этом в курсе?

– Я поэтому по этому поводу особых переживаний не испытываю, – сухо ответил Ганс.

Сновигаторы начали расходиться в стороны, увеличивая боковую дистанцию до нескольких миль. Погода с предыдущего маршрута не изменилась, – всё тот же сухой снег с лёгкими порывами ветра. Местность была средней по сложности, периодически нарастающие невысокие дюны большой

протяжённости резко обрывались, образуя естественные трамплины до трёх метров в высоту. Небо в некоторых местах начинало подзатягивать пасмурностью, видимость снижалась. Лу шёл самым последним, его «Red Dragon» плавно поглощал восходящие уклоны дюн на скорости в сто узлов, скользил по их склонам и приземлялся в затяжных прыжках, обрывая края трамплинов и унося за собой снег, закрученный в турбулентных потоках двигателей. Через полтора часа пилотирования он увидел вытянутый по всему горизонту подъём, характерный для сдвига пластов, засыпанных многолетним слоем снега. Заходить в такой подъём прямолинейно под очень крутым углом на большой скорости было бы ошибкой, и он отклонился в сторону, делая огромный поворот, чтобы изменить угол фронтальной атаки при восхождении. Это, в свою очередь, помогало ещё и сохранить инерцию при потере скорости на подъёме. Когда его сновигатор достиг вершины и уже влетел на верхний уровень, Лу внезапно увидел на открывшейся поверхности пласта огромное движущееся чёрное пятно буквально в четверти мили от него. Он даже испугался, не разобрав сразу, что это такое. Пятно было гигантским, хаотично движущимся в разных направлениях, но в то же время поразительно синхронно сохраняющим свою внутреннюю структуру. Ещё секунду и Лу врезался бы в него на огромной скорости. Внезапно осознав, что происходит, Лу резко вывернул штурвал обратно вниз со склона и задавил тормоза до упора. Вираз

оказался очень резким с учётом бокового угла наклона сно-
вигатора на спуске и Лу резко вскрикнул в эфир:

– Wow – Wow – Wow – Wow !!!

– Что там случилось?! – послышался голос Фрей.

– Пингвины! Это пингвины! Огромная толпа пингви-
нов! – донёсся из эфира возглас Лу.

Проехав ещё пару сотен метров вниз со склона по диагонали Лу наконец-то смог затормозить сновигатор. Он быстро прикинул ситуацию и сказал по радиации:

– Кажется, я приехал. «Мирный» – моя остановка.

– Куда приехал, Лу? Какие пингвины, какая остановка? Ты цел? – заволновалась Фрея.

– Мне нужно время, надо кое-что проверить. Да... и со мной всё в порядке, – отозвался он.

Он отстегнул ремни безопасности, отсоединил коммутационный шлейф от гермошлема и нажал кнопку разгерметизации салона. Защитное ветровое стекло кабины с шипением медленно поднялось вверх, навстречу в салон начал залетать снег, поднимаемый лёгкими порывами ветра. Лу вылез из сновигатора и закрыл кабину дистанционно с панели управления на левом рукаве своего лётного комбинизона. Потом он открыл люк такелажного отсека, достал оттуда альпеншток и начал взбираться в тридцати метровый подъем, периодически кренясь телом вперёд, проваливаясь ногами сквозь снежный наст и помогая сам себе выползти наверх, втыкая и подтягивая альпенштоком массу своего тела. Когда он достиг вершины пласта, его взору представилась следующая картина: по распростёртой снежной равнине были рассредоточены несколько десятков стай пингвинов, которые слаженно двигались в определённом направлении с

какой-то характерно видимой целью. Очередь их передвижения растягивалась на пять – шесть миль и уходила к горизонту видимости. Немного оторопев, Лу прикинул расстояние до безопасного захода на вершину пласта. Ему нужно было отойти в сторону ещё как минимум на одну – две мили. Но проблема заключалась ещё и в том, что вдобавок к катастрофической потере времени, он не мог продолжить пилотирование сновигатора на высокой скорости из-за риска влететь в очередную пингвиновую стаю, так как по всему выходящему из данной ситуации ультразвуковой сонар сновигатора абсолютно не улавливал их на поверхности ландшафта.

– Я попал в область повышенного скопления пингвиних стай и был вынужден произвести экстренную остановку, дальнейшее движение на высокой скорости выше семидесяти узлов с учётом условий видимости не представляю возможным, – чётко доложил Лу в рацию, возвращаясь со склона к своему сновигатору.

– Что там делают пингвины? – слышался голос Фрей.

– Куда-то идут, разделившись на группы, их там тысячи, – ответил Лу.

– Я всё понял, – донесся голос Джонса, – тебе явно не повезло. Молодец, что никого не убил! Это миграция. Обычная миграция пингвинов в связи с какими-то изменениями. Они движутся с шельфового ледника «Западный» на шельфовый ледник «Шеклтона».

– Из-за чего это может происходить? – спросил Лу.

– Из-за чего угодно, – продолжил Джонс, – климатические изменения, магнитные бури, рыба может кончиться, кто его знает, но то что они периодически мигрируют туда-сюда это факт. Весёлая наверно картина.

– Да уж, действительно, не ожидал такого поворота событий. Ну ладно встретимся на «Мирном», я уже не тороплюсь, – завершил Лу.

Он спокойно упаковал инструменты обратно, залез в снеговигатор и начал манёвры обхода, двигаясь вдоль склона, чтобы достичь безопасного места для восхождения на пласт и продолжить маршрут. До станции оставалось около ста миль пути по Земле Вингельма.

ГЛАВА XXIV. СТАНЦИЯ «МИРНЫЙ»

Станция №50 «Мирный» (Mirny) Россия 66⁰ ю.ш. 93⁰ в.д. находится на побережье моря Дэйвиса в Земле Королевы Мэри. Названа в честь легендарного шлюпа «Мирный». Станция открыта 13 февраля 1956 года. Это – первая советская антарктическая станция, когда радиоинженер Петр Целищев поднял здесь флаг СССР. В районе станции большую часть года имеется припай (вид неподвижного льда в морях, океанах и их заливах вдоль берегов)

В 17:30 основная группа пилотов из четырёх человек финишировала друг за другом. Перед ними открылась средняя по величине станция со стандартными для российских Антарктических станций формами секторов. Она также была выполнена из расчёта на будущих гостей и туристов, поэтому расцветка её внешней обшивки полностью повторяла художественные арнаменты и узоры тематики Зимней Олимпиады две тысячи четырнадцатого года в России, что и являлось основной особенностью данного полярного объекта. Внутри станция по своему оформлению практически не отличалась от станции «Прогресс», за исключением того, что вместо карельской сосны использовалась берёза, а вся металлическая фурнитура была из нержавеющей стали.

На станции пилотов встретил Константин. Спортивный

молодой блондин лет тридцати, легко одетый в стиле игрока гольфклуба. Отличительной особенностью его внешнего вида было то, что на голове он постоянно носил классическую кепку для гольфа. Для полной картины не хватало только самой клюшки для гольфа, которая впоследствии тоже оказалась в его арсенале, причём не одна. Дело в том, что Константин в течение вахты предпочитал свободное время проводить за игрой в минигольф прямо в центральном холле станции. Для этого в полу было сделано отверстие для лунки прямо сквозь ламинат в центре зала.

– Добро пожаловать на «Мирный»! – произнёс он, встречая пилотов.

– И мы очень рады! – послышался ответ Фрэй.

– Всё, как и прежде! – продолжил Константин, пока Хэл-бокс и Ганс чистили свои лётные сапоги от снега на специально предусмотренной для этого системе пневмо очистки в тамбуре, – сначала апартаменты, потом ужин, потом небольшая экскурсия для желающих. Ваш китайский товарищ задержится, скорее всего, ещё минут на сорок. Мы внимательно следим за его перемещением, так что можете не волноваться, не повезло бедняге, «пингвиний бум» помешал.

Константин шуточно хихикнул, его переживания по поводу китайского пилота были явно наигранными и в сочетании с шутовым смехом отдавали некоторым безразличием. Но в целом ничего серьёзного в этом не было, и общее настроение среди гостей он поддерживал хорошо, в совокуп-

ности с классическим тактом общения. Его сразу же выделяла некоторая слегка нагловатая расслабленность в поведении, поверхностность и чрезмерная раскрепощённость, в его движениях и жестах просматривался на лёгкий кураж.

– Вы случайно не москвич? – спросил Джонс.

– Абсолютно верно! – обрадовался Константин и перевёл свою радостно-злорадственную гримасу в его сторону.

Отсутствие вопроса, как он об этом догадался, не то, чтобы в целом не настораживало, а скорее усугубляло факт осознания того, что, кто и кому хочет сказать. При этом непробиваемая улыбка Константина и упорный взгляд, явно давал понять, что чьи-либо спонтанные умозаключения не имеют при этом значения не только для него самого, но и в целом для всего остального. К тому же от Константина очень серьёзно давило спортивной энергетикой, развитая атлетичность проявлялась даже в чертах его лица, что в психологической дуэли также способствовало победе, поэтому Джонс, который сам по себе был уроженцем города на Неве, предпочёл для себя в дальнейшем ограничиться от подобного рода вопросов.

Группа рассредоточилась по своим комнатам. Спустя один час на пороге станции появился сконфуженный и поникший Лу.

– Мне так жаль, – произнёс он коротко перед пилотами, сидящими в холле в ожидании ужина, и вместе с Константином поторопился до своей комнаты, чтобы успеть привести

себя в порядок и присоединиться к остальным.

За ужином, чтобы как-то подбодрить Лу, Фрея решила вывести его разговором на более позитивные тона в произошедшем с ним случае.

– Лу, тебя можно поздравить, – ты теперь герой! Спас несчастных пингвинов, пожертвовав своими интересами!

– Да это нелегко было пережить! – коротко и звонко постановил Лу.

– Может ему бортовую эмблему сделать на сновигаторе, чтобы сохранить этот случай в истории Полярной Навигации?! – внезапно предложил Хэлбокс.

– Какую? – спросил Джонс.

– Не знаю, может быть, Шкипера из мультфильма выполнить аэрографией? На мой взгляд, получится довольно оригинально, – все буду спрашивать «Почему?»

– Согласен! – отозвался Джонс, – Шкипер получится в тему!

– Как насчет Шкипера, Лу? – спросил Джонс.

Лу улыбнулся...

– Ну да, Шкипера можно!

– Подумай сам, – продолжил Джонс, – ты будешь обучать пилотов, наступят другие совместные миссии, и среди всех остальных у тебя одного будет собственная бортовая символика, свидетельствующая о серьёзном событии, связанном с сохранением жизни животных. Это действительно круто!

Настроение у Лу поднялось ещё сильнее.

– Так и сделаю! – сказал он.

– Кстати! – продолжил Джонс, обращаясь к Гансу, – у вас с Йозефом тоже ведь есть бортовые символы, не так ли?

Ганс резко прекратил свою трапезу, быстро положил нож и вилку на тарелку с характерным чётким звенящим ударом, и, приняв недовольно заинтересованное выражение лица, сложив перед собой руки, откинулся на спинку стула и начал говорить:

– Это традиция с древних времен рисовать гербы феодальных княжеств на щитах, также как и устрашающие эмблемы, вдохновляющие приверженных к ним бойцов на победу. В качестве и тонкости исполнения заложен серьёзный смысл и колоссальная энергия, в том числе и уничтожения врага. В мировой истории Германия очень часто прибегала к таким методам вдохновения солдат на бой и устрашения врагов, подчёркивая своё превосходство перед противником, как, например, бортовые эмблемы подводных лодок и хвостовые оперения истребителей Мессершмитт.

В этот момент он спокойно посмотрел в сторону Хэлбокса и чуть-чуть ухмыльнулся в половину рта, как бы добившись желаемого результата. Никогда ещё Хэлбокс не чувствовал такого раздражения, как в этот раз. В этот момент Фрея с ужасом для себя обнаружила некоторую закономерность в тактической позиции месторасположения Ганса по отношению к Хэлбоксу. Ганс всегда садился таким образом, чтобы наблюдать Хэлбокса сзади и сбоку, причём Хэлбоксу было

абсолютно невозможно кинуть на Ганса даже беглый взгляд. Для этого ему необходимо было, как минимум, повернуться к нему лицом, что явно выражалось, как заинтересованный жест внимания, и не могло быть не замечено даже при абсолютной расслабленности внимания со стороны Ганса. Таким образом, в данной ситуации происходило следующее: Ганс, не желая раскрывать перед всеми подробности о значении и сущности своих бортовых знаков, решил превратить свои явные и неприятные уходы от ответа в шквал внутренних, гневных эмоций у Хэлбокса, выложив всё, как есть без тени смущения, чтобы с довольным интересом понаблюдать, что будет дальше. Он, несомненно, добился своего, – Хэлбокс сидел в напряжении, стиснув зубы, а Ганс был доволен результатами своего «эксперимента».

– Итак, Ганс, – обратил внимание Джонс, – ты не поведаешь нам подробности истинного смысла этих эмблем?

– Ни в коем случае! – ответил Ганс и тут же продолжил, – я конечно шучу. Там ничего сложного. У Йозефа на борту «Junger Wolf» изображен символ снежного вихря с вырывающимся из него языком пламени. Тут и объяснять в принципе нечего, стремительный и быстрый как вихрь, снежный – как принадлежность к полярным снегам, пламя – это мощь и сила.

– А твой? – продолжил Джонс.

– А у меня просто морская каракатица, как символ океана и морских глубин, не более того. Особое впечатление вы-

зывает внешний вид, что и служит точкой внимания. Кстати, должен заметить, что Шкипер – очень удачный во всех смыслах вариант. Здесь мы имеем дело именно с классическим случаем качественного весёлого карикатурного образа довольно серьёзной отличительной черты героя со своей отдельной историей. Поэтому я «За!»

– Да, только лепить особо некуда, – пожаловался Лу, – у меня уже всё тематикой восточного дракона оформлено.

– Не беспокойся, дружище, – ответил Ганс, – я покажу тебе, как грамотно это сделать!

После ужина пройтись вместе с Константином по станции с короткой экскурсией из всех пилотов соблаговолил только Ганс. Лу изъявил желание заняться этим завтра, не торопясь после обеда. Остальные решили отказаться, списав всё как обычно на то, что станция российская, то есть своя, и они ещё не раз на ней побывают, именно поэтому не стоит сейчас так озадачиваться этим вопросом. Тем более что нужно было хорошо отдохнуть и выспаться, так как завтра им предстоял один из самых длинных маршрутов, длиной около полутора тысяч миль, а сегодня они и так прошли две дистанции. Так закончился ещё один день миссии.

ГЛАВА XXV. ДИСТАНЦИЯ «МИРНЫЙ – ст. Ленинградская»

В девять часов утра Константин по внутреннему селектору в номерах сыграл подъём и оповестил, что завтрак будет

в десять, а старт в одиннадцать утра. Единственным, кто игнорировал утреннее расписание, был Лу, как собственно и остальные участники миссии в подобных предыдущих случаях. Тем более что новый протокол миссии позволял свободный по времени выход со станции и не регламентировал дневное расписание для выбывших пилотов.

Обстановка на самом деле накалялась. Участников заезда с каждым разом становилось всё меньше, сновигаторы начинали казаться более серьёзными и устрашающими, да и сами пилоты нервничали всё сильнее от естественного приближения к жёсткому финалу. И вот четыре оставшихся участника гонки Джонс, Ганс, Фрэй и Хэлбокс уже стояли перед выходом на полигон, как Атос, Партос, Арамис и ДеАртаньян в адреналиновом напряжении перед схваткой, только не с гвардейцами, а друг с другом. Погода была отличная, солнечная и безветренная. Дистанция, как назло, была протяженная, прямая, и практически наверняка, без каких-либо особых препятствий. Всё это вместе с пониманием того, что форсажная смесь будет однозначно вызжена полностью, отбивало настроение о хорошем, добром и дружеском исходе в этой гонке. Но что поделать?.. Всё равно пришлось бы выполнять все предписания, и наши пилоты начали выходить со станции и двигаться к своим машинам, переживая некоторый внутренний психологический дискомфорт от предстоящей схватки после комфортного релакса на станции. Константин, попрощавшись с ними, стоял в холле со сложенными

ми на груди руками, и смотрел им вслед с ехидной, счастливой, той самой злорадственной улыбкой, понимая всю психологическую тонкость нарастающего между пилотами соперничества. В этот момент он был похож на древнеримского полководца в тунике и в его внешнем виде явно читался риторическо-вопросительный посыл: «А как вы хотели?!».

Запустилась первая пара движков, за ней по-нарастающей все остальные.

– Приветствую! Я – ваш диспетчер на маршруте «Мирный – Ленинградская». Тясяча четыреста тридцать шесть миль вам необходимо будет пройти за девять – двенадцать часов расчётного времени. Сейчас у нас десять часов пятьдесят минут по Москве. Ваш стартовый расчёт: Фрэй, Ганс, Джонс, Хэлбокс. Выходите на стартовый коридор. Как только все выстроятся, я запущу отсчёт с интервалом в двадцать секунд. Поехали!

Команда стартовала. Впереди открывались красивейшие пейзажи снежной голубой пустыни, бесконечная даль экзотических ландшафтов. На чистом небе белой рябью пестрели облака. Вслед за сновигаторами тянулись снежные хвосты с берюзовым оттенком отработанного газа.

– Как думаете, кто проиграет сегодня? – начал Хэлбокс.

– Хэл, успокойся, следи лучше за управлением! – ответила Фрэй.

– А что такое? Я хотел поразмышлять, как-то разрядить обстановку. Просто так молчать десять часов довольно скуч-

но, не правда ли? – продолжал он.

– Тебе какая разница, кто проиграет? Нас всё равно останется двое против Ганса, если ты об этом. Ганс, извини, что мы тут про тебя так откровенно! – сделала вынужденную оговорку Фрeya.

– Да всё в порядке, – спокойно ответил Ганс своим обычным тоном, – я тебе больше скажу, у меня такое предчувствие, что сегодня проиграет именно Хэлбокс.

– Это ещё почему? – переспросил Хэлбокс с выраженным негодованием.

– Просто у меня с начала гонки появилось такое предчувствие. Сам не понимаю почему, – ответил Ганс.

– Боюсь, что предчувствия тебя обманывают, – убедительно сказал Хэлбокс, – уж кто-то, а я то точно не собираюсь сегодня проигрывать!

– Я привык доверять своим предчувствиям, и они меня ещё ни разу не подводили.

– Может ты ещё скажешь, что я теперь должен проиграть из-за твоих предчувствий? – начал злиться Хэлбокс.

– А ты мне предлагаешь смириться с твоим внутренним страхом перед проигрышем в этой гонке, и из жалости к тебе не поддаваться своим предчувствиям? – начал усиливать своё психологическое давление Ганс.

Хэлбокс оторопел, как в принципе удивились и Фрeya и Джонс. Немного подумав, переваривая сказанное Гансом, Хэлбокс продолжил:

– А с чего ты взял, что я боюсь проиграть?

– Потому что ты слишком явно беспокоишься по этому поводу, а ещё сопротивляешься и злишься. Предчувствие возможного поражения вызывает у тебя неосознанный страх, выраженный в повышенной эмоциональности и беспокойстве.

– По-моему ты меня запутать хочешь! – неприязненно и подозрительно начал сопротивляться Хэлбокс.

– В каком смысле «запутать»?! – спокойно поинтересовался Ганс, не меняя темп диалога.

– Ну а почему всё дело в страхе, а не в желании, например?

– Так это просто! – продолжал Ганс, – если человек именно «не хочет проиграть», то это значит, что он «хочет выиграть», то есть в обоих случаях мы говорим об одной цели. При этом человек будет стремиться к этому всем своим явным поведением.

– Ну и что? – спросил Хэлбокс, предполагая необоснованное завершение в суждениях Ганса.

– А то, что твой вопрос «Интересно, кто сегодня проигрывает?» абсолютно никак не сочетается с настроением человека, который стремится выиграть. Он носит негативный характер, а значит никак не может возникать у человека, позитивно настроенного на победу.

Это был ещё один случай длительной тишины после реплики Ганса. В абсолютно мёртвом эфире царило неотразимое чувство какого-то грандиозного облома. Фрея и Джонс

не вмешивались и ничего не спрашивали у Ганса, так как просто не имели особого желания общаться с кем-либо на данный момент, а Хэлбокс был введён в тяжёлое омерзительное состояние, которое едва мог контролировать. Во-первых, Ганс его раскусил перед всеми. Во-вторых, в этом споре ему открыли неприятную правду о нём самом, о которой он даже не мог догадываться. В-третьих, ему была умышленно навязана мысль о том, что он проиграет, причём таким запутанным способом, что осознание всего этого в его голове начинало вызывать панику и шквал негативных эмоций, которые сбивали его с толку и мешали спокойно продолжать пилотирование машины. Он начинал задумываться о том, как отогнать от себя весь этот негатив. Потом начинал внушать себе, что всё это надуманная неправда, и в результате, не находя правильного ответа, всё больше погружался в собственные заблуждения.

Наконец, обстановку разбавила Фрэн:

– Ганс, послушай, так ты, получается, по образованию психолог?

– Ни в коем случае! Я – военный лётчик, как и Джонс, – ответил Ганс.

– Откуда ты знаешь, что я – военный лётчик? – настороженно переспросил Джонс.

– Из твоего досье, – ответил Ганс, – признаюсь откровенно, я читал все ваши досье и должен сказать, что и без них сразу бы понял, что ты – военный лётчик.

– Ты читал наши досье??! – ошеломленно спросила Фрэя.

– Естественно! – возмутился Ганс, – а как ты хотела? Чтобы я просто так взял, и, не подготовившись, присоединился к иностранной группе абсолютно неизвестных мне людей, да ещё и военных офицеров, на условиях жёсткого соперничества в экстремальных условиях. Вы внутри своей группы знаете, кто из вас кто и откуда?

– Ну, естественно, – ответила Фрэя.

– Вот и отлично! – произнёс Ганс, – и мне тоже в целях общей безопасности необходимо знать, с кем я отправляюсь в поход!

– А почему ты бы сразу понял, что я – лётчик? – спросил Джонс.

– Наблюдательность. Ты всё делаешь как военный лётчик. Садись в сноувигатор как военный лётчик, управляешь как лётчик. Когда ты ешь в столовой и общаешься с кем-нибудь на темы пилотирования, ты жестикулируешь как военный лётчик, описывая манёвры. Ты носишь гермошлем в обнимку как военный лётчик.

– Ладно, я понял, не продолжай, – сдался Джонс.

– Послушай, – снова начала Фрэя, – но если ты не психолог, тогда тебе наверно приходилось изучать психологию, читать книги по психоанализу, Фрейда там или что-нибудь ещё?

– Да, ты права, – отвечал Ганс, – только всё намного проще. Как таковой психологией я не занимался, и Фрейда я то-

же не читал. Но к изучению одной книги я действительно подошёл вплотную, и она содержит много работ различных немецких психологов, в том числе и Фрейда. Она называется «Методы допроса спецслужб Третьего Рейха».

– Кошмар какой! – ужаснулась Фрэн, – я слышала о подобных изданиях, но всегда считала, что там описываются жестокие пытки.

– Ты что?.. Это же самая вершина! – продолжал Ганс, – исключительность допроса состояла именно в том, чтобы вывести человека на чистую воду незаметно для него самого таким образом, чтобы он понял абсолютную бесполезность в сопротивлении и лжи, легко и радостно без какого-либо причинения физического вреда. Тем более что допрашивать зачастую приходилось привилегированных членов общества, включая офицеров Вермахта, а здесь уже ни о каких грубых воздействиях не могло быть и речи.

В этот момент Хэлбоксу захотелось просто уничтожить Ганса, если бы такая возможность была. Не выдержав внутреннего раздражения, он принял решение продолжать гонку в одиночестве, после чего включил как всегда свою тяжёлую интенсивную музыку на всю громкость и начал ускоряться на форсаже. В колонках зарубила ритмичная, поражающая своей массивной абстрактностью композиция «Rational Gaze», известного своими сложными ритмами, масштабной энергией и иррациональными музыкальными оборотами шведского коллектива «Meshuggah». За ней последовала композиция

«Bleed». Что и говорить?.. – Шведы, по мнению Хэлбокса, подходили к Антарктическим пейзажам за бортом сновигатора как нельзя лучше, особенно в безветренную чистую погоду в условиях хорошей видимости.

– Ты куда опять понёсся, Хэл? – спросила Фрэй.

Но ответа не последовало. Хэлбокс полностью выключил основной канал связи, чтобы его наслаждение от смеси звукового потока и скорости не прерывали переговорами в эфире.

– Да он как всегда на своей волне. Оставь его, Фрэй, он походу обиделся, – сказал Джонс.

– Ну вот, я же говорил... – внезапно начал, Ганс, – стоит только скорректировать человека к правильной цели, как он сразу же начинает заниматься делом, а не размножать свой негатив среди остальных под видом случайных размышлений. Даже веселее стало, как-то будоражит азарт, может тоже газку прибавить, а то мало ли что?

– Только вот не надо притворяться, что ты не хотел ему досадить, – сказала Фрэй.

– Что ты?! – изумился Ганс, – всё в пределах допустимого. Твёрдость и жестокость однозначно необходимы в такого рода случаях! Иначе это превратится в стимулирование пассивных настроений, а в конце тебе просто сядут на шею. Наш случай именно такой. Только шок! Только высокое напряжение!

Пилоты оставили позади Землю Королевы Мэри и двига-

лись по Земле Уиллиса в сторону Земли Адели. Штурман-бот сообщил о прохождении контрольной точки окончания Равнины Шмидта. Пилотировать сновигаторы на Восточном Плато Антарктического материка оказалось наиболее захватывающе. Непревзойдённая снежная пустыня казалась абсолютно бескрайней. Скорость сновигаторов не опускалась ниже ста пятидесяти узлов. Но практически идеальное демпфирование фюзеляжа на небольших неровностях и плавная балансировка кабины в коротких прыжках на такой скорости при очень продолжительном полёте вызвали ужасное укачивание даже у самых выносливых и стойких. К шести часам вечера гонка переходила в завершающую стадию. Штурман-бот сообщил о переходе из зоны Земли Адели в зону Земли Виктории. До выхода на финишную дистанцию оставалось около четырехсот миль. Группа разбилась на большие боковые и фронтальные дистанции. С личным временем было ничего не понятно, так как пилоты расходовали свой запас форсажа на отрезках пути в разных режимах, оставляя его для финиширования. К тому же никто и не вёл даже приблизительных расчётов на такой высокой скорости, всё внимание уделялось управлению. На очередной контрольной точке штурман-бот сновигатора Хэлбокса предупредил об отклонении от курса на десять градусов влево, но тот игнорировал предупреждение из-за чрезвычайного транса, в который впал от естественного влияния ритмично акустических эффектов вперемешку с невероятными пейзажами за

бортом и чувством скорости. Произошло это в результате того, что следовать прямолинейным маршрутом в заданном секторе было не приемлемо из-за вероятных преград в виде холмистости и штурманбот, проанализировав показания ультра-звукового сонара, сделал моментальные результаты по корректировке движения. Дальность сканирования сонаров, которыми были оборудованы сновигаторы первого поколения, не превышала двух миль. Поэтому при скорости в сто шестьдесят миль, на которой двигался «Progressor» Хэлбокса, у него было не больше минуты на совершение манёвра. Едва успев опомниться, он начал уводить штурвал влево, но было уже поздно – разъяренная машина неслась прямо на дюну, от столкновения с которой можно было спастись только резким торможением с заносом, так как угол подъёма на такой скорости не допускал мягкого восхождения. У Хэлбокса быстро пронеслись мысли в голове о возможности осуществить отчаянный прыжок. Для этого ему нужно было ещё больше ускориться и на форсаже перед самым склоном дюны полностью завалить назад механизацию заднего антикрыла. В этом случае его ожидал бы настолько сумасшедший и опасный прыжок, что сравниться он мог бы только с перегрузками стартующей в космос ракеты. Но это было не самое страшное. Возможно, он бы и пошёл на такой прыжок, если бы точно знал, что его ждёт на другой стороне дюны. В любом случае машина уже приземлилась бы экстренно, и дальнейшее ей управление было под вопросом. Ещё од-

на тысячная секунды и вариантов для действий бы не осталось. Хэлбокс резко задавил обе педали механических тормозов, включил реверс, переведя левый рычаг управлением тяги максимально назад и начал кренить штурвалом машину влево. Теперь наряду с большой потерей времени от полного экстренного торможения, разгона и корректировки маршрута при дальнейшем возобновлении движения, у него возникло ещё две конкретные проблемы. Первая – не уйти в затяжной боковой поворот, как Зордакс, и вторая – не потерять заднюю механизацию реверсных лопастей, которые на такой дикой скорости могло спокойно оторвать встречным воздушным потоком, вперемешку с тяговой газовойвоздушной массой двигателей.

Хэлбоксу повезло... Достаточно ловкий, средний по весу и маневренный «Progressor» максимум, что позволил себе, так это приподняться и встать на одну лыжу, проехав так около полумили. Зато столб снега, который он поднял на этом манёвре, было видно наверно даже из космоса. В результате сновигатор благополучно сел в сугроб перед самой дюной без каких-либо повреждений. Всё было прекрасно, Хэлбокс перевёл рычаг управления тягой вперёд, реверсные лопасти аккуратно легли обратно на внутренние плоскости корпусов двигателей. Сновигатор вел себя, как ни в чём не бывало, и даже не просигнализировал ни об одном экстренном превышении в параметрах управления. Было несколько обидно даже до смешного, так как время явно было упущено.

но, ошибка в пилотировании была смешная, а причин изображать из себя крутого гонщика – ветерана, героически пострадавшего от суровых испытаний Антарктики, не было, так как предъявить никаких доказательств или похвастаться перед всеми своими повреждениями не представлялось возможным. Хэлбокс почувствовал себя очень глупо, единственным облегчением было то, что в очень сложной и опасной ситуации он полностью сохранил дорогостоящую машину.

Сновигатор медленно вылезал из глубокого снега, потихоньку набирая скорость и выходя на новую траекторию маршрута. Делать было нечего, гонка, по-видимому, была загублена, так как общая потеря времени составляла приблизительно минуты три – четыре.

– Немец, гад, накаркал! – подумал про себя Хэлбокс.

Раздосадаванный он продолжил своё движение до финиша, где его ждал «смертельный приговор» диспетчера.

ГЛАВА XXVI. СТАНЦИЯ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ»

Станция №37 «Ленинградская» (Leningradskaya) Россия 69⁰ ю.ш. 159⁰ в.д. расположена на берегу Отса, северного побережья Земли Виктории. Открыта 25 февраля 1971 года участниками 15-й Советской Антарктической экспедиции. Температура воздуха в этом районе практически весь год отрицательная, -1,5⁰ в июле.

В девять часов вечера пилотов уже встречали на стартовом полигоне механики бригады техсопровождения. До полуночи им предстояло осмотреть три основные машины после протяженного маршрута перед следующим стартом с утра. Выбывший из гонки сновигатор Хэлбокса было решено проверить завтра. Администратором на станции была Марина. Она очень вежливо проводила пилотов до их комнат, а спустя сорок минут им был предложен поздний ужин. Утренний старт перенесли на час позже по расписанию. Марина, несомненно, была очень красивая, так как при отборе персонала на станции для программы «Полярной Навигации» наряду с уровнем образования, профессионализма, учитывались в первую очередь обаятельность и внешний вид. Она носила строгую юбку до колен, блузку, кофту, темные колготки и туфли на высоком каблуке, в целом – стандартный офисный набор. Каштановые, густые прямые волосы, красновато оттенка свисали чуть ниже плеч и переливались на свету своим упругим блеском. Большие карие глаза, длинные ресницы, скулистые формы лица и объемные гу-

бы успешно дополняли модельную внешность и выразительность форм. Все это вместе с приятным голосом и экзотическим ароматом духов превращало сдержанность и строгость поведения Марины в мощное орудие организации масс и манипулирования людьми. Фрея даже сразу напряглась и стала подозрительно относиться к реакциям Джонса, слегка раздражаясь внутри из-за собственных чувств характерной ревности. Гансу Марина явно понравилась, но за рамки классической немецкой галантности он не выходил, так как был женат.

Сама станция была небольших размеров, состояла всего из нескольких модулей и планировалась, как памятный музей. Внутри она отличалась от предыдущих российских станций сочетанием палитры оттенков и материалами отделки. В дизайнерском отношении тоже были сделаны шаги именно в сторону ретро направлений, и первую очередь это касалось сочетания ковровых дорожек в коридорах с зелеными светильниками, торчащими на позолоченных кронштейнах из стен, а также использованием невысоких колон и полуколонн из искусственного мрамора. Дизайнеры хотели явно добиться внутренней обстановки Зимнего Дворца. В холле станции в качестве исторического артефакта был установлен полутораметровый постамент, на котором возвышалась большая бронзовая статуэтка Владимира Ильича Ленина высотой около метра в классической позе с правой вытянутой вперед рукой и левой, согнутой в логте, держащей лацкан пи-

джака, из-под которого выступал жилет костюма «тройки». Также рядом располагался уголок исторических материалов, где на стендах под стеклом с подсветкой располагались фотографии, документы и исторические справки, касаемо истории создания и развития всех Антарктических полярных станций времен Советского Союза. Ленин был очень профессионально подсвечен галагенными светильниками с потолка и выглядел как очень дорогая и редкая музейная реликвия. К тому же исполнение статуэтки действительно относилось к первой половине двадцатого века, она была заимствована из частной коллекции кого-то из бывших генеральных секретарей ЦК КПСС.

– В такой обстановке при сложившихся обстоятельствах я чувствую себя как в известном детективном романе «Десять негрятят», – сказала Фрэн за ужином.

– Точно! «Один не вернулся, и их осталось трое», – подчеркнул Ганс с галантной сдержанной улыбкой на лице.

– А мне вся эта обстановка напоминает фильм «Твин Пикс» Дэвида Линча, – подметил Джонс, – особенно Ленин в холле, ковровые дорожки и сама Марина на каблуках в приглушенном свете зеленых ламп. Как будто в Чёрном Вигваме очутился.

– Вот-вот, и сейчас ещё лилипут выйдет из коридора, медленно пританцовывая. Никогда не забуду, как он оригинально танцевал, – присоединился к его впечатлениям Хэлбокс.

– А ты, Хэл, всё-таки допрыгался со своей музыкой, –

сочувственно констатировала Фрэя, внезапно переведя тему разговора в другое русло.

– Я бы здесь ещё и старый патифон закрутил с американскими джазовыми записями на пластинках сороковых годов, – игнорировал вопрос Фрэй Хэлбокс, – говорят, у Архипа Великого есть такой в «Big Father House».

– Почему он вообще так называется? Что это значит – «Дом большого Папы»? – спросил внезапно Джонс.

– Да у них там вообще многое не просто, – умозаключила Фрэя.

– На самом деле «Big Father» или, как ещё по-другому их называли, «Big Daddy» – это прозвище одного передвижного модуля составной английской станции «Халли», – начал объяснять Ганс, – когда разработка программы только началась, Архип обратил внимание, что на фоне этих корпусов на четырёх лыжах сновигаторы выглядят, как их маленькие дети среди родителей по внешнему принципиальному сходству, отсюда и пошло это название. А позже, когда он арендовал у американцев одно из главных помещений на станции «Амундсен – Скотт» под головной офис, ему захотелось, чтобы сверху над входом была какая-нибудь фундаментальная фраза, как и положено в таких случаях у масонов и прочих сверх деятелей. Он долго выбирал из немецкого репертуара и латыни, пока американский посол не посоветовал ему очень простую и глобальную фразу, сочетающую в себе тот самый псевдоним модуля «Халли», ставший фразеоло-

гизмом и вошедший в историю программы. К тому же Архип Великий является первооснователем сновигатора, как нового типа транспортного средства, поэтому всё получилось достаточно логично.

– Ничего себе познания! – удивлённо протянул Хэлбокс.

– А почему он не захотел расположиться на отечественном «Востоке» с остальной базовой частью программы? – спросила Фрея.

– Говорят, это было своеобразным антимонопольным жестом, позицией некоего аутсайдера что ли, чтобы русские не очень сильно задавались, что часто встречается среди управляющих структур. К тому же географическое положение прямо в центре Антарктики на самом деле является наиболее символичным в плане власти и управления, – ответил Ганс.

– Слушай, а почему он вообще «Великий» то? – обращаясь ко всем начал ёрничать Хэлбокс с некоторым раздражением.

– Да потому что не «Ужасный»! – пошутил Джонс и расмеялся.

– Это ещё одна история, скорее слух о его якобы древних корнях, глубоко уходящих в дворянское сословие, приближенное к Королевскому Двору Великобритании. К тому же он начинал с псевдонима «Гросс», Архип Гросс, используя в качестве модели имена некоторых выдающихся людей в России, таких как, например, Константин Эрнст, что с

немецкого буквально переводится, как Константин Серьёзный. Таким образом, он сформулировал свой псевдоним и стал Архипом Великим, хотя некоторые представители высокой ячейки до сих пор придерживаются мнения, что всё это не больше, чем намеренный пафос, связанный с особенностями его мировосприятия. Скандал в каком-то роде или намеренное желание вычурно поставить себя выше остальных, чтобы вызвать бурю негодований и смеха, – подробно объяснил Ганс.

– Подожди, Ганс, а откуда ты всё это так подробно знаешь? – спросил Джонс.

– У нас в Германии очень внимательно относятся к подробностям, – с гордостью пояснил Ганс.

– Хорошо! Убедил! – произнёс с недовольным равнодушием Хэлбокс, вставая из-за стола, – пойду спать, надоели эти виртуозные гимны Его Величеству, Король тоже мне Матиуш Первый нашёлся.

– Но, не зависимо от этого, платит он вам хорошо, должен заметить, – подчеркнул Ганс, заканчивая беседу, – позволить себе с двух вознаграждений за миссию личный дом на Крымском берегу, это привелегия не для среднего класса.

Группа разошлась по своим комнатам. В ночной тишине среди пустых коридоров станции под светом фонарей как прожекторов остался бодрствовать только один бронзовый Ленин на постаменте с вытянутой вперед кистью руки и устремленным взглядом, куда-то видимо в будущее.

ГЛАВА XXVII. ДИСТАНЦИЯ «Ленинградская – ЧАН БОГО»

На следующий день в двенадцать часов после завтрака оставшиеся пилоты вновь стартовали до станции «Чан Бого». Весь маршрут протяжённостью триста восемьдесят миль проходил по Земле Виктории вдоль побережья. Расчётный интервал времени находился в диапазоне от двух с половиной, до трех с половиной часов. Очерёдность вылета уже не имела никакого значения. На такой короткой дистанции можно было сразу рвать форсаж со старта и идти на намеренный обгон, как в принципе все и поступили. Ситуация накалялась. Для Джонса и Фрэй наступал не самый лучший момент в отношениях, к тому же было ясно, что если один из них проиграет эту гонку, то второму придётся сражаться один на один с Гансом на следующей достаточно сложной и продолжительной дистанции. Ганс явно не собирался проигрывать и в этот раз тем более, он удерживал достаточно преимущественную позицию и уверенно шёл впереди. «Space Shark» Фрэй хоть и был самой новой модернизированной моделью среди остальных сновигаторов, всё равно уступал по динамике и мощности разгона «Быстрому Вектору» Джонса. К тому же Джонс был профессиональным пилотом, а Фрэй военным инженером строителем подземных

коммуникаций.

Необходимо было особенно рационально подойти к вопросу о том, кто из них должен продолжить гонку. В то же время сделать это необходимо было ненавязчиво без каких-либо заранее спланированных договоренностей, нарушающих протокол. А так же, не смотря на то, что Джонс выступал как-бы первым претендентом в этом вопросе, Фрэй обладала серьёзными лидерскими качествами и как офицер не могла просто так согласиться на поражение. Она также не имела право исключать и их общую с Джонсом победу, то есть по-сути проигрыш Ганса, так как была хорошо обучена всегда вести борьбу и, не в коем случае, не поддаваться видимым преимуществам врага, как критически опасным предубеждениям. В действительности сказывалось ещё и то, что трасса всё-таки была не известна никому и не была настолько прямолинейно ровной, как предыдущая дистанция. Этот факт не исключал риска случайного выхода с дистанции любого сновигатора и здесь ситуация становилась ещё хуже. С одной стороны, им с Джонсом вдвоем было бы лучше расслабиться и аккуратно дойти до «Чан Бого», где Джонс бы победил и продолжил более сложный заезд с Гансом уже в ожесточённой борьбе, имея явные преимущества. С другой – никаких гарантий на текущем маршруте в данный момент не было, и результат мог бы стать гораздо худшим, чем прежде спланированный. Время тем самым неумолимо шло, форсаж кончался, а случайно победить Джонса, и остаться

наедине с Гансом было одним из самых плохих решений. Сговариваться между собой или скрытно планировать что-либо за спинами третьих лиц не входило в привычки обоих, оставалось только одно, а вернее ничего другого, как только дальше продолжать этот скоростной штурм, рискуя и стараясь по-настоящему изо всех сил.

– Ну и как тебе это, Фрэя?! – спросил внезапно Джонс.

– Да уж!.. Вся тяжесть наказания Архипа проявилась под конец, – ответила она ему.

– Всё так и должно быть! – заявил Ганс, – именно это и есть настоящая, честная гонка, именно так и воспитывается характер, и определяются лидеры, всё остальное – всего лишь попытки, подтасовки и фэйк.

– Будь что будет! – подумала Фрэя и выжала гашетку форсажа ещё сильнее, решив обогнать Ганса.

– Даже не пытайся! – жёстко предупредил он её и тоже ускорился.

Да, несомненно, Ганс был одним из лучших. Следуя по достаточно проблемной местности, он безупречно пилотировал на форсаже, не допуская ни одной ошибки. Сколько бы попыток не предпринимала Фрэя обойти соперника, Ганс всё равно прочно удерживал линию первенства. Джонс тоже не оставал, но и не лез вперёд, как Фрэя. Он решил отложить возможный рывок на случай, если Фрэе всё-таки удастся обогнать Ганса. В этом случае он однозначно бы пошёл на обгон. Дистанция подходила к концу, и Джонс сделал

несколько приблизительных расчётов, начал предфинишную атаку обоих пилотов безвыборочно. Медленно и плавно сноувигатор Фрэй начал оставаться позади, не смотря на все её усилия. Ей стало немножко обидно, что машина не позволяет развить достаточной мощности, но она не сдавалась, рассчитывая на возможную ошибку в пилотировании Ганса, и продолжала свою упорную борьбу. Гонка подходила к концу, результат был очевиден, в четырнадцать сорок пять Фрэй зашла в коридор стартового полигона «Чан Бого», завершая финишную тройку.

ГЛАВА XXVIII. СТАНЦИЯ «ЧАН БОГО»

Станция № 85 «Чан Бого» (Chan Bogo) Южная Корея 62⁰ ю.ш. 58⁰ з.д. была открыта 12 февраля 2014 года. Находится в Юго-Восточной части Антарктиды на Земле Виктории. Среднегодовая температура на станции около -14⁰ С.

Одной из самых продвинутых в архитектурно дизайнерском плане была, несомненно, Южно Корейская станция «Чан Бого», которая располагалась на побережье моря Росса Тихого океана и была названа в честь корейского военачальника девятого века. Конфигурация внешнего корпуса станции была выполнена виде трёх лучевой звезды, что делало её похожей на инопланетный космический корабль или инопланетную космическую станцию. Это в свою очередь придавало некий прогрессивно эволюционный оттенок фантастического будущего.

На станции наших пилотов встретил кореец Тхай Шин. Дальнейший план действий ничем не отличался от предыдущих расписаний. Обед, экскурсия по станции, свободное время, ужин и сон. Несомненно, внутри станция была настолько же прекрасна, как и снаружи. Корейские дизайнеры работали в современных футуристичных направлениях. Техническое оснащение постоянно модернизировалось и содержало экспериментальные новинки. Все двери на станции,

например, были автоматическими. Очень часто использовались настенные сенсорные экраны информационной поддержки и управления климатом в отдельных помещениях и секторах, на которых можно было узнать всё что угодно, от погоды до обеденного меню. К примеру, в холле, в зоне отдыха, подобно тому, где Фрея общалась с Гансом и Йозефом на станции «СНАЭ IV», можно было настроить отдельные параметры температуры окружающего воздуха, интенсивность освещения и количество ионизированного кислорода в воздухе с одного такого сенсорного терминала, не зависимо от всего остального пространства.

Иллюминация на терминалах вообще настраивалась с использованием эквалайзера, что позволяло с легкостью добиться неповторимого эффекта, просто предвигая полосу на экране. Также можно было программировать свет на сопровождение, когда он загорался и гас волной вслед за идущим. Таким образом, можно было контролировать любые передвижения на станции по ночам, правда, для чего это было нужно Тхай Шин не смог конкретно объяснить, в идеологии их прогрессивного развития был заложен принцип непрерывного эксперимента. Так, например, считалось, что одним из вариантов достижения прогресса может являться возникновение нового из множества экспериментальных форм над уже существующим, не зависимо от установки конкретных целей. В итоге получалось действительно интересно, легко, комфортно и непривычно, что сильно отли-

чало обстановку от технических и дизайнерских стандартов остальных станций. В комнатах и зонах отдыха обязательным были планшеты с доступом к высокоскоростному интернету, как и на других станциях. Отличительной особенностью являлась возможность просматривать в режиме онлайн здание станции с прилегающей территорией снаружи с разных ракурсов. К примеру, лёжа у себя в комнате на диване можно было наблюдать, как подъезжают и паркуются сновигаторы на стартовом полигоне или у входа на станцию. Одной из камер были три полностью автоматических квадрокоптера, которые сменяли друг друга для подзарядки, использовали запрограммированный маршрут полета, включая взлёт и посадку, и поднимались вверх над станцией на высоту семидесяти метров, совершая круговой обзор, в зависимости от погодных условий.

– Ты сильно расстроилась? – спросил Джонс Фрэю после обеда.

– Да всё в порядке, я даже чувствую какое-то облегчение, – ответила она ему.

– В любом случае у нас с тобой целый день и мы можем провести его вдвоём, – продолжал Джонс.

– Мне очень приятно, что ты действительно об этом думаешь, – ответила Фрея, – интересно, сколько уйдет времени, чтобы спокойно доехать до «Амундсен-Скотт»?

– Ты о чём? – переспросил Джонс.

– Я получаюсь последняя, кого будут ждать там перед

стартом на «Восток». Не люблю, когда меня ждёт много людей. К тому же, я никогда не была на Амундсене. Говорят, там очень интересные и красивые тренировочные равнины вокруг станции, хочу посмотреть и покататься. Если честно, я не отказалась бы побывать в «Big Father House», если пу-
стят, конечно.

– Ты собираешься придти в приёмную и попросить разрешение у секретаря?

– Не знаю, а ты думаешь, это выглядит не серьёзно?

– Всё зависит от того, насколько лояльно к этому отнесётся Архип Великий. Но мне почему-то кажется, что он захочет с нами познакомиться и всех нас там соберёт. Ты вообще его видела когда-нибудь?

– Один раз, мельком, в самом начале наших полярных тренировок. Он прилетал на «Беллингаузен» посмотреть, на что похожи наши первые попытки групповых заездов.

– И как он тебе?

– Подозрительно молодо выглядит для своих лет.

– А сколько ему?

– Разменял шестой десяток, но на вид лет сорок не больше.

– Он что тогда не познакомился с вами?

– Нет, ты что! Их прилетело человек пять, один был с красивой девушкой, толи дочерью, толи подругой. Нас к ним не допускали и не знакомили.

– Почему?

– Не знаю, возможно, не были уверены, что мы справимся. Хотели подождать какого-то конкретного результата. Очень долго решался вопрос, из какого контингента набирать состав команды для миссии.

– А в чём состояла проблема?

– Нужны были военные инженеры в звании с хорошими физическими данными для перегрузок и экстренных ситуаций с навыками профессионального вождения или пилотирования.

– Так набрали бы военных лётчиков, да и всё.

– Во-первых, не каждый согласится добровольно поехать в Антарктиду от семьи, рисковать здоровьем и жизнью в экспериментальном проекте. Во-вторых, необходимо было понять, сможет ли обычный человек без навыков управления машиной на высокой скорости, как лётчики авиации, освоить управление сновигатором и насколько быстро это произойдёт, так как для развития индустрии это был самый главный фактор.

– Теперь мне всё понятно, – ответил Джонс.

– Ладно, пошли – пройдемся перед сном, – сказала Фрэйя и, встав из-за стола, потянула Джонса за руку.

А за соседним столом в своей обычной позе с вытянутыми ногами сидел Ганс, медленно допивая свой кофе, и совершенно отвлечённо и задумчиво смотрел куда-то перед собой.

ГЛАВА XXIX. ДИСТАНЦИИ «Чан Бого – Амундсен

Джонс проснулся на час раньше запланированного времени. Он ещё долго лежал и просто смотрел на спящую рядом с ним Фрэю. Его мысли о предстоящем состязании переплетались с чувствами ответственности за победу, от которой зависело не только его с Фрэй будущее, но и будущее всех членов команды. Просто получить вознаграждение за миссию было недостаточно, необходимо было однозначно придти первым, чтобы в дальнейшем иметь стопроцентную возможность участвовать в последующих проектах программы, ведь она только начала развиваться, а значит, у неё было долгое и интересное будущее. За пятнадцать минут до того, как их должны были разбудить по громкой связи в его комнате, он аккуратно встал и отключил её через управление на сенсорном мониторе «интеллектуального помощника», встроенного в стене, чтобы не разбудить Фрэю, которая продолжала мирно спать. Он оделся и осторожно поцеловал её перед выходом. Фрэй поёжилась и что-то промямлила во сне. Джонс абсолютно спокойно и собранно покинул комнату с осознанием того, что ему предстоит ещё увидеться с Гансом за завтраком.

При встрече Ганс протянул ему руку и сделал лёгкий кивок головой, в качестве приветствия. Они сели как обычно за разными столами, времени было девять пятнадцать утра, до старта оставалось сорок пять минут.

– Скажите, Джонс, – обратился Ганс, – сейчас на «Амундсен-Скотт» пять, а всего вместе с вашей подругой здесь шесть человек, судьба которых полностью зависит от вас, не так ли?

– Абсолютно верно, – спокойно ответил Джонс.

– Вы испытываете какие-нибудь особые чувства по этому поводу?

– Не больше, чем просто осознание ответственности.

– Не считите мое любопытство назойливым, я просто хочу понять, у кого из нас сильнее обоснованность к победе.

– Зачем? – поинтересовался Джонс.

– Существует мнение, что из двух одинаково сильных соперников побеждает тот, у кого обоснование к победе сильнее.

– А какое ваше обоснование? – опять спросил Джонс.

– Хм... – задумчиво произнес Ганс, – если сегодня к финишу я приду первым, меня наградят Офицерским Крестом «Ордена за заслуги перед Федеративной Республикой Германия», – с гордостью и очень серьёзно ответил Ганс.

– Ммм-да... – подумал про себя Джонс, – у меня здесь шесть человек, плюс я, и все хотят продлить контракт, чтобы не потерять бабло, а тут всего лишь какой-то крест.

– А у вас, конечно, всё сводится к сохранению контракта, то есть высокому, стабильному материальному обеспечению с престижным социальным уровнем, не так ли? – продолжил Ганс с улыбкой на лице.

– Не скрою, это действительно так, – ответил Джонс.

– В связи с этим у меня возникает ещё один вопрос. Скажите, если бы вас сегодня ожидала аналогичная награда за победу, только естественно от вашего государства, обоснование стало бы больше или меньше?

На этом месте Джонс начал понимать, что его пытаются морально вскрыть на неприятном сравнении в вопросах собственного достоинства, причём очень каверзным способом. Но он не растерялся и спокойно ответил, не теряя ритма диалога:

– Признаюсь, после того, как возник данный вопрос, то конечно, обоснование было бы максимальным. Но должен заметить, что мы говорим о разных по своему принципу факторах ответственности. Моё командование требует от меня профессионального выполнения поставленных перед нашей миссией задач, а ваше руководство предложило вам отбить у нас линию первенства, чтобы стать основой в подборе контингента для будущих программ. Между нашими целями огромная разница.

– Я всего лишь хочу, чтобы сегодня каждый хорошо понимал, ради чего будет происходить эта схватка. Это придаст ей откровенности и остроты, она должна быть настоящей и честной, чтобы стать запоминающейся. Ведь честное поражение ничем не хуже честной победы, – закончил свою мысль Ганс с выражением некоторого внезапного порыва откровенности.

Джонс понял, что имел в виду Ганс. Его настрой открывал представление о сущности противоположной силы, заранее одновременно подготавливал к тяжёлой борьбе и давал право на гордое поражение. Чувство, которое возникало при этом, не относилось к чувствам дружелюбия, но полностью позволяло откровенно желать друг другу удачи.

Стоя перед выходом со станции пилоты ещё раз обменялись рукопожатиями и, надев гермошлемы, двинулись к своим сновигаторам.

Диспетчер незамедлительно представился после того, как захлопнулись кабины, и прошла загрузка основных бортовых систем. Практически весь маршрут в одну тысячу двести тридцать восемь и шесть десятых мили проходил через Трансантарктические горы, огибая с правой стороны шельфовый ледник Росса, и заканчивался на Полярном Плато в самом центре Антарктики. Время следования было рассчитано с большим интервалом от восьми до двенадцати с половиной часов, с поправкой на очень сложный рельеф прохождения дистанции. По погоде особых замечаний не было, кроме того, что на весь маршрут обещали пасмурное небо.

Временной интервал между стартами решено было исключить полностью, оба пилота в этот раз стартовали одновременно, полигон спокойно позволял это сделать. Таким образом, перед пилотами открывалась невесёлая перспектива десять часов подряд толкаться, обгонять и подрезать друг друга на опасных виражах в неизвестных «коридорах» среди

горных хребтов. Можно было использовать сразу несколько тактик прохождения, но с учетом полнейшего отсутствия какой-либо информации о структуре ландшафта каньонов, определиться было практически не возможно, и все решения могли быть приняты только во время гонки.

Момент наступал по истине грандиозный. Два военных лётчика одинакового возраста и лётного стажа из разных стран, не одно десятилетие находящихся в тесном конкурентном сотрудничестве, на двух разных сновигаторах: первом, собранном в извесных немецких мастерских, имеющих легендарное имя в истории машиностроения и другом, выполненном в российском бюро высоких технологий по спецзаказу, являющемся новейшей экспериментальной разработкой в сфере высокоскоростного транспорта, стояли сейчас на одной стартовой прямой с разогретыми до максимума двигателями, готовые в любой момент сорваться вперёд, для того чтобы выяснить, кто из них всё-таки сильнее, быстрее и профессиональней.

В эфире прошла команда диспетчера на первую готовность перед стартом.

Включился обратный отсчёт. И вот сновигаторы начали динамично разгоняться параллельно друг другу. Пилоты тонули в своих лётных глубоких кожаных креслах около минуты, пока машины набирали свою максимальную скорость в двести узлов по прямой. До входа в зону горных Трансантарктических хребтов они могли свободно двигаться на та-

кой скорости ещё около десяти миль.

Пока они шли так около получаса, Ганс решил ещё кое-что сказать Джонсу:

– Ты знаешь, Джонс, что у тебя есть реальное преимущество в этой гонке передо мной.

Джонсу стало интересно:

– И какое же?

– Сейчас за тебя болеют сразу пять человек, а за меня ни одного, – ответил он.

– Но позволь, разве за тебя не болеет вся Германия, – возразил Джонс.

– Это так, но никто из них не находится сейчас конкретно на «Амундсен-Скотт».

– А разве это имеет какое-то значение? – поинтересовался Джонс.

– Конечно! – ответил Ганс, – с точки зрения кармической энергетики и всего остального за пределами материи это просто бомба. Только представь, что в пункте «А» собралась целая куча людей, которая одновременно и очень сильно массой своего сознания искренне до глубины души желает, чтобы ты приехал к ним первый, а я вообще не приехал. Как тебе такая теория? Этот принцип определяет поведение игроков во время соревнований, когда воля толпы действует как допинг и влияет на итог игры.

– Слушай, ну ты меня только что поставил в неловкое положение, – начал Джонс, но не успел продолжить, так как

Ганс перебил его.

– Да ладно я пошутил! – и Ганс от души расхохотался, – хотя это действительно так, будем считать, что я дал тебе фору.

– О.к.! – сказал Джонс.

Пилоты заходили в зону хребтов, начинались крутые виражи на затяжных поворотах с боковыми подъёмами, прыжками и уходами в короткие коридоры. «Коридорами» назывались области дистанции между склонами холмов, они были разной ширины и сложности. По-сути весь путь в этой зоне был следованием по такому коридору, который образовывался в результате естественного выбора маршрута пилотом.

Скорость резко упала, что было естественно, и теперь не превышала сто тридцать узлов. Ганс ушёл вперед, приходилось постоянно маневрировать, чтобы уходить от снежного хвоста, который оставался за его сновигатором и абсолютно снижал видимость. Он хорошо подбирал маршрут, не оставляя логического выбора для ухода по другому пути. УЗС, он же ультразвуковой сонар, очень плохо работал в такой местности, упираясь матрицей снимков в близлежащие склоны гор.

После двух часов езды по сложным ландшафтам Джонс приноровился к манёврам, свойственным для этой области и как опытный пилот начал приблизительно разрабатывать

дальнейшую стратегию, исходя из оставшегося расстояния до выхода из области горных хребтов и количества форсажной смеси в баке. Всё это время он параллельно вёл машину, не снижая скорости, что серьёзно усложняло весь процесс, так как все расчёты было необходимо производить с учётом постоянного уменьшения расстояния, отвлекаясь на показания приборов и переключая масштабы навигационных карт. Иногда он едва успевал уходить в сложный вираж на очередном повороте, рискуя потерять управление и врезаться в массивы снега на склонах. Результатом его вычислений стал следующий алгоритм действий. От точки окончания области горных хребтов до конечного сектора, где находилась станция, было чуть больше двухсот миль по предположительно ровной поверхности маршрута. Это расстояние необходимо было использовать как максимально эффективное для разгона. Значит, большую часть форсажа надо было использовать именно там, а до этого постараться не сильно отстать от Ганса. Оставалось самое главное и весёлое в то же время, – дело в том, что проходить область хребтов было не обязательно, следуя в очереди одним маршрутом друг за другом. Можно было уйти в другие параллельные «коридоры», в любую сторону, и это даже значительно сняло бы напряжение в гонке. Но существовал классический для всех водителей приём пристраиваться сзади и спокойно следовать за ведущим, попутно обходя его ошибки в управлении. Каламбур заключался в том, что Гансу это также было известно, как

и Джонсу и оба это хорошо понимали. Гансу наверняка бы не понравилось, если бы его соперник постоянно использовал проложенный им маршрут до точки возможного разгона и постарался бы оторваться или прибегнуть к хитрому манёвру ухода на другой коридор, чтобы остаться один. Также самостоятельный одиночный уход в другой коридор являлся как бы лотереей, ведь на дистанции с общей продолжительностью выигрывал тот, кто делал меньше маневров в поворотах и объездах, а также спусков и подъемов, так как для этого приходилось постоянно снижать скорость и разгоняться вновь. Неизвестным также оставался процент ошибок в пилотировании у Ганса, который довольно резко управлялся с препятствиями, поэтому Джонс решил большую часть горных хребтов проследовать за ним, попутно изучая манеру его езды. Затем, после половины пройденного маршрута, уйти в соседний коридор на удачу и проследовать до выхода из него как можно быстрее, максимально сконцентрировавшись. По его расчёту, к этому времени Ганс порядком бы утомился от сложных маневров, и стал бы двигаться значительно медленнее, а он бы только как раз начал усиленно работать и, как говорится, со свежими силами преодолел оставшееся расстояние.

Чтобы не выдать свой план действий и не привлекать особого внимания к своей тактике преследования, Джонс решил остаток расстояния до своего ухода в другой коридор потратить на ложные попытки периодических обгонов, тем самым

давая понять, что он якобы хочет обогнать Ганса и просто уйти вперёд, создавая иллюзию какого-то постоянного действия и отвлекая внимание от настоящих целей обычного следования за Гансом по проложенному им пути. Для этого приходилось иногда очень аккуратно использовать форсаж, чтобы не потратить его слишком много. Джонс ускорялся и заходил на обгон по склонам сбоку, но умышленно не завершал манёвр, а отступал назад перед очередным поворотом, чтобы не столкнуться со сновигатором Ганса, и так каждый раз при достаточно удобной возможности. Этот способ действительно оказался успешным. Удручённый участием первопроходца, Ганс не то чтобы не предполагал тактические схемы Джонса, а вообще не мог понять, чего он добивается. К тому же уступать ему лидерство в коридоре он не был намерен исходя из общих понятий о предотвращении возможных угроз.

Гонка входила в свой миттельшпиль. Пилоты хорошо размялись, и теперь, были одним целым со своими машинами. Реакции стали быстрее, натиск и скорость потихоньку нарастали. Наконец, на шестьсот пятидесятой мили маршрута, выйдя на очередное плато, Джонс увидел уход в другой коридор с хорошим углом захода. Он не стал терять времени на раздумья и, чуть добавив форсажа, резко отклонился от прежнего курса. На форсажном разгоне по ровной поверхности с хорошим острым углом отклонения он быстро сравнялся с Гансом, и их сновигаторы практически одновремен-

но скрылись в разных коридорах. Теперь от Джонса требовалась максимальная отдача, это был его личный маршрут и только от его внимательности, скорости и профессионализма зависило успешное его прохождение. По своей сложности, как он заметил в первые двадцать минут следования, его коридор ничем не отличался от предыдущего, где всем заправлял Ганс. Но впоследствии Джонс обратил внимание, что углы в поворотах были более тупые, а всего уходов в сложные манёвры стало меньше, и это его действительно начало радовать. Всё складывалось хорошо, хотя конечно он понимал, что у Ганса вполне могло быть гораздо лучше. На фоне происходящего, Джонса начала посещать мысль о том, что ландшафт горных хребтов имеет свойство рассеивать сложность рельефа и снижать крутизну склонов в зависимости от удаленности от его центра протяженности. Иными словами, по краям коридоры были проще, чем в центре, но он не был уверен в этом до конца, так как не обладал широкими познаниями в геологии. Оставалось только одно, – дождаться выхода из зоны хребтов и убедиться в полученном результате по факту. Это ещё больше интриговало и вызывало страсть к быстрейшему прохождению данной дистанции.

Точки на радаре, соответствующие местоположению снеговигаторов в пути, как назло не отставали друг от друга. Цифры на панели навигации предупреждали о скором выходе из зоны Трансантарктических хребтов, показывая зелёным цветом математическую разницу между основным расстоя-

нием красного цвета и фактически пройденным – синего. Наконец,

впереди начала открываться просторная свобода снежной равнины. Джонс добавил форсажа и через пять минут вылетел на неё, с невероятным облегчением оставляя за собой самую тяжёлую и сложную часть их маршрута. Девять с половиной часов постоянного напряжения в управлении сновигатором не могли остаться незамеченными. Джонс встал на курс и начал плавно набирать скорость, понемногу добавляя форсаж. Теперь всё зависило от скоростных способностей сновигаторов и количества оставшейся в баке форсажной смеси. Джонс отчётливо наблюдал сновигатор Ганса на радаре, но никак не мог его разглядеть. К слову оцифровка показаний на радаре относительно других машин давалась с достаточной погрешностью, и сновигатор Ганса мог вполне отставать на двести – триста метров, находясь в боковой дистанции от сновигатора Джонса на расстоянии мили. Начинало смеркаться, огромная распростёртая равнина превращалась на горизонте из светло-голубой в тёмно-синюю. Джонс включил фары, длинные острые лучи белого света разрезали темнеющее пространство впереди как лазеры, покачиваясь вверх – вниз при прохождении сновигатором очередного вертикального препятствия.

Внезапно откуда-то сзади и слева вдалеке также показались световые лучи от фар сновигатора Ганса. Джонс резко посмотрел назад и увидел, что Ганс действительно отстал

от него на небольшое расстояние и пытается на форсаже нагнать его, постепенно сужая угол с боковой дистанции по отношению к нему. Он кинул взгляд на панель навигации, – до финишной прямой оставалось двигаться около пятидесяти миль. Потом он перевёл свой взгляд на цифровой индикатор уровня форсажной смеси, её запаса хватило бы на семь, может быть восемь минут максимальной подачи. Это говорило о том, что через десять минут можно было смело включать его и двигаться так до самого конца на перегруженных форсажем нагнетателях, что несомненно предвещало победу. Однако возникала очень неприятная и сложная проблема, – что делать эти десять минут, в то время как Ганс настойчиво приближался к нему, пытаясь вырваться вперед? Прикинув время, за которое Ганс должен был с ним поравняться, Джонс рассчитал, что резко набирать ускорение было бы не так выгодно, как удерживать дистанцию разрыва, плавно расходуя форсаж, так как остаток пути на финише в самом худшем случае можно было бы дойти и на инерции разгона. Джонс начал понемногу добавлять форсаж, его сноavigator заметно ускорялся, не давая приблизиться Гансу. Внезано он понял, что Ганс опять стал настигать его, но уже более агрессивно, что свидетельствовало о его серьёзных намерениях. Тогда Джонс ещё больше увеличил подачу. Постепенно всё перерастало в ожесточённую схватку перед самым финишем и уже через пять минут обе машины были разогнаны до предела, серьёзно подпрыгивая на малейших

неровностях поверхности снежного плато. Чувства жёсткой конкуренции и эмоции азарта нахлынули внезапно как никогда. Внимание к трассе и показаниям на приборах было настолько острым, что на лбу начинал выступать пот, а глаза тяжело резало при каждом переводе взгляда от повышенного давления в капиллярах. Обстановка нагнеталась не только на психологическом, но и на физиологическом уровне. В какой-то момент Джонсу начало казаться, что он находится в другом измерении, не на Земле и не в своей обычной жизни, а в этой сумасшедшей адской обстановке внутри сновигатора или даже внутри высокоскоростного потока вокруг него. Он переживал такое чувство, как будто эта новая реальность завладела им, заиклилась и не хочет отпускать его обратно. Бортовой компьютер начал сигнализировать аномальное повышение температуры его тела и автоматически включил систему жизнеобеспечения на принудительное охлаждение лётного комбинизона. По телу прошла приятная волна свежей прохлады, в лицо внутри гермошлема задули две тонкие струйки холодного воздуха. Наконец, штурманбот сообщил о приближении к конечной фазе их маршрута.

Машины были на пределе своих возможностей. Оба пилота следили за навигационными параметрами и приборами в ожесточённом напряжении, уже не обращая внимания на подробности открывающихся пейзажей и видов за бортом. Уровень форсажной смеси в баке уменьшался на глазах. Скорости сновигаторов достигали двухсот десяти узлов. Бо-

ковая дистанция между ними была около мили и постепенно уменьшалась с приближением к финишу. Таким образом, они создавали ровный клин, угол которого упирался во вход финишного коридора на полигоне.

Джонс влетел в финишный коридор полигона на предельно допустимой скорости для своей машины, как вихрь, дожигая оставшийся форсаж.

Вслед за ним практически без отрыва влетел Ганс на своём «Meerschlag».

Навигационная система первой зафиксировала финиширование сновигатора «Fast Vector» на последней контрольной точке. Дело было сделано, Джонс победил в этой гонке, оставалось только удачно остановить разъяренную до предела машину.

ГЛАВА XXX. «АМУНДСЕН–СКОТТ» ЧАСТЬ I

Затормозить машины пилотам удалось только за пределами полигона. После полной остановки Джонс просто сидел и смотрел в никуда ещё около минуты в жестком ступоре, останавливая психологический криз своего мозга и пытаясь вернуться обратно в реальность. Только полностью опомнившись, он осознал, что диспетчер станции пытается добиться от него ответа по радию о состоянии дел и ситуации на борту его сновигатора. Тогда он незамедлительно ответил и, осмотрев всё по сторонам, начал движение в сторону парковочного узла на полигоне. Вокруг сразу же открылись красивейшие виды арктической площадки «Амундсен-Скотт» и его стартового полигона. Многочисленные флагштоки и огромнейшие корпуса самой станции со стальной обшивкой создавали внушительный эффект глобальности космических конструкций.

– Поздравляю Вас, Джонс! – прозвучал в эфире чей-то голос.

– Спасибо, а кто это? – переспросил он.

– Завершайте парковочные манёвры! Мы с нетерпением ждём вас на входе! – сказал тот же голос в ответ.

Джонса охватило лёгкое волнение, он вдруг подумал, что это мог быть вполне глава корпорации «Polar Navigation» Архип Великий. По полигону уже подъезжали навстречу люди

из группы технического сопровождения на небольших гусеничных вездеходах открытого типа с прицепами, в которых лежали трапы для сновигаторов.

Когда он подъехал к месту своей парковки, Ганс уже покидал свой «Meerschlag», спускаясь по трапу, рядом стояли сновигаторы российской группы, а неподалеку также в ряд под углом к фронтальному краю около десятка других машин, различных моделей и окраски. Издалека было трудно рассмотреть бортовые флаги принадлежности к странам, но практически наверняка они все принадлежали американской стороне.

Джонс спокойно выполнил все завершающие функции внутри кабины. Открыв её, он спустился по трапу и направился ко входу на станцию вслед за Гансом. В этот момент, находясь в центре всего этого великолепия, в самом сердце Антарктики, он испытал чувство неопишуемого восторга, облегчения и окончательного удовлетворения от выполненной им сложной задачи в достижении поставленных целей. Единственное, что ещё до сих пор стесняло его, так это гермошлем, который очень хотелось снять.

Лишь только он вошёл в холл станции, как внезапно вокруг него началось грандиозное торжество, разносящее шквал радости и веселья. Яркие вспышки света от стробоскопов, серпантин и прочие торжественные жесты ошеломили Джонса. Он снял свой шлем, навстречу ему из группы персонала станции, среди которых были также и пилоты его

команды, вышел человек среднего роста, лет сорока, в костюмных серых брюках, костюмной рубашке и накинутой на плечи лёгкой шерстяной кофте. Он нёс перед собой красивый хрустальный кубок в виде айсберга, большую золотую медаль на широкой ленте и цветную глянцевую грамоту. Медаль была выполнена в форме логотипа корпорации, – символа «Полярной Навигации», снежинки с большой латинской буквой «S» посередине.

– Меня зовут Архип, – сказал человек, протянув руку Джонсу, – поздравляю вас, Евгений Громов, с победой и благодарю за успешно выполненную миссию! От вашего сегодняшнего результата зависило будущее всей нашей Программы!

– Большое пасибо! – коротко ответил Джонс.

После этого Архип вручил Гансу аналогичную грамоту и такую же медаль, только серебрянную и, поздравив его, поспешил удалиться.

Впрочем, торжество быстро закончилось, так как в соответствии с естественным пониманием того, что пилоты сильно измождены и перенапряжены, им предоставили возможность сначала привести себя в порядок и отдохнуть, а уже потом, спустя час продолжить отмечать победу.

В половине десятого вечера пилоты вновь собрались в центральном зале, где уже были накрыты столы для фуршета. Сегодня всем разрешено было пить шампанское. Несмотря на усталость оба рейсовых прилёта, и Джонс и Ганс, дер-

жались очень хорошо. К тому же для Джонса праздник был двойной, – он встретился со старыми друзьями по команде, а около полуночи должна была приехать Фрэн, которая отправилась с «Чан Бого» ещё днём после обеда, только по другому маршруту, более простому и короткому, минуя Трансантарктические хребты, напрямую через Восточную равнину.

Все члены российской команды поочередно поздравляли Джонса и расспрашивали о подробностях его гонки. Ганс же держался вне общего веселья довольно скромно и спокойно, но по его выражению лица и настроению нельзя было сделать вывод о том, что он глубоко удручен своим поражением. Скорее он вёл себя настолько легко, как будто ничего и не произошло вовсе. Спустя некоторое время он подошёл к Джонсу и предложил выпить вместе за его победу.

Спустя некоторое время Джонс уже в одиночку сидел в большом мягком и очень удобном кожаном кресле. Он пил холодное шампанское из глубокого фужера и рассматривал свою медаль. Она была полностью выполнена из белого и жёлтого золота. Работа ювелиров с явным применением лазерных технологий поражала качеством своего исполнения: зеркально отполированные пики лучей, заматованные плоскости отдельных элементов, голографические переливы и сверх тонкие платиновые линии штриховки. Джонс понимал, что уже стал обладателем целого состояния, если учесть редкость и историческую ценность этой награды, так как всё происходило впервые, но явно имело долгое продолжение в

будущем.

– Не рассчитывай, что ты один! – подошла к нему захмелевшая Кэтрин, – Звезду дали на всю команду!

– Это не звезда, а снежинка, – поправил ее Джонс.

– Не важно! Мы все её заработали! – и Кэтрин весело расхохоталась, – шампанское явно било ей в голову.

После чего она удалилась неуверенной походкой в поисках своего любимого, а Джонс остался также сидеть, следить за временем и ждать, что кто-нибудь ещё подойдёт поинтересоваться восхитительной наградой.

Наконец наступило долгожданное время, и вахтенный дежурный по станции сообщил всем присутствующим, что сновигатор Фрэй только что прибыл. Джонс встал и поспешил ей навстречу к выходу.

Фрея зашла в холл, сняла свой гермошлем и красиво расправила волосы, сделав грациозный взмах головой. Джонс зашёл в холл быстрым шагом как раз в этот момент. Он увидел Фрэю, их взгляды встретились. Тогда он подбежал к ней, и они крепко обнялись и поцеловались. Они стояли так ещё минуту, обнявшись. Фрея была очень холодная с улицы, Джонс очень горячий, из-за утомленности вперемешку с алкоголем. Всё это вместе с сочетанием запаха волос Фреи вызвало неповторимый возбуждающий контраст у обоих.

– Как ты доехала? – спросил Джонс, не отрываясь от неё.

– Всё хорошо! – ответила она, – отведи меня в комнату, я устала и хочу в душ.

– О.к., пошли. Ты будешь шампанское?

– Да, если можно.

– Сегодня всем можно. Мне Архип медаль подарил, смотри какая красивая.

– Ты молодец! Ты всё сделал круто! Я не сомневалась в тебе! Теперь мы поедem в Европу на твоem «Бумере»?

– Да, конечно, милая, всё, что ты захочешь!

– Народ не обидится, если я не выйду к ним сегодня?

– Не думаю, они понимают, что уже поздно, и ты устала.

– А тебе не надо с ними попрощаться?

– Я сделаю это по пути, когда пойду за шампанским.

– Тогда пошли?

– Пошли.

И они вдвоем направились в комнату Джонса. До следующего дня их больше никто не видел.

ГЛАВА XXXI. «АМУНДСЕН – СКОТТ» ЧАСТЬ II

Станция №3 «Амундсен – Скотт» (Amundsen – Scott) США 90° ю.ш. 0° в.д. действует с 1956 года. Располагается на высоте 2835 метров над уровнем моря. Первая станция в глубине Антарктики, а не на побережье материка. Станция получила свое название в честь первооткрывателей Южного полюса – Руаля Амундсена и Роберта Скотта, достигнувших цели в 1911 – 1912 годах.

Среднегодовая температура около -49° С, изменяется от

-28⁰ С в декабре до

-60⁰С в июле.

4 января 1958 года на станцию прибыла Трансатлантическая экспедиция Британского содружества с известным альпинистом Эдмундом Хиллари. Это была первая экспедиция, в которой использовался автомобильный транспорт, она двигалась с новозеландской станции «Скотт-Бейс».

На Южном полюсе закат и восход Солнца теоретически видны только по одному разу в год, в осеннее и весеннее неравенство соответственно, но из-за атмосферной рефракции Солнце восходит и заходит в течение более чем четырех дней каждый раз. Здесь нет солнечного времени, нет выраженных ежедневных максимума и минимума высоты Солнца над горизонтом.

В час дня в комнату Джонса осторожно постучали несколько раз. Джонс встал и, одев халат, подошёл к двери. Открыв её, он увидел молодого человека, одетого в форму корпорации без знаков отличия.

– Добрый день. Простите, что побеспокоил. Я пришёл по поручению главы корпорации. Архип Великий хочет лично встретиться с вами сегодня в пять часов в «Big Father House». Мы оба понимаем, что отказ не рассматривается и не подлежит обсуждению, поэтому ровно в пять часов вы должны быть там. И ещё, сегодня кухня работает в свободном режиме, то есть вы можете есть в любое время. Всего доброго.

– Хорошо, я понял, – ответил Джонс.

Человек удалился по коридору. Джонс посмотрел на время, поставил будильник на три часа дня и вернулся в тёплую кровать к Фрэе.

Повторно он встал уже по сигналу будильника, вслед за ним проснулась и Фрэя.

– Что-то происходит? – спросила она томным голосом.

– Меня вызывает Архип, – ответил он.

– Зачем?

– Не знаю. Просто вызывает и всё. Я должен быть к пяти часам. Хочу есть. Ты пойдешь со мной? Сегодня кухня круглосуточная.

– Да ты что?! Конечно, пойду! А спиртное сегодня можно, не знаешь? Башка немного мутная и шампанское очень вкусное было.

– Не знаю. Ну, от бокала я думаю, ничего не случится. Закинешь всё сверху салатом и фруктами. А вылет на «Восток» не раньше завтрашнего утра. Так что у тебя будет ещё много времени, чтобы проветриться.

– О.к., я так и сделаю, но если что, отвечать будешь ты, – шуточно и весело произнесла она, – постой! А с тобой случайно нельзя?

– Конечно, нет.

– Тогда спроси у Архипа, можно ли мне посмотреть на его апартаменты?

– Ладно я спрошу в зависимости от обстановки визита, –

ответил Джонс, – да и ещё, – не хочешь покататься сегодня вдвоём по сдешним пространствам? Здесь очень красивые места и оригинальные тренировочные ландшафты для гонщиков. Это нельзя пропустить!

– Хорошо, давай!

– Собирайся, пойдем обедать! Я пока схожу – найду вахтенного диспетчера, предупрежу заранее, что мы будем совершать рейс сегодня вечером, – сказал, одевшись, Джонс и вышел за дверь.

Вернувшись, они направились вместе в столовую, после чего ещё некоторое время ходили по станции вдвоём, пока Джонсу не пришла пора идти на назначенную встречу. Никого из участников вчерашнего торжества они не встретили. Видимо все ещё спали, хотя официант в столовой сказал, что один из гонщиков приходил обедать по расписанию и пить кофе, и, судя по-всему, это был Ганс.

– Я не задержу вас надолго, – начал свою реплику Архип Великий, обращаясь к Джонсу, когда тот уже сидел у него за столом, – несомненно, вы показали лучший результат не только, как пилот, но и как член команды. Я не собираюсь лезть в ваши проблемы и отношения с бывшим капитаном Зордаксом, хотя на его месте я бы заткнулся и сидел тихо, не показываясь. А лучше всего, подобрал бы свои амбиции от тестестеронового токсикоза и отчалил восвояси, чтобы мне не пришлось ещё раз разруливать очередные проблемы перед нашими партнерами по бизнесу! Так вот, сле-

дующая миссия планируется через два месяца, то есть она точно будет через два месяца, и вы все будете в ней участвовать!!! И Зордакс там будет участвовать тоже, если вдруг ему не захочется отказаться! А мне было бы проще и спокойней заменить его Майером или Кёхлером! Вы знаете, почему я не могу этого сделать?! Потому что немцы не согласны принимать участие в совместных миссиях пилотами второго плана. А вы наверно подумали, что меня терзают какие-то патриотические предубеждения? В общем, для следующей миссии, как и в целом для последующих миссий программы, мне будет необходим капитан. Тот, кто будет отвечать за всё происходящее в вашей команде, и являться связующим звеном между пилотами и руководством, соответственно со своими полномочиями и естественно дополнительным вознаграждением. Вознаграждение, сразу оговорю, чтобы всё было прозрачно и понятно, при условии, что не будет никаких проблем как в прошлый раз, будет составлять полтора, а в случае успешного выполнения миссии – два вознаграждения пилота. Ну и понятно, что эту должность я предлагаю вам! Все обоснования и мои и ваши ясны и понятны. Я своё слово сказал, остаётся дело за вами. Думать будете? Или тут нечего думать?

– Я согласен! – твёрдо ответил Джонс.

– А ну и прекрасно! Просто замечательно! Именно такого ответа я от вас и ожидал! Значит, все документы и приказы будут подготовлены ещё до вашей увольнительной на «Во-

стоке». Вы их подписываете, инструкции берёте с собой, получаете деньги, уходите в отпуск, по возвращению вступаете в должность. Можете обрадовать своих друзей, секретной эта информация не является. Если вопросов нет, вы свободны!

– Есть один вопрос!

– Слушаю!

– Моя подруга, пилот сновигатора «Space Shark», бывший капитан моей группы, Ольга Фреянова, очень хочет посмотреть на ваш офис, и просила меня спросить у вас разрешения.

– Да ради Бога, смотрите, сколько хотите! Спросите у дежурного при входе в сектор, я предупрежу его, он вас проводит и за всем проследит. Надеюсь, моё присутствие вам при этом не требуется.

– Нет-нет. Только офис, спасибо!

Джонс возвращался ошеломленный, счастливый и довольный. Он никогда бы не подумал, что для него это всё может так обернуться. Он был не из робкого десятка и на фоне своего офицерского звания никогда не позволил бы себе струсить и сделать шаг назад, но сегодня его охватило реальное беспокойство и чтобы не начать осторожничать приходилось серьёзно бороться с собой. Дело в том, что, не смотря на тяжёлые испытания во время миссии, он в короткие сроки добился невероятно больших результатов, придя в программу всего месяц назад. Он победил соперника, нашёл

свою любовь, стал героем среди остальных пилотов, заработал большие деньги, получил гарантированную возможность участвовать в следующей миссии, да ещё и возглавил всю команду. Здесь любой бы начал следить за каждым своим шагом. Джонс просто не знал, что его ожидает в дальнейшем за все эти прелести, и что Архип на самом деле вёл очень сложную неоднозначную игру, никогда не бросался деньгами просто так, и Джонсу придётся убедиться в этом уже сегодня вечером.

Когда после встречи он рассказал обо всём Фрэе, было уже шесть часов. Фрэя обрадовалась за него, но какое-то внутреннее препятствие всё-таки не давало ей сделать это до конца откровенно. Внутренне она позавидовала ему, так как ирония отнеслась к ней достаточно остро, сделав Джонса её капитаном, а не наоборот. К тому же теперь он был абсолютно достаточен, независим, а значит, и менее управляем, что являлось естественным поводом для появления излишней ревности.

– Ты спросил про меня? – начала она с грустью.

– Да, он разрешил, только давай после ужина, часов в восемь, а сейчас пошли

– прокатимся, пока не совсем стемнело.

– Хорошо, – ответила Фрэя.

Они выехали с полигона в сторону тренировочных платформ. Так называли территории с искусственными и естественными препятствиями, для прохождения тренировоч-

ных заездов. Фрея и Джонс спокойно вели свои машины, не превышая семидесяти узлов, практически вплотную друг к другу таким образом, что было видно очертания лица через стекло кабины. Они то и дело отходили на небольшое расстояние, потом снова сближались и переглядывались между собой. Окружающий пейзаж был умиротворенным и завораживающим.

Они так засмотрелись друг на друга, что не заметили, как на радаре к ним быстро приближается точка. Внезапно раздался громкий свист форсажа и на скорости, приближенной к максимальной, их резко и достаточно характерно подрезал сновигатор неизвестной модели. Джонс по реакции даже вильнул в сторону.

– Что это было?! – произнес он.

– Не знаю! – ответила Фрея.

– Сейчас включу идентификатор.

Он нажал несколько кнопок на панели навигации, на экране высветилась вращающаяся 3D проекция сновигатора, его описание, тип модели и название «Arctic Phantom». Сновигатор имел внушительный вид и судя по всему серьёзные ходовые параметры. Он сделал круг где-то впереди и начал двигаться навстречу в направлении фронтальной атаки.

– Джонс, что он делает?! – заволновалась Фрея.

– Не знаю, держись рядом, скорость не снижай! – скомандовал Джонс.

«Арктический фантом» нёсся прямо на них на той же су-

масшедшей скорости. Внезапно в эфире раздался незнакомый голос на английском:

– Приветствую тебя, Джонс! Меня зовут Стив Эдиссон. Я смотрю у вас тут романтическая прогулка. Не расслабляйся, герой! Выходит, ты самый лучший из всех?! Позволь мне усомниться в этом! Предлагаю тебе ещё раз убедиться в своём лидерстве и прямо сейчас прокатиться на со мной до вашей станции «Восток»!

В этот момент его сновигатор совершил зверский фронтальный подрез спереди на высокой скорости и ушёл назад для совершения маневра на разворот в обратную сторону.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.